

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910 г.

Т I.

(№№ 1—6).

ХАРЬКОВЪ,
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14.
1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

Т I. №№ журнала 1—6.

За 1910 годъ.

Цельсъ и Оригенъ. Свящ. Іоанна Филевскаго, стр. 1—25, 145—180, 318—341.

Святой Димитрій Ростовскій и его творенія. А. Вертеловскаго, стр. 26—34, 181—191, 342—359.

Наука и апологетика А. Лаппарана. Н. П. Ц., стр. 35—70, 192—221, 703—734 *).

Христіанская догматика. Епископа Мартенсена, стр. 71—83, 309—317 *).

Психологическія данныя въ вопросъ о миссіонерской тактикѣ. Свящ. Н. Липскаго, стр. 84—96.

Слово въ престольный праздникъ Антоніевской Церкви Императорскаго Харьковскаго Университета, 17-го января 1910 года. Прот. Н. Стеллецкаго, стр. 137—144.

Метафизическое ученіе о душѣ у Лейбница и Гербарта. К. А. Смирнова, стр. 222—242, 757—783 *).

Слово, сказанное къ заключеннымъ Харьковскихъ Исправительныхъ Арестантскихъ Ротъ, 24-го января 1910 года. Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, стр. 281—286.

*) См. сл. т.

Сердце и его значеніе въ религіозно-правственной жизни по ученію Священнаго Писанія. **Н. Богославскаго**, стр. 287—308.

Эстетическое воспитаніе въ духовной школѣ. **Александра Гладкова**, стр. 360—374, 471—495.

Слово, сказанное въ недѣлю о Влудномъ Сыиѣ 14 февраля 1910 года. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго**, стр. I—XII.

Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ канонахъ въ Страстную седмицу. **М. В. Д.**, стр. 417—434, 565—584.

Аріанскій споръ о познаваемости Бога. **Свящ. Евграфа Овсянникова**, стр. 435—450.

Идея нагляднаго обученія въ главныхъ моментахъ ея историческаго развитія и практическомъ примѣненіи. **В. Доброславскаго**, стр. 451—470, 585—601, 735—744.

Политическія формы жизни и народное развитіе съ философско-исторической точки зрѣнія. **Александра Никольскаго**, стр. 496—516.

Поученіе къ воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи, произнесенное въ Семинарской церкви, 12 марта 1910 года. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго**, стр. I—IV.

Всесовершенный характеръ Богочеловѣка. **Павла Левитова**, стр. 557—564.

Натуралистическій монизмъ Геккеля. **Свящ. Николая Липскаго**, стр. 602—617, 745—756 *).

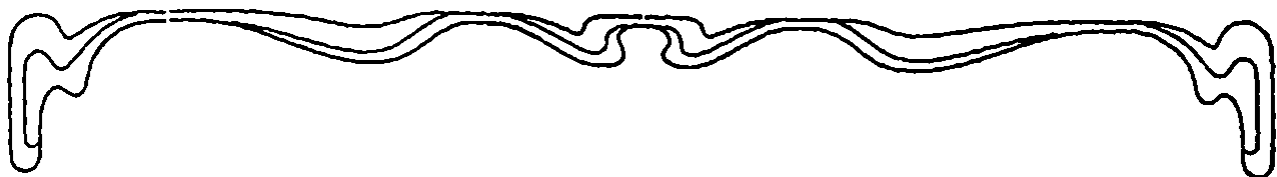
Вѣра и знаніе въ буддизмѣ. **В. Н—ва**, стр. 618—626.

Буддизмъ и христіанство. **Іоасафа Краснитскаго**, стр. 627—646 784—790 *).

Нѣсколько словъ по вопросу о происхожденіи русскаго патріаршества. **В. Делекторскаго**, стр. 695—702.

*) См. сл. т.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 1—6, за 1910 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 97—100, 244—248, 377—381, 517—520, 659—663, 801—805.

Письма на имя Его Высокопреосвященства, Архіепископа Харьковскаго Арсенія, стр. 243—244, 375—376.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 244.

Предупрежденіе относительно сирійцевъ, занимающихся сборами въ Россіи, стр. 248—250.

Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, стр. 376—377, 647—648.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго учил., стр. 381.

Присоединеніе къ православію, стр. 381.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1908—1909 учебный годъ, стр. 521—532, 648—659 *).

Воззваніе, стр. 664—665.

Высочайше утвержденное 6 іюня 1904 года Положеніе о взаимномъ страхованіи отъ огня строеній духовнаго вѣдомства, стр. 791—801.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, стр. 805.

Объявленіе Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, стр. 805.

*) См. сл. т.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержанія и другія.

Думы при наступленіи новаго года. Свящ. **І. З. Гораина**, стр. 101—105.

Православныя религіозно-просвѣтительныя братства на Русн. **І. Татарскаго**, стр. 105—117.

Изъ періодической сектантской печати. Миссіонера свящ. **В. А. Черкесова**, стр. 117—121.

Вѣра ни горячая, ни холодная. Свящ. **Николая Чепурина**, стр. 250—259.

Дѣятельность миссіонерскихъ кружковъ ревнителей православія. **В. Ч.**, стр. 260.

Протоіерей **Дмитрій Васильевичъ Разумовскій. Н. Соловьева**, стр. 382—390, 533—537.

Открытіе миссіонерскаго кружка въ слободѣ **Панъ-Ивановкѣ Харьковскаго уѣзда. Миссіонера свящ. В. А. Черкесова**, стр. 390—395.

Выписка изъ отчета о дѣятельности **Основянскаго миссіонерскаго кружка ревнителей православія за 1909 г. В. Ч.**, стр. 537—540.

Сѣздъ духовенства четырехъ благочинническихъ округовъ **Харьковской епар. Свящ. Θεодора Сулимы**, стр. 540—542.

Вѣра безбожная. (Слово). Свящ. **Николая Чепурина**, стр. 664—672.

О почитаніи св. Креста. (Бесѣда съ сектантомъ). Миссіонера свящ. **В. А. Черкесова**, стр. 673—679, *).

Новое еженедѣльное изданіе **Троицкой Сергіевы Лавры**, стр. 806—810.

Рѣчь депутата отъ **Харьковской губерніи**, сказанная въ засѣданіи Государственной Думы 25 февраля при обсужденіи государственной росписи по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на 1910 годъ. **Протоіерея Алексѣя Станиславскаго**, стр. 810—815.

Цервное собраніе миссіонерскаго кружка въ приходѣ **Георгіевской церкви с. Филенкова, Богодуховскаго уѣзда. Свящ. Николая Кузуба**, стр. 816—818.

*) См. сл. т.

Дѣятельность Благовѣщенскаго миссіонерскаго кружка ревнителей православія. В. Ч., стр. 818.

III.

Епархіальная хроника.

Архіерейскія богослуженія. Прот. І. Гончаревскаго, стр. 121—123, 260—262, 395—398, 679—681.

Торжественное празднованіе школьнаго юбилея Сватово-Луцкими церковно-приходскими школами. Свящ. Николая Чернявскаго, стр. 123—125.

Отрадный примѣръ добрыхъ истинно-христіанскихъ отношеній прихожанъ къ своему пастырю. Свящ. Іоанна Торанскаго, стр. 126—127.

Некрологъ. Свящ. Павла Курскаго, стр. 127—128.

Юбилей 25-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ священника слободы Алексѣевки Валковскаго уѣзда отца А. П. Попомарева. Свящ. В. А. Черкесова, стр. 262—266, 547—549.

Надъ свѣжей могилой. (Памяти о. протоіерея Ефимова). Волчанскаго мірянина, стр. 266—271.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи, стр. 398—399, 819.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго женскаго училища. Прот. Іоанна Котова, стр. 399—341, 820—822.

Харьковское Іоанно-Предтеченское Общество трезвости, что при Спасо-Преображенской церкви (на Москалевкѣ). Прот. П. Вомина, стр. 401—404.

Прощаніе духовенства Харьковской епархіи съ митрофорнымъ протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ, по случаю вторичнаго избранія его членомъ Государственнаго Совѣта и отъѣзда на постоянное жительство въ С.-Петербургъ. Свящ. Маркіана Федоровскаго, стр. 542—547, 681—687, 822—827 *).

Памяти почившаго Харьковскаго епархіальнаго миссіонера Василія Аввакумовича Черкесова. Свящ. Феодора Сулимы, стр. 549—553.

*) См. сл. т.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Новый Экзархъ Грузіи, стр. 129.

Опредѣленіе Полоцкой дух. консисторіи, стр. 129—130.

Къ борьбѣ съ сектанствомъ, стр. 130—131.

Инструкція для священно-церковно-служителей Московскои епархіи, стр. 271—273.

Однодневные церковно-учительскіе съѣзды Орловскои епархіи, 273—274.

Циркулярное предложеніе Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній Могилевскои епархіи, стр. 404—410, 687—693, 828—833.

О прославленіи Святителя Иоасафа (Горменко), стр. 553.

Ходатайство Митрополита Флавіана, стр. 553—554.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Ученіе и развлеченіе, стр. 131—133.

Общество взаимности славянскихъ ученыхъ, стр. 133-134.

Библиографическая замѣтка, стр. 134—136.

Изъ исторіи осады Троицкой лавры, стр. 274—279, 410—415.

Гибель Содома и Гоморры, какъ историческій фактъ, стр. 415—416.

Комета Галлея, стр. 554—555.

Археологическія раскопки въ Іерихонѣ, стр. 693—694.

Розыскъ, стр. 694.

Безпринципность молодежи, стр. 834—836.

„Подпольники“, стр. 836.

Копія съ письма гр. Льву Николаевичу Толстому отъ кн. Маріи Кропоткиной (Озерской), стр. 836—837.

Отдѣльное приложеніе.

Отчетъ Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковскои духовной семинаріи за 1908—1909 годъ.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 1.

ЯНВАРЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Цельсъ и Оригенъ. Свящ. Іоанна Филевскаго	1—25
Святой Димитрій Ростовскій и его творенія. А. Верте- ловскаго	26—34
Наука и апологетика А. Лаппарана. Н. П. Ц.	35—70
Хрстіанская догматика. Г. Мартенсена.	71—83
Психологическія данныя въ вопросъ о миссіонерской тактикѣ. Свящ. Н. Липскаго	84—96

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія. II. Думы при наступле-
ніи новаго года. *Свящ. І. З. Гораина.*—Православныя религіозно-
просвѣтительныя братства на Руси. *І. Татарскаго.*—Миссіонерскій
листокъ. Изъ періодической сектантской печати. *Свящ. В. А. Черке-
сова.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя
извѣстія и замѣтки и Библиографическая замѣтка.—Объявленія.
(Стр. 97—136).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-настырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

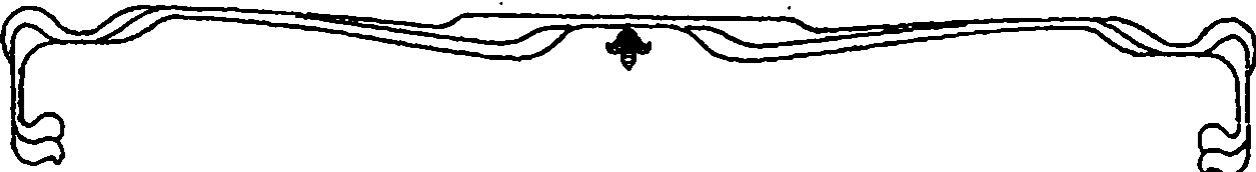
ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Цельсь и Оригенъ ¹⁾.

Апология христіанства, какъ религіи и этики, какъ религіозной метафизики и ученія о вселенной, занимала выдающееся мѣсто въ исторіи древней церкви, въ исторіи ея мысли и идеаловъ, духовныхъ настроеній и религіозныхъ переживаній.

Въ первые 3 вѣка нашей эры, въ періодъ жестокихъ, несправедливыхъ и обидныхъ гоненій на христіанъ отъ римскаго государства, въ періодъ катакомбъ и мученичества за „Распятаго за ны при Понтіи Пилатѣ“, христіанству приходилось защищаться съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ враговъ. На этой почвѣ и возникли всѣ древнія христіанскія апологіи, какъ особый видъ литературнаго творчества церкви, увѣренной въ своемъ призваніи и міровомъ предназначеніи ²⁾. Въ нихъ апологеты, эти первые христіанскіе ученые и образованные представители церкви, заговорили съ язычествомъ языкомъ права, науки и философіи въ инте-

¹⁾ Изъ лекцій по апологетическому богословію, читанныхъ студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета въ 1907/8 и 8/9 гг.

²⁾ Такъ появились: Первая и вторая „Апологіи за христіанъ“ св. *Иустина*, мученика-философа, обращеннаго къ императору Антонину Пію и его пріемнымъ сыновьямъ, Люцію Веру и Марку Аврелію, и „Увѣщаніе къ эллинамъ“; *Аристида* аѳинскаго философа, „Апология“, адресованная имп. Антонину Пію; *Татиана* († ок. 170 г.) „Рѣчь противъ эллиновъ“; *Аоинагора Домианина* „Прошеніе за христіанъ“ къ императору Марку Аврелію и „О воскресеніи мертвыхъ“; св. *Феофила Антіохійскаго* „Къ Автолику“ язычнику о христіанской вѣрѣ; *Ермія* „Осмѣяніе языческихъ философовъ“; *Мильтиада* апология „Къ мірскимъ властямъ“; *Миниція Феликса*, еп. Африканскаго, „Октавій“; *Тертуллиана* „Апологетикъ“, „Къ язычникамъ“, „Къ Скапуль“ (Карвагенскому проконсулу) и „О свидѣтельствѣ души“; св. *Клипріана Карвагенскаго* „О тщетѣ идоловъ“; *Климентя Александр.* „Увѣщатель-

ресахъ самооправданія и самозащиты. Поэтому въ нихъ яркими чертами обрисована и вся научно-литературная борьба язычества съ христіанствомъ, философскихъ идей языческой религіи съ религіозной вѣрою церкви.

Противъ христіанства вооружались языческое *государство, народъ и философы,—культура, религія и наука.*

Вся греко-римская цивилизація и культура были воплощены въ государствѣ. Государство поглощало собою все стороны народной, личной и общественной жизни. Въ лицѣ обоготворенныхъ императоровъ—*divus caesar*—политика и религія были обезличены до неузнаваемости. Апотеоза римскихъ императоровъ—вотъ яркій и всеобъемлющій символъ абсолютнаго смѣшенія религіи и политики въ римскомъ государствѣ. Само собою разумѣется, что съ такимъ пантеистическимъ безразличіемъ религіи и государственнаго міросозерцанія не могло мириться христіанство, провозгласившее устами своего Божественнаго Учителя и Господа: „*отдавайте Кесарю Кесарю, а Божіе Богу*“ (Матѣ. 22, 21). И это отрицаніе христіанствомъ государственно-политической апотеозы язычества особенно обнаруживалось у судебныхъ трибуналовъ, во время судебныхъ процессовъ на христіанъ, когда они считали за лучшее для себя умирать на кострахъ, въ темницахъ и циркахъ, чѣмъ кощунственно произнести клятву гениемъ (*δαίμων*) и судьбой (*τύχη*) императора, принести жертву, воскурить ѳиміамъ предъ его статуей или изображеніемъ и, такимъ образомъ, предать проклятію Христа, своего Бога.

„Видя такое отношеніе христіанъ къ высшему идеалу государственной жизни, адепты языческаго государства считали христіанъ за опасныхъ людей, за неслыханныхъ и величайшихъ политическихъ преступниковъ, за анархистовъ и революціонеровъ, не признававшихъ верховной власти императоровъ, а ихъ вѣру за вредяую политическую теорію. Поэтому, естественно, что на христіанъ были воздвигнуты гоненія, и степень ихъ напряженности зависла отъ характера политическихъ интересовъ и личныхъ настроеній того

ное слово къ эллинамъ“. Многія изъ древнихъ анологій не сохранились до нашего времени. Таковы, напр., „Защитительная рѣчь“ *Кодрата*, епископа Аѳинскаго, обращенная къ императору Адріану, такая же рѣчь *Клавдія-Аполлинарія*, епископа Іерапольскаго и „Книга противъ эллиновъ“ св. Иринея Ліонскаго.

или другого императора, воздвигавшаго эти гоненія. Христианство считалось „религіей недозволенной“ (*religio illicita*) римскими законами, угрожавшею благосостоянію государственной жизни. И лучшіе римскіе императоры были самыя жестокіе гонители христіанъ (Маркъ Аврелій, Діоклетіанъ).

Противъ этихъ обвиненій въ неповиновеніи верховной государственной власти и для объясненія истиннаго отношенія христіанъ къ политикѣ и государству необходимо было доказать, что христианство, какъ религія, есть здоровая духовная сила и вовсе неопасно для государства, что оно, разграничивая религію отъ политики, церковь отъ государства, не смѣшиваетъ ихъ до анархическаго безразличія, равно какъ и не раздѣляетъ ихъ до совершенной противоположности или до атеистическаго отдѣленія религіи отъ государства, но оно воздаетъ должное Кесарю, какъ верховному представителю и власти государства, требуетъ молитвъ за него и подчиняется его власти. Христианство—добрая культурная сила. Оно вноситъ съ собою лучшіе элементы въ составъ общества и государственной жизни, преобразовывая ее, вдохновляя ее. Христіане—надежныя граждане. Поэтому, христианство вовсе невраждебно государству, если само государство имѣетъ въ виду общее благо своихъ членовъ, улучшеніе соціальной жизни общества и воспитаніе народа. Христианство достойно пользоваться покровительствомъ государственныхъ законовъ на ряду съ другими религіями и культурами, дозволенными государствомъ. Этому требуетъ и „благочестіе, и философія“¹⁾.

Отношеніе языческаго государства къ христианству всецѣло раздѣлялъ простой народъ, толпа (*ἄχλος*), видѣвшая въ язычествѣ, въ религіозной вѣрѣ язычества, единственное оправданіе, основу и поддержку государственнаго строя римской имперіи. Не зная тайнъ христіанской религіи и особенностей культа христіанъ за невозможностью проникнуть на ихъ общественныя Богослуженія, особенно при существованіи въ церкви на первыхъ порахъ „тайной дисциплины“²⁾,

1) Св. Іустинъ, Апол. 1, 3.

2) *Disciplina arcana* была дѣломъ самостоятельнаго творчества первенствующей церкви. Между христіанскими таинствами и языческими мистеріями нельзя указать никакихъ непосредственныхъ историческихъ и догматическихъ связей и взаимодействія. Кромѣ того,

и въ то же время видя, что они презираютъ языческихъ боговъ, не поклоняются идоламъ, не ходятъ въ капища, не приносятъ жертвъ,—народъ считалъ ихъ за „безбожниковъ“ (*ἀθεοί*)¹⁾, отъ которыхъ угрожаетъ гибель государству, а такъ какъ съ бытіемъ и исторіей римскаго государства связывалась и судьба всей вселенной, всего человѣчества, то ихъ считали и за „человѣконенавистниковъ“. На христіанъ возводили тяжкія обвиненія въ ужаснѣйшихъ противоестественныхъ преступленіяхъ и поразительной безправственности, въ совершеніи тѣстовыхъ и эдиповыхъ грѣховъ. О нихъ говорили, что они почитаютъ „ослиную голову“²⁾, ѣдятъ человѣческую плоть и пьютъ человѣческую кровь на своихъ ночныхъ собраніяхъ, на „вечеряхъ любви“ (*ἀγάπη*) и допускаютъ „свальный грѣхъ“ въ своихъ „тайныхъ дружествахъ“ (этеріяхъ). Взрывъ народныхъ негодованій противъ христіанъ въ значительной степени питался этими темными небылицами о христіанствѣ.

Въ виду этихъ предразсудковъ народа противъ христіанства и въ цѣляхъ проясненія истины нужно было выставить безупречный нравственный характеръ христіанъ и въ то же время показать, что „жить по-христіански“ это вовсе не значить вести себя „противозаконно“ (*παράνομος*),³⁾ что христіанство не „безнравственный культъ“ и не „безчеловѣчная религія“, а великій и свѣтлый путь духовной жизни,—путь новый и вѣчный,—что оно есть религія вопстиную народная, стремящаяся облагодѣтельствовать массы народа свѣтомъ истиннаго благочестія. Оно призвано замѣнить и устранить старую религію язычества богатствомъ благодати новой истины и правды Божіей.

Философы закрѣпляли и, такъ сказать, догматизировали эти вульгарныя нападки на христіанъ и первохристіанство. Въ своемъ превозношеніи они считали христіанство,

---

христіане относились съ большимъ недовѣріемъ и даже отвращеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ языческой религіозности и культа. Этимъ обстоятельствомъ само собою исключалось намѣренное подраженіе мистеріямъ со стороны христіанъ и приспособленіе ихъ къ цѣлямъ и задачамъ христіанскаго богослуженія (*Rothe, De disciplina arcani, см. у Herzog'a. Real.-Encykl. I, s. 469*)

¹⁾ Евсевій, Церк. ист. IV, 15.

²⁾ По свидѣтельству Тертуллиана.

³⁾ Евсевій, Ист. церкви VI, 19.

какъ религію, „безуміемъ вѣры“, вѣрой невѣжественныхъ массъ, возставшаго пролетаріата, бѣдныхъ рыбаковъ и бездомныхъ рабовъ. На христіанство они смотрѣли, какъ на своеобразное соціально-экономическое народное движеніе, а религіозную сторону его объясняли обыкновеннымъ суевѣріемъ простаго народа.

Противъ этихъ предубѣжденій со стороны философовъ нужно было отстоять религіозно-философскій характеръ христіанства, установить, какъ несомнѣнное положеніе, что христіанство не „чрезмѣрное суевѣріе“¹⁾, не „неразуміе вѣры“, а, напротивъ, это есть религія „свѣта разума“ и проповѣдь не „слѣпой вѣры“ и „страха невѣдѣнія“, а ясное и полное откровеніе Логоса, воплотившагося Бога-Слова, просвѣщающаго весь міръ и всякаго человѣка, живущаго въ этомъ мірѣ. Какъ религія Логоса и Новаго Завѣта, христіанство вовсе не враждебно культурѣ и историческому прогрессу, а, напротивъ, только при немъ возможна истинная культура и истинный прогрессъ, и только въ немъ вѣрный залогъ истиннаго познанія вещей и природы всего міра.

Самоотвержена и велика была эта апологетическая дѣятельность христіанскихъ писателей. Огромная защитительная литература, выставленная ими противъ язычества, была результатомъ духовнаго самоопредѣленія и самосохраненія церкви. Въ ней выразился весь разумъ, вся Евангельская душа церкви. Въ ней участвовали всѣ лучшія умственные и духовныя силы первохристіанства. Имена такихъ писателей-апологетовъ, какъ св. Іустинъ-философъ, св. Иринеѣ Ліонскій, Минуцій Феликсъ, Тертуллианъ, Климентъ Александрійскій и Оригенъ, говорятъ сами за себя. Это рядъ великихъ творцовъ богословской мысли и неувядаемыхъ свѣточей христіанства. Въ нихъ геній юной церкви отобразился, какъ великая духовная сила, препобѣдившая вѣру, мысль и совѣсть одряхлѣващаго язычества. Оттого такъ плодотворна и велика была ихъ литературно-апологетическая работа на пользу церкви.

Особенно напряженна была апологія христіанства въ борьбѣ съ языческой философіей, какъ теоріей религіознаго познанія и ученіемъ о вселенной. Философы язычества были принципиальными противниками христіанства, какъ религіи и особенно какъ теоріи о вселенной. Они всячески

¹⁾ Выраженіе Плинія Младшаго о христіанствѣ.

желали показать внутреннюю несостоятельность христіанства съ точки зрѣнія языческой философіи, науки, искусства, поэзіи и исторіи.

Противъ ихъ идеологіи и критики апологеты указывали на религіозно-философскія основы христіанства. Поэтому, христіанскому ученію они придавали характеръ философской или научной системы, своего рода богословской теоріи. Противъ языческой философской мысли они выставляли христіанскую философію вѣры и знанія. Минуцій и Октавій —христіане—сходятся съ другомъ своимъ язычникомъ—Цециліемъ—для того, чтобы привлечь его на сторону христіанства путемъ разумныхъ убѣжденій.

Правда, не всѣ апологеты одинаково успѣшно выполняли эту великую задачу научно-философскаго оправданія и защиты христіанства. Въ раннихъ апологіяхъ проблема научной теоріи христіанства является еще въ зачаточномъ состояніи, въ намекахъ и символахъ мысли, робко выступившей на новый путь научной критики и философской оцѣнки многовѣковаго язычества. Философско-научная сторона христіанскаго міросозерцанія здѣсь еще довольно элементарна и слаба, не рѣдко противорѣчива, смутно формулирована и не достаточно ясно выражена и разграничена. Но все-же изъ главныхъ возраженій, положеній и общихъ выводовъ древнихъ апологетовъ, направленныхъ противъ языческихъ философовъ, можно начертать цѣлую онтологію основныхъ истинъ христіанскаго міросозерцанія, можно установить цѣлый рядъ религіозно-философскихъ началъ христіанства, какъ ученія о вселенной, о Богѣ и его отношеніи къ міру и человѣку.

Зато у св. Іустина философа, у Климента Александрійскаго и особенно у Оригена основная мысль о философскомъ характерѣ и значеніи христіанства, какъ особой теоріи о вселенной, достаточно полно раскрыта и обоснована. Извѣстны эти глубокосодержательные термины: *λόγος σπρωματικός* (у Іустина), *λόγος προδικτικός* и *λόγος ενδιάθετος* (у Климента и Оригена). Въ трудахъ этихъ апологетовъ мы уже видимъ вполне научные методы и способы познанія христіанства, а также цѣлую систему философской защиты христіанскаго вѣроученія, какъ религіозной метафизики.

Говоря такъ о важности и значеніи древне-христіан-

скихъ апологій для самооправданія христіанства, мы должны имѣть въ виду, что *богословіе* апологетовъ нельзя прямо отождествлять или смѣшивать съ *върою* церкви, ихъ теоріи и взгляды съ догматами христіанства. Да и по отношенію къ ихъ собственнымъ воззрѣніямъ должно сказать, что въ ихъ апологетическихъ трудахъ, обращенныхъ къ язычникамъ или „*внѣшнимъ*“,—по выраженію ап. Павла (1 Тим. 3, 7),—и имѣвшихъ свои спеціальныя задачи и цѣли, эти воззрѣнія не могли найти полнаго выраженія и закругленія единой и общей мысли.

Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ и смѣлыхъ противниковъ христіанства изъ числа философовъ былъ *Цельсъ*. Это былъ первый идейный врагъ христіанства, выступившій противъ него во всеоружіи языческой философіи и вѣроученія.

Цельса обыкновенно считаютъ современникомъ и другомъ Лукіана Самосатскаго (120—135 г.), который въ своихъ неблагопристойныхъ сатирахъ „*Περὲρ ἑρῶτος*“ (пародія на христіанское мученичество) и *Φιλοσοφείης* (пародія на чудеса) подвергъ осмѣянію христіанъ съ эпикурейской точки зрѣнія ¹⁾. За несерьезность критики, за поверхностное отношеніе къ истинамъ христіанства, за скептицизмъ и безвѣріе, за шутки и остроты по адресу христіанъ, Лукіанъ очень удачно прозванъ „Вольтеромъ II вѣка“. А его друга, Цельса, мы съ своей стороны назвали бы „Ничше того-же вѣка“, за большое сходство или совпаденіе нѣкоторыхъ основныхъ религіозно-этическихъ воззрѣній, несмотря на всю дальность историческаго разстоянія между этими писателями. Цельсъ—типичный декадентъ философъ II вѣка по Р. Х., а Ничше такой-же противникъ христіанства на рубежѣ XIX и XX вѣковъ. У Ничше повторяются во многихъ мѣстахъ его философско-моральныхъ сочиненій тѣ-же нападки на христіанство, что и у Цельса, съ тою только разницею, что у Цельса они представлены какъ бы въ „завитомъ видѣ“, а у Ничше они доведены до логической крайности, до декадентской откровенности и рѣзкости, до звѣрипой жадности разрушить христіанство. Какъ видно, кольцо первоначальнаго антихристіанства на почвѣ языческой философіи сомкну-

¹⁾ *Н. Лебедевъ*, Сочиненіе Оригена „Противъ Цельса“. Опытъ изслѣдованія по исторіи литературной борьбы христіанства съ язычествомъ. Москва, 1878 г., стр. 63.

лось въ лицѣ злосчастнаго Ницше, этого главнаго „врага христіанства“ нашей богоборной эпохи, съ логической силой аргументаціи, съ высокимъ подъемомъ мыслительныхъ силъ вооружающагося противъ христіанской религіи и нравственности.

Но чѣмъ больше мракъ, тѣмъ ярче свѣтъ путеводныхъ огней и звѣздъ—благовѣстницъ. „На дворѣ темнѣеть, возжигаютъ свѣтильники въ домѣ“. И родная семья дружнѣй вокругъ своего очага, вокругъ кроткой лампы. Такъ живетъ и церковь, эта вселенская семья Богопочитателей, обуреваемая новымъ язычествомъ нашей бурной эпохи. Гуще тьма безвѣрія и „богоборчества“ противъ христіанства, ярче горитъ на „церковномъ небосклонѣ“ Тихій Свѣтъ, Который просвѣщаетъ всякаго человѣка (Іоан. 1, 9), всѣхъ, „иже въ тьмѣ сидятъ“ (Матѣ. 5, 15). Отъ Его присносушей свѣтлости возгорѣлась въ катакомбахъ спасительная вѣра первохристіанства. Отъ Него-же и теперь, какъ и всегда, струится благодать побѣды вѣрныхъ Его надъ безчеловѣчнымъ и сумрачнымъ язычествомъ, возродившимся въ хаосѣ богоборной мысли современнаго человѣчества...

Цельсъ выступилъ противъ христіанства, при императорѣ-философѣ Маркѣ Авреліи (161—180 г.), во второй половинѣ II вѣка по Р. Х., со своимъ огромнымъ философскимъ сочиненіемъ *Λόγος ἀληθῆς* („Истинное Слово“). Это сочиненіе, въ сущности, представляетъ грубо-полемическій трактатъ противъ основныхъ догматовъ христіанства и въ частности противъ достовѣрности фактовъ Евангельской исторіи¹⁾. Въ немъ видна злая насмѣшка, беспощадная иронія и презрительное отношеніе къ самымъ священнымъ предметамъ и истинамъ вѣры христіанъ. Кеймъ считаетъ это сочиненіе Цельса самымъ древнимъ сочиненіемъ противъ христіанства, написаннымъ съ точки зрѣнія теоріи древнихъ эллиновъ о вселенной. Онъ датируетъ его 178 г. по Р. Х.²⁾. Сочиненіе это утеряно. Можетъ быть, оно было уничтожено неумѣренной ревностью христіанъ.

Долго, почти 70 лѣтъ, не было отвѣта на эту книгу Цельса со стороны христіанъ. И это не потому, конечно,

¹⁾ Проф. Н. П. Роздественскій, Христіан. Апологетика, Сиб., 1893 г., т. 1, стр. 35.

²⁾ *Theodor Keim, Celsus wahres Wort, Zürich, 1873, s. 261--275.*

чтобы христіанство ничего не могло отвѣтить Цельсу въ свое оправданіе и въ свою защиту, а потому, что это сочиненіе Цельса было слишкомъ оскорбительно для религіознаго чувства христіанъ¹⁾, и церковь молчала, подобно Спасителю, когда на Него лжесвидѣтельствовали и обвиняли Его. Ни изъ исторіи, ни изъ сочиненій Иринея Ліонскаго, Минуція Феликса, философа Ермія и Тертулліана не видно, чтобы они имѣли въ виду полемику съ Цельсомъ. Получается даже такое впечатлѣніе, какъ будто они и вовсе незнакомы съ „Истиннымъ Словомъ“ Цельса.

И только приблизительно въ срединѣ III в. (246—249 г.). Оригенъ (180—254 г.) выступилъ со своимъ апологетическимъ сочиненіемъ „Противъ Цельса“ (*Katà Kélsou*), въ 8 книгахъ²⁾. Этотъ огромный трудъ былъ написанъ Оригеномъ въ старости, по неотступной просьбѣ Амвросія, его друга и мецената, обращеннаго имъ въ христіанство изъ одной гностической секты. Подъ вліяніемъ этого Амвросія были написаны Оригеномъ важнѣйшіе труды по истолкованію Св. Писанія.

Сочиненіе Оригена „*Katà Kélsou*“ представляетъ превосходное возраженіе на всѣ нападки Цельса противъ христіанства³⁾. „Въ противовѣсъ обвиненіямъ Цельса, направленнымъ противъ христіанъ“⁴⁾, Оригенъ ведетъ въ немъ образцовую защиту христіанства. На каждое положеніе Цельса онъ даетъ свой отвѣтъ, „хотя,—говоритъ онъ,—слова Цельса собственно никого изъ вѣрующихъ не могутъ привести въ смущеніе“⁵⁾. И поэтому,—какъ говоритъ Оригенъ въ предисловіи къ этому сочиненію,—онъ „свою книгу написалъ вовсе не для вѣрующихъ, но для тѣхъ собственно, которые или совершенно не приобщились къ вѣрѣ во Христа, или же въ вѣрѣ еще слабы“⁶⁾.

1) *Н. Лебедевъ*, Цитиров. соч., стр. 61.

2) Подробное изложеніе и разборъ этого сочиненія см. у *К. Werner'a*, *Die Geschichte der apologetischen und polemischen Literatur der christlichen Theologie*, 1861, § 48—53, s. 171—211.

3) Мы цитируемъ это сочиненіе по изданію Миня (*Patrl. curs. complet.*, Ser. gr., t. XI) и по русскому переводу проф. Л. Писарева. Къ сожалѣнію, переводъ проф. Писарева не оконченъ; переведены только предисловіе, 1 и 2 книги и начало 3-ей (въ „Правосл. Собесѣдникѣ“, за 1903—1905 г.г.).

4) Русск. перед., стр. 6.

5) Тамъ—же, стр. 5.

6) Стр. 8.

Книга Оригена, несомнѣнно, подлинное его произведе-
ніе во всѣхъ своихъ частяхъ. Въ ней Оригенъ сохранилъ
существенныя возраженія противъ христіанства одного изъ
важнѣйшихъ его противниковъ. Изъ этого сочиненія въ на-
стоящее время мы знаемъ гораздо больше о раннихъ фило-
софско-паучныхъ нападкахъ на христіанство со стороны язы-
чества, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ сочиненій этого рода. До-
бросовѣстность Оригена въ передачѣ возраженій и аргумен-
товъ Цельса находится внѣ сомнѣнія. Онъ не только не
извращаетъ словъ своего противника, но даже не позволя-
етъ себѣ малѣйшей ихъ перестановки, приводитъ въ томъ-
же порядкѣ, какъ у Цельса.

По своему значенію сочиненіе Оригена „Противъ Цельса“
составляетъ эпоху въ исторіи христіанской апологетики¹⁾.
Это,—какъ говоритъ проф. Д. Гусевъ,—по всей справедли-
вости лучшая апологія христіанства въ ряду другихъ апо-
логетическихъ произведеній древней христіанской церкви²⁾.
Какъ на апологію, на это сочиненіе смотрѣлъ и самъ Оригенъ³⁾.
Послѣ него важнѣйшіе *созѣриа* (ложные выводы) и ѣдкіе сар-
казмы Цельса потеряли всю прелесть непобѣдимости и всю
силу литературнаго обаянія, и „Истинное Слово“ Цельса
стало больше походить на *ἀργός λόγος*, на „лѣнивый силло-
гизмъ“⁴⁾. Поэтому, это сочиненіе Оригена пользовалось осо-
беннымъ уваженіемъ въ древне-христіанской церкви⁵⁾. Да и
теперь оно не историческій только памятникъ, а важнѣйшій
источникъ научной защиты христіанства.

Отличительную особенность книги Оригена „Противъ
Цельса“ въ ряду древне-апологетическихъ твореній составляетъ
ея философскій характеръ. Ранніе апологеты, какъ, напр., св.
Іустинъ философъ, Татіанъ, Минуцій Феликсъ, Тертулліанъ,
держались преимущественно историко-юридическаго и отча-
сти догматическаго метода въ защитѣ христіанства. Не от-
вергая совсѣмъ этихъ методовъ (см. его ссылки на предше-

1) Проф. *Рождественскій*, Цит. соч., стр. 36.

2) Апологія Лица Иисуса Христа и Его земной жизни и дѣя-
тельности въ сочиненіи Оригена „Противъ Цельса“ (статья въ „Пра-
восл. Собесѣдникъ“ 1886 г., стр. 269—270).

3) Рус. п., стр. 5—6.

4) Ср. Р. п., стр. 152.

5) См. отзывы о немъ Евсевія Кесарійскаго, Василия Вел., Гри-
горія Богослова и блаж. Іеронима (Migne, *Patrl.*, t. XI, p. 642).

ствовавшихъ апологетовъ), Оригенъ укрѣпилъ и развилъ по преимуществу научно-философскій методъ при оцѣнкѣ и оправданіи основныхъ истинъ христіанской вѣры и знанія. Онъ строитъ оригинальную систему христіанской апологіи, руководясь научными приѣмами и данными философіи. Эта апологетическая тенденція самымъ яснымъ образомъ выражается въ его трудѣ „О началахъ“, представляющемъ опытъ философской системы съ христіанскимъ содержаніемъ. Этимъ же характеромъ запечатлѣно и сочиненіе Оригена „Противъ Цельса“. Въ немъ Оригенъ не только полемизируетъ съ Цельсомъ и опровергаетъ его, но стремится выяснитъ истинный смыслъ христіанской религіи и съ философской точки зрѣнія вообще (напр., ученіе о Боговоплощеніи, о сотвореніи міра),—выяснитъ такъ, чтобы и съ этой стороны христіанство никому не представлялось ни страннымъ, ни чуждымъ.

Имѣя въ виду большое раздраженіе и гнѣвъ, страстность и ненависть Цельса къ христіанству, Оригенъ приходитъ къ заключенію, что Цельсъ слишкомъ самоувѣренно и легкомысленно поступилъ, давъ своему сочиненію противъ христіанства такое громкое названіе, какъ „Истинное Слово“¹⁾. И это тѣмъ болѣе странно, что „даже самые выдающіеся философы, какъ, напр., Платонъ, отнюдь не поступали такъ“²⁾. Сочиненіе это бессистемно, безсвязно; въ немъ нѣтъ никакой послѣдовательности и плана³⁾. На эту черту его Оригенъ особенно указываетъ, чтобы отмѣтить какъ психику автора, далекую отъ безпристрастной критики, такъ и внутреннюю слабость этого сочиненія съ философской или формальной стороны.

Какъ философъ, Цельсъ, судя по отрывкамъ его „Истиннаго Слова“ у Оригена, держался эклектизма или синкретизма⁴⁾, этого въ то время самого распространеннаго типа религіозно-философской мысли. Поэтому у Цельса и нѣтъ цѣлости системы и единой всеохватывающей идеи, несмотря на попытку Оригена открыть общій планъ, по которому онъ слѣдовалъ въ изложеніи своихъ возраженій противъ христіанства.

Философскій эклектизмъ Цельса многосоставной. „Изъ

1) Р. п., стр. 67.

2) Тамъ-же, стр. 68.

3) Тамъ-же, стр. 67.

4) Проф. Рождественскій, Цит. соч., стр. 35.

другихъ его сочиненій ¹⁾),—говоритъ Оригенъ,—видно, что онъ собственно эпикуреецъ” ²⁾). Свое убѣжденіе, что Цельсъ придерживался собственно эпикурейскихъ воззрѣній и въ сочиненіи „Истинное Слово“, Оригенъ высказываетъ въ высшей степени настойчиво, хотя не всегда удачно, а въ многихъ случаяхъ даже совсѣмъ опрометчиво ³⁾). Эпикурейство, какъ философская теорія, это типично-языческое ученіе „о спасеніи человѣка“. И, несомнѣнно, ему сочувствовалъ и Цельсъ, какъ типичный декадентъ-язычникъ. Подъ его вліяніемъ онъ понималъ идею о Богѣ, какъ безличной силѣ природы, безусловно подвластной механическимъ законамъ этой природы (φύσει) или „роковой необходимости“, слѣпому случаю. Также и въ нравственномъ ученіи за цѣль жизни и путь достиженія земного счастья Цельсъ признавалъ ἡδονή, удовольствіе, наслажденіе ⁴⁾), а это—моральный принципъ всецѣло родственнаго атомистическому материализму Эпикура. Но въ своей полемикѣ съ христіанами,—говоритъ Оригенъ,—Цельсъ тщательно скрываетъ свою принадлежность къ школѣ „безбожнаго Эпикура“ изъ опасенія, какъ бы это признаніе сразу не подорвало довѣрія къ нему и не лишило силы убѣдительности его аргументаціи, направленной противъ людей, вѣрующихъ въ Провидѣніе (πρόνοια) и ставящихъ Бога, пекущагося о сущемъ, выше всего на свѣтѣ, какъ истину бытія, знанія и жизни ⁵⁾). Въ этомъ объясненіи Оригена есть большая доля истины и отрицать ее никакъ нельзя.

Изъ отрывковъ „Истиннаго Слова“, сохранившихся въ возраженіяхъ Оригена видно, что Цельсъ также хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями Платона и былъ большимъ его поклонникомъ. Особенно видна идейная близость Цельса къ Платону въ философскомъ ученіи о Богѣ и его отношеніи къ міру и че-

¹⁾ Что разумѣетъ Оригенъ подъ „другими сочиненіями“ Цельса, рѣшить трудно. Можетъ быть, двѣ книги противъ христіанъ, приписываемыя тоже Цельсу Оригеномъ, а, можетъ быть, и книги противъ магіи, также приписываемыя ему Оригеномъ (см. у Лебедева, Цит. соч., стр. 78).

²⁾ Р. п., стр. 18.

³⁾ См. Н. Лебедева, Цит. соч., стр. 65—85.

⁴⁾ „Тягости жизни—это для него,—говоритъ Оригенъ,—величайшее зло, а наслажденіе—высшее благо“ (р. п., стр. 177).

⁵⁾ Μὴ ὁμολῆσας δὲ ὅλου τοῦ συγγράμματος Ἐπικούρειος εἶναι, πρὸς τὸν Ἐπίκουρον αὐτομολῶν ἐλέγχεται. Contr. Cels. V, 3 и р. п., стр. 18.

ловѣку. Платонизмъ рѣзко отразился въ дуалистическихъ тенденціяхъ Цельса, далеко не гармонирующихъ съ его общимъ мистико-философскимъ пантеизмомъ.

Какъ извѣстно, платонизмъ, считавшійся въ первые вѣка христіанства (Іустинъ) одною изъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ системъ древне-греческаго міра и довольно близкой къ основнымъ началамъ христіанства, игралъ огромную роль въ исторіи христіанской догматики, въ частности въ выработкѣ богословско-философскихъ терминовъ и понятій христіанскаго теоретическаго міросозерцанія. Оригенъ и самъ смотрѣлъ на платонизмъ, какъ на приготовительную ступень къ христіанству¹⁾. И вотъ принципиальный врагъ христіанства, какъ религіозно-философской системы, наноситъ ему ударъ тѣмъ-же орудіемъ, какое было въ рукахъ и самого Оригена. Цельсъ пользуется, въ большихъ размѣрахъ, и философіей Платона, чтобы ослабить религіозно-философскій авторитетъ христіанства. Въ платонизмѣ Цельса выразилось преимущественно скептическое направленіе философской „школы Платона“, ставшей въ лицѣ Цельса или въ его пониманіи такимъ врагомъ, какихъ раньше христіанство не знало. Ясно, что платонизмъ Цельса не чистый платонизмъ, не классическій, а эклектическій платонизмъ. Онъ представлялъ соединеніе восточныхъ и греческихъ религіозныхъ воззрѣній на почвѣ философіи Платона. Поэтому Цельсъ — эклектическій платоникъ²⁾, или, иначе, неоплатоникъ.

¹⁾ Н. Лебедевъ, цит. соч., стр. 60.

²⁾ Изъ новѣйшихъ изслѣдователей *Патриксъ* (The Apology of Origen, 1892 г.) держится того взгляда, что Цельсъ—авторъ „*Λόγος Ἀληθείας*“ и Цельсъ, авторъ *Κατὰ μάγου*, другъ Лукіана Самосатскаго, которому Лукіанъ посвятилъ свое сочиненіе *Προβουράντης* (лжепророкъ), были разные историческія лица. Первый не былъ эпикурейцемъ, какъ ошибочно (по его мнѣнію) утверждаетъ это Оригенъ, но послѣдователь Платона, а второй былъ эпикуреецъ. Вся цѣнность сочиненія Цельса „Истинное слово“ заключается именно въ томъ, что оно написано послѣдователемъ Платона (см. стр. 9—15). Но платонизмъ Цельса, какъ мы сказали, носитъ на себѣ явныя черты религіозно-философскаго синкретизма. „У Цельса мы не находимъ ни классическаго платонизма,—говоритъ Прессансэ,—ни обыкновеннаго эпикуреизма. Первый въ его системѣ нѣсколько пониженъ, а второй возвышенъ. У него нѣтъ ни высокаго спиритуализма вѣрнаго ученика академіи, ни грубости школы Эпикура“ (См. у Н. Лебедева, стр. 94). Съ такимъ огра-

Изъ тѣхъ-же отрывковъ „Истиннаго Слова“ у Оригена видно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія Цельсъ держался и стоической философіи. Матеріализація (тѣлесность) божества, фатализмъ стоиковъ, ученіе ихъ о душѣ міра, ихъ теологія и „аристократическая мораль“—все это въ огромной мѣрѣ отличительныя черты философіи Цельса.

Въ эклектизмѣ Цельса, въ этой удивительной смѣси различныхъ философскихъ и моральныхъ ученій, наибольшая слабость его теорій о вселенной и его философскихъ нападокъ на христіанство. Упадокъ философской мысли въ религіозномъ синкретизмѣ эпохи Цельса даетъ себя чувствовать особенно въ методѣ и характерѣ возраженій Цельса противъ христіанства.

Нападки на христіанство другихъ древнихъ противниковъ христіанства и атеистовъ можно обойти молчаніемъ безъ всякаго ущерба для науки христіанской апологетики. И это тѣмъ болѣе, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ почти ничего не осталось въ письменныхъ памятникахъ древности¹⁾. Но изучающему исторію идейной борьбы между язычествомъ и христіанствомъ въ задачахъ апологіи христіанства необходимо имѣть болѣе опредѣленные свѣдѣнія о *нападкахъ* Цельса и о томъ, что и какъ *возражалъ* ему Оригенъ.

Противники стояли одинъ другого. *Πολύστορος ἢ πολυμάθης*²⁾ ничемъ, какъ намъ кажется, можно принять мнѣніе Патрика о платонизмѣ Цельса. Тогда и мнѣніе Оригена о причинѣ *утайки* Цельсомъ своей принадлежности къ школѣ эпикурейцевъ останется внѣ всякаго подозрѣнія и недоумѣнія.

¹⁾ Ничего не осталось въ литературѣ изъ предсказаній языческаго кудесника Александра Афонотейха (начало II в.), Понтійскаго уроженца, считавшаго христіанъ за атеистовъ и эпикурейцевъ и призывавшаго побивать ихъ камнями для прекращенія гнѣва боговъ,—изъ рѣчей противъ христіанъ ритора Фронтона и циника Крискента, изъ философскихъ сочиненій противъ христіанства Порфирія, Іерокла, Юліана Отступника (отрывки у св. Кирилла Александрійскаго), Ливанія, историка Евнапія и др. Изъ полемическихъ сочиненій противъ христіанства сохранилось до нашего времени только сочиненіе Лукіана (полов. II в.) „*Περεγρίνος*“ („*De morte cynici Peregrini*“), гдѣ осмѣивается, какъ сумасбродство, взаимная любовь христіанъ и мученичество. Это сочиненіе написано раньше *Λόγος Ἀληθείης* Цельса, въ 165 г. Извѣстны еще: апофеоза ритора Филострата (въ началѣ III в.) „Жизнь Аполлонія Тіанскаго“ и Ямвлиха „Жизнь Пифагора“. Эти книги были написаны въ цѣляхъ изобразить ликъ „языческаго Христа“.

²⁾ Cont. Cels. IV, 56; VI, 32.

Цельсъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Онъ прекрасно зналъ греческую литературу и философію. И Оригенъ, какъ ученый апологетъ христіанства, былъ адамантовымъ проповѣдникомъ христіанской религіи и лучшимъ знатокомъ языческой философіи. Это были видные представители двухъ противоположныхъ теченій въ области религіозной вѣры и философской мысли. Въ лицѣ ихъ силы интеллектуальныя и культурныя огромной величины столкнулись для упорной борьбы и научной самозащиты. Это великіе міры противоположныхъ ученій, идеаловъ и духовныхъ настроеній стояли другъ противъ друга. Неумолимъ былъ натискъ на христіанство и критика его со стороны языческаго философа и ученаго. Мудра и безупречна была научно-философская защита христіанства со стороны великаго александрійскаго учителя церкви, этого хотя и „буйнаго ума“, не вошедшаго въ ореолъ церковной святости, но за то ставшаго родоначальникомъ богословскихъ идей и духовныхъ началъ жизни (аскетизмъ) у такихъ отцовъ церкви, великихъ и въ святости, какъ Григорій Неокесарійскій, Діонисій Александрійскій, Памфилъ Кесарійскій, Іоаннъ Златоустъ, Фирмилліанъ Кесаріе-Каппадокійскій, Василій Великій и Григорій Богословъ, принадлежащихъ къ „школѣ Оригена“, въ лицѣ которыхъ оригенизмъ сталъ неотдѣлимую частью греко-восточнаго православнаго богословія ¹⁾. И если не отъ Цельса, бывшаго представителемъ крайне-отрицательнаго направленія въ древне-языческой критикѣ христіанства ²⁾, то во всякомъ случаѣ отъ Оригена, олицетворявшаго собою положительное научно-философское направленіе въ воззрѣніяхъ древне-церковныхъ писателей на отношеніе христіанства къ греко-римской языческой философіи и культурѣ ³⁾, многому можно поучиться и современному апологету христіанства и вообще всякому, пшущему истины.

Мы оставляемъ въ сторонѣ нападки Цельса на Евангельскую исторію, т. е. его критику на жизнь и дѣла Іисуса Христа, какъ изображены они у Евангелистовъ, рѣзко вы-

¹⁾ Такъ, напр., это вліяніе богословія Оригена видно на изложеніи халкидонской формулы о Лицѣ Богочеловѣка, разработанной Кирилломъ Александрійскимъ.

²⁾ Проф. Д. Гусевъ, цит. статья, стр. 270.

³⁾ Ibidem.

ражающую крайне-отрицательное отношеніе его къ христіанству. Намъ интересуется *принципіальная* или *философская* сторона нападокъ Цельса на христіанство, его научная критика христіанства, а также *принципіальная* часть апологій Оригена или его научно-философская защита христіанскаго вѣроученія. Какъ въ нападкахъ на философскую сторону христіанства Цельсъ—типичный язычникъ своего времени, такъ и въ теоретической защитѣ христіанства Оригенъ болѣе всего замѣчателенъ, какъ апологетъ,—и здѣсь мы болѣе всего узнаемъ *положительный* характеръ его апологій христіанства. Да и самъ Оригенъ смотритъ на Евангельскую исторію съ точки зрѣнія общаго философскаго оправданія христіанства.

Всѣ нападки Цельса на христіанство, всѣ обвиненія его, направленные противъ христіанскаго вѣроученія, можно подраздѣлить на двѣ категоріи. Первую категорію составляютъ *предразсудки* его противъ христіанства, какъ философа-писателя, а вторую—его положительные *аргументы*, имѣющіе значеніе богословскихъ *возраженій* противъ христіанства или философскихъ предпосылокъ его критики на христіанскую религію и церковь.

I. Къ разряду главнѣйшихъ предразсудковъ Цельса противъ христіанства прежде всего принадлежитъ высоко-мѣрное и даже презрительное отношеніе его къ письменнымъ памятникамъ и источникамъ христіанства, къ библіи и особенно къ Евангеліямъ.

Это отношеніе Цельса къ христіанству выражено во многихъ мѣстахъ „Истиннаго Слова“. Особенно характерно оно въ двухъ пунктахъ. Первый пунктъ касается вопроса объ отношеніи христіанства къ языческимъ писателямъ, христіанскаго религіознаго преданія къ языческой философской литературѣ, и второй пунктъ касается вопроса о литературномъ достоинствѣ языка и стиля Новаго Завѣта, Евангельскаго слова и ученія.

Въ вопросѣ объ отношеніи письменныхъ источниковъ христіанства къ языческой философійи и религіи Цельсъ говоритъ, что христіанство, какъ позднѣйшее явленіе, многое позаимствовало отъ древнихъ греческихъ писателей, особенно отъ Платона ¹⁾. Это Цельсъ утверждаетъ не только о писателяхъ

¹⁾ Contr. Cels. IV, 11. 12. 21; VI, 9.

Ветхаго Завѣта, особенно о Моисеѣ, по объ Іисусѣ Христѣ и Его ученикахъ. Онъ также ссылается на то, что христіане часто употребляютъ изреченія сивиллъ и за это называютъ ихъ сивиллистами ¹⁾. Христіанство ничего новаго не внесло въ сравненіи съ языческою мудростію и моралью въ область познанія истины и добродѣтели. Все, что есть истиннаго, добраго и прекраснаго въ христіанствѣ, все это уже было высказано раньше и лучше Платономъ и другими греческими писателями и мудрецами ²⁾. Поэтому Цельсъ стремится показать сходство между высокими истинами христіанства, особенно въ нравственной области и подобными септенціями греческихъ философовъ. Но онъ даже готовъ утверждать, что многое изъ заимствованнаго христіанствомъ отъ грековъ затемиѣно въ библіи и искажено; такъ, напр., Моисей и пророки переименовали древне-греческія космогоническія сказанія о потопѣ и сожженіи міра ³⁾. А чтобы опровергнуть обратную мысль о зависимости языческихъ писателей отъ библейскихъ, Цельсъ говоритъ, что объ іудеяхъ и ихъ идеяхъ никто изъ греческихъ писателей ничего не упоминаетъ ⁴⁾, да они никогда и не отличались такими идеями и замѣчательными дѣянiями, чтобы говорить о нихъ ⁵⁾.

Опровергая Цельса въ этомъ пунктѣ, Оригенъ прежде всего указываетъ на высокую древность еврейскихъ священныхъ книгъ въ сравненіи съ греческими писателями ⁶⁾. Онъ говоритъ: „безпристрастнымъ слушателямъ извѣстно, что Моисей древнѣе Гомера“ ⁷⁾, и въ другомъ мѣстѣ: „іудейское преданіе древнѣе эллинскаго“ ⁸⁾. А если такъ, то ясно отсюда, что

¹⁾ Contr. Cels. V, 61. Главной темой сивиллъ,—языческихъ прорицательницъ,—было ожиданіе близкаго „конца міра“ и исторіи Рима. Съ глубокимъ чувствомъ онѣ изображали „мессіанскую эпоху“, эпоху ни чѣмъ ненарушаемаго и всеобщаго блаженства. Христіане тоже питали апокалипсическія надежды на скорое окончаніе „эпохи Рима“ и пришествіе Христова. За это и сравниваетъ ихъ Цельсъ съ сивиллами.

²⁾ Цельсъ говоритъ, что Гезіодъ, Гомеръ и другіе языческіе писатели—древнѣе Моисея и, какъ богодухновенные мужи (ἄνδρες ἐνθεοί), лучше Моисея. Contr. Cels. III, 35.

³⁾ Contr. Cels. IV, 11. 12.

⁴⁾ Цельсъ говоритъ: μή πάνυ τι τῆν περί αὐτῶν ἱστορίαν εὐρίσκεισθαι παρά τοῖς ἔλλησι. Contr. Cels. IV, 31.

⁵⁾ IV, 8. 32; II, 34.

⁶⁾ Contr. Cels. IV, 11. 12. 21 и VI, 7. 47.

⁷⁾ Contr. Cels. IV, 12.

⁸⁾ Contr. Cels. VII, 59.

библейско-христіанское ученіе не можетъ быть безусловно заимствовано изъ греческихъ философовъ и поэтовъ-богослововъ. Поэтому, Оригенъ рѣшительно противопоставляетъ древнѣйшихъ греко-ѳракійскихъ поэтовъ-пантеистовъ Орфея¹⁾, Музея и другихъ ихъ учениковъ Моисею какъ въ теоретическомъ, такъ и нравственномъ ученіи²⁾.

Но, указывая на фактъ несомнѣнной древности библейскихъ источниковъ христіанства³⁾, Оригенъ, однако, колеблется какъ утверждать заимствование языческими мудрецами (отъ Орфея и до Платона включительно) отъ библейскихъ писателей, такъ и отрицать это. Относительно Платона онъ говоритъ въ такой нерѣшительной формѣ. „Я не отвергаю (*οὐκ ἀπορριπτίσκει*), что Платонъ, какъ писали нѣкоторые (*ὡς τινες ἀνέγραψαν*), отъ какихъ-нибудь евреевъ узналъ сказанное имъ въ *Федрѣ* и, прочитавъ (*ἐντοχόντα*) въ пророческихъ изреченіяхъ, написалъ вотъ что: „мѣста пренебеснаго не воспѣвалъ никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспоетъ, какъ слѣдуетъ; оно есть бытіе (существо) безцвѣтное, необразное, неосязаемое, дѣйствительно-сущее и созерцаемое однимъ правителемъ души—умомъ; только нѣкотораго рода знаніе имѣетъ свое мѣсто вокругъ него“⁴⁾. И въ другомъ мѣстѣ объ отношеніи Моисея къ Гомеру онъ выражается такъ. „Цельсъ думаетъ, что Моисей, написавшій о башнѣ и смѣшеніи языковъ, написалъ это, сказавъ повѣ-

1) Мифологія относитъ Орфея къ до-троянскому періоду. Орфей былъ ѳракійскій прорицатель, магъ, цѣлитель, учредитель культовъ, гаданій, мистерій и религіозныхъ обществъ. Скорбной игрою на лирѣ онъ зачаровывалъ всѣхъ и все. Орфизмъ, какъ религіозно-философское явленіе, есть, въ сущности, политеизмъ на мистико-пантеистической основѣ. Онъ все бытіе и исторію міра возводилъ къ одушевленному единству. Съ орфизмомъ совпадали во многомъ космогоническія воззрѣнія пифагорейцевъ. Орфизмъ чуждъ идеи мессіи и спасенія. Какъ культъ, онъ противоположенъ культу Діониса. Въ Греціи Орфизмъ склонялся къ культу Апполона. Этому культу придерживался, повидимому, и Цельсъ, хотя онъ не отрицалъ и культу Діониса,—и въ этомъ отношеніи онъ орфизмъ противопоставлялъ христіанству, какъ религіи.

2) *Contr. Cels.* I, 18; см. у проф. *Е. Ловягина*, Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христ. апологетовъ. С.-Петербургъ, 1872, стр. 137.

3) *Contr. Cels.* IV, 12; VI, 47.

4) VI, 19.

ствуемое объ алоадахъ. На это надобно сказать, что объ алоадахъ, кажется, никто не говорилъ прежде Гомера, а о башнѣ Моисей написалъ, какъ я увѣренъ, гораздо раньше не только Гомера, но и самого изобрѣтателя греческихъ письменъ. Кто же чьи искажилъ сказанія: повѣствующіе ли объ алоадахъ — сказанія о башнѣ, или написавшій о башнѣ и смѣшеніи языковъ — сказаніе объ алоадахъ? Но извѣстно безпристрастнымъ слушателямъ, что Моисей древнѣе Гомера“¹⁾.

Оригенъ признаетъ, что языческая философія еще до появленія христіанства высказывала многія истины, сходныя съ христіанскими. Это было предвѣдѣніе истины и сѣнь грядущаго откровенія Бога-Слова. „Я далекъ отъ того,—говоритъ Оригенъ,—чтобы оспаривать то, что греки измыслили добраго или отрицать ихъ здравыя ученія²⁾. Но для объясненія этого сходства въ ученіи греческихъ мудрецовъ съ библейскими книгами онъ предлагаетъ другое объясненіе, не простое литературное заимствованіе однихъ у другихъ³⁾, а всеобщность истины и единство источника ея происхожденія.

Источникъ истины одинъ:—Богъ и откровеніе Слова Его въ исторіи человѣчества. Основой познанія Бога служитъ врожденная намъ идея о Богѣ, какъ несомнѣнный фактъ человѣческой природы. Идея эта, коренясь въ умѣ человѣка, выражается не только въ безотчетномъ стремленіи къ Богу, какъ Существу совершеннѣйшему, но и въ нравственной оцѣнкѣ человѣческой жизни, въ сознаніи, что воля человѣка ограждена естественнымъ нравственнымъ закономъ или неумолкающимъ голосомъ совѣсти, внушающимъ доброе и отвращающимъ отъ злого. Отсюда-то, изъ этихъ явленій нашей природы и духовной жизни естественно могли составляться и иногда выражаться и у языческихъ мудрецовъ общія понятія и основныя черты добра и истины, не смотря ни на какія препятствія въ ихъ духовномъ развитіи и независимо отъ различныхъ историческихъ вліяній⁴⁾. Отсюда-то и черпали Гераклитъ и другіе греки, и варвары

1) Contr. Cels. IV, 12.

2) Ibidem. VII, 49.

3) Ib. IV, 36, p. 529: „Гезіодъ и другіе весьма многіе греческіе писатели,—говоритъ Оригенъ,—не изучали и не знали древнѣйшей и важнѣйшей Палестинской (библейской) литературы“.

4) Ib. I, 4. 5; VIII, 52.

мысли, сходныя съ христіанскими ¹⁾. Въ нихъ говорило *ἱερός λόγος*, сперматическое откровеніе. Потому-то относительно нравственной и добродѣтельной жизни высказало многое согласно съ нами и тѣми, кто не нашей вѣры ²⁾. „Платонъ, сынъ Аристона,—замѣчаетъ Оригенъ,—въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о первомъ благѣ слѣдующимъ образомъ: „первое благо не можетъ быть изображено словами, но оно отъ частаго обращенія къ нему внезапно появляется въ душѣ, какъ свѣтъ возгорѣвшагося пламени. Слыша это, и мы соглашаемся съ его словами, какъ сказанными прекрасно“ ³⁾.

Но путь естественнаго Богопознанія всегда и во всея времена озаренъ свѣтомъ Слова Божія. Это общій свѣтъ, сіяющій для всея людей. Богъ никогда не оставлялъ Своихъ разумныхъ созданій безъ Своего попеченія, но постоянно ниспосылалъ имъ особое озареніе *невидимаго Слова*. Оно-то и восполняло всея остальные, доступные людямъ, способы Богопознанія и останавливало ихъ мысль на истинныхъ и благочестивыхъ преданіяхъ общечеловѣческой древности. Оно-то и побуждало ихъ отвергать всякія заблужденія, суевѣрія и нелѣпыя прибавленія къ истинѣ, приводило ихъ къ здоровымъ сужденіямъ о явленіяхъ видимой природы и о ея всесовершенномъ Виповникѣ и проясняло внутренній голосъ души, созданной по образу Божію. „Богъ,—такъ рассуждаетъ объ этомъ Оригенъ,—по благословнымъ причинамъ исполнилъ воплощеніе Иисуса нынѣ; но благодѣтельствовалъ роду человѣческому всегда. Ибо ничего добраго между людьми не было безъ наитія Божественнаго Слова на души тѣхъ, которые могли, хотя на малое время, принять такія дѣйствія Божественнаго Слова“ ⁴⁾. Общая мысль, высказанная здѣсь Оригеномъ, напоминаетъ намъ ученіе св. Іустина мученика и Климента о Словѣ Божіемъ, дѣйствовавшемъ въ языческомъ мірѣ и просвѣщавшемъ въ немъ „христіанъ до христіанства“.

Итакъ, языческіе философы и писатели не сами собою создавали религіозныя и нравственныя цѣнности, но подъ руководствомъ свѣта разума и сперматического откровенія,

¹⁾ Ib. I, 5.

²⁾ Ib. VIII, 52.

³⁾ Contr. Cels. VI, 3. 4.

⁴⁾ Ib. VI, 78.

и насколько они пользовались имъ, они приближались къ письменнымъ Богооткровеннымъ истинамъ и, такимъ образомъ, становились какъ бы въ преддверіи Божественной истины, а, удаляясь отъ него, впадали въ разныя религіозныя ошибки и заблужденія. Какъ на примѣръ Оригенъ указываетъ на подмѣну до неузнаваемости въ языческихъ мифахъ и легендахъ библейскихъ лицъ и историческихъ событій ¹⁾ и на извращеніе первобытныхъ преданій о сотвореніи міра и о потопѣ ²⁾. А, обращая вниманіе на большую историческую древность Моисея и пророковъ (*ὁ παλαιός λόγος*), онъ особо замѣчаетъ, что „скорѣе греческіе писатели, не вникнувъ и не точно понявъ сказанное ими, выдумали періодически повторяющіяся событія „сожженія міра“ и потопа ³⁾. Истина откровенія—одна,—и ученіе о ней, высказанное христіанами и іудеями, не дѣлается хуже отъ того, что то-же самое уже раньше встрѣчалось и у грековъ. Цельсъ неправъ, когда указываетъ на видимое сходство между нѣкоторыми положеніями языческой философіи и христіанскими истинами съ цѣлью ослабить или опровергнуть самостоятельное происхожденіе Евангельскаго ученія. Если извѣстное ученіе душеполезно и заключаетъ въ себѣ элементы здраваго смысла, то рѣшительно все одно, высказано ли оно у грековъ Платомъ или кѣмъ-либо другимъ изъ греческихъ мудрецовъ, у іудеевъ Моисеемъ или кѣмъ-либо изъ пророковъ, у христіанъ въ записанныхъ словахъ Іисуса или приилежащихъ кому либо изъ апостоловъ Его ⁴⁾.

Въ связи съ вопросомъ о заимствованіи христіанствомъ религіозно-философскихъ воззрѣній отъ язычества у Цельса стоитъ вопросъ о достоинствѣ новозавѣтнаго языка въ сравненіи съ языческой философской литературой.

Какъ писатель, придававшій исключительное значеніе *словесному* методу предъ *субъективнымъ* и *реальнымъ*, смѣшивавшіи слова и понятія, формы (символы) и мысли, наблюденія (факты) и идеи, Цельсъ рѣшительно высказывается противъ неизысканной простоты стиля, характернаго для библейскихъ писателей вообще и въ частности для притчей

¹⁾ Contr. Cels. IV, 38. 39. 51.

²⁾ Contr. Cels. I, 19; р. п., стр. 35—36.

³⁾ Ib. IV, 11. 12.

⁴⁾ Ib. VII, 59.

Христа и посланій Его апостоловъ. Евангельское слово онъ называетъ нелитературнымъ, мужицкимъ, грубымъ, обиходнымъ языкомъ простаго народа. „Христіанское ученіе (δόγμα),—говоритъ Цельсъ,—варварскаго происхожденія“¹⁾. Подъ „варварами“ у него разумѣются преимущественно евреи, а подъ „варварскимъ ученіемъ“ (βάρβαρον δόγμα)—библейское преданіе. Поэтому, варварское происхожденіе христіанства онъ доказываетъ тѣсною связью его съ іудействомъ. Признакъ этого варварства онъ видитъ и въ словесныхъ особенностяхъ новозавѣтнаго текста, въ массѣ просто-народныхъ выраженій, чѣмъ особенно отличаются Евангелія, особенно въ передачѣ изреченій и притчей Господнихъ. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ „Истиннаго Слова“, истолковывая слова Іисуса Христа о самоотверженіи во взаимныхъ отношеніяхъ, Цельсъ называетъ выраженіе этихъ словъ въ Евангеліи отъ Матѳея: „если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“ (5, 39), очень грубымъ въ сравненіи съ той-же септенціей, высказанной раньше и въ болѣе изящной формѣ у Платона въ томъ мѣстѣ, гдѣ у него Сократъ говоритъ Критону слѣдующія слова: „никто не долженъ воздавать несправедливостью за несправедливость, ни дѣлать людямъ зла, хотя бы самъ и терпѣлъ отъ нихъ что-либо подобное“. „Такъ говоритъ Платонъ,—разъясняетъ Цельсъ далѣе свою мысль;—такое-же ученіе давно еще было передаваемо божественными мужами“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ изреченіе Спасителя: „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе небесное“, Цельсъ считаетъ литературно заимствованнымъ тоже у Платона изъ слѣдующихъ словъ его: „невозможно быть особенно добрымъ тому, кто особенно богатъ“³⁾. Объ этихъ и о другихъ заимствованіяхъ христіанъ,—говоритъ Цельсъ,—„достаточно сказаннаго“. „Кто пожелаетъ узнать больше, тотъ легко отыщетъ самъ“⁴⁾.

Оригенъ подробно отвѣчаетъ Цельсу на этотъ, въ сущности, незначительный литературный предразсудокъ его, и это возраженіе его отмѣчено большимъ достоинствомъ, ве-

¹⁾ Р. и., стр. 11.

²⁾ Contr. Cels. VII, 53.

³⁾ Contr. Cels. VI, 16.

⁴⁾ Ib. VII, 58.

ликодушiемъ и мудростью. Онъ не стремится во что бы то ни стало защищать христіанство отъ обвиненiя его въ деревенской простотѣ и въ безыскусственности Евангельскаго слова и не умаляетъ до ничтожества эллинскаго краснорѣчiя и діалектики греческихъ писателей, какъ дѣлали то нѣкоторые апологеты, какъ, напр., Татiанъ (вавилонянинъ), чуждый эллинской культуры. Греческіе писатели большіе художники слова. У нихъ есть чему поучиться въ этомъ отношенiи.

Правду говоритъ Цельсъ: христіанство дѣйствительно появилось на простонародномъ или провинціальномъ языкѣ. Оно явилось среди поселянъ и бѣдняковъ, какъ народная религія. Самъ Христосъ, Божественный основатель этой религіи, „выросъ среди простой и бѣдной обстановки“ ¹⁾. И Его ученики, первые проповѣдники вѣры въ Него, были неученые. Это были рыбаки и мытари, не изучавшіе даже основныхъ началъ знанiя (*τὰ πρῶτα γράμματα*) ²⁾. Поэтому они и „не знали краснорѣчiя и діалектики, какія можно получить въ греческихъ школахъ“ ³⁾. „У апостоловъ не было ни умѣнья говорить, ни способности проповѣдывать по правиламъ эллинской діалектики или риторики, при помощи которыхъ они могли бы привлекать къ себѣ слушателей“ ⁴⁾. „И я,—говоритъ Оригенъ,—держусь такого мнѣнiя: если бы Иисусъ для распространенiя Своего ученiя избралъ мужей, которыхъ народъ сталъ бы считать учеными людьми и которые своимъ увлекательнымъ развитiемъ и изложенiемъ мыслей могли бы понравиться всякому вообще человѣку, то тогда можно было бы совершенно основательно заподозрить, что для распространенiя Своего ученiя Иисусъ избралъ Себѣ такое же средство и такой же путь, какими пользуются основатели любой философской школы; тогда, слѣдовательно, и исполненiе обѣтованiй о Божественности его ученiя не могло быть уже столь очевиднымъ, тогда Его слово и Его проповѣдь имѣли бы въ своемъ основанiи только убѣдительность красивыхъ словъ и искусство изложенiя; тогда и вѣра (Его послѣдователей) обуславливалась бы не силой Божіей, но че-

¹⁾ Р. п., стр. 51.

²⁾ Р. п., стр. 102.

³⁾ Р. п., стр. 65.

⁴⁾ Р. п., стр. 101—102.

ловѣческой мудростью (1 Кор. 2, 5), какъ это и бываетъ при возникновеніи вѣры въ мірскихъ философѣхъ, благодаря ихъ ученію“¹⁾). Но „Спаситель нашъ еще заранѣе предвидѣлъ необыкновенный успѣхъ Евангельской проповѣди и свидѣтельствуемъ о дѣйствительности (τὴν ἰσχύον) Своего слова, которое, не прибѣгая къ помощи учителей, производитъ въ вѣрующихъ убѣжденіе исключительно только при посредствѣ Божественной силы“²⁾). „Евангеліе отъ Іоанна показываетъ намъ возвышенность ученія Іисуса и Его величіе, которое обнаруживается не въ словахъ только, но и въ дѣяніяхъ; да и остальные Евангелія показываютъ, что слово *Иго было со властію* (Лук. 4, 32; Матѣ. 7, 28—29; Марк. 1, 22) и что этому обстоятельству всѣ дивились“³⁾).

Этой „убѣдительно дѣйствующей силѣ“⁴⁾ Евангельскаго слова вполне соответствуетъ необыкновенная простота или независимость ученія апостоловъ отъ искусства „діалектической рѣчи“. И Оригенъ просто оправдываетъ эту простоту ея полезностью и безусловной важностью въ дѣлѣ распространенія и утвержденія откровенія Христова во вселенной. „Покоряющее величіе Іисуса“⁵⁾ и простота Его Евангелія болѣе всего говорятъ объ универсальномъ характерѣ христіанской религіи, какъ благовѣстія Божія, обращеннаго къ милліонамъ человѣчества. Книги Евангелія съ ихъ сельскимъ колоритомъ въ языкѣ и образахъ, въ притчахъ и изреченіяхъ—это книги народныя въ идеальномъ смыслѣ этого слова. Это всемірно-историческія книги для всего вѣрующаго человѣчества. Это идеальныя въ религіозномъ отношеніи книги для всѣхъ народовъ и всего человѣчества. И только потому онѣ стали книгами откровенія для всѣхъ людей, что были книгами народа по духу истинной вѣры и простотѣ слова, заключеннаго въ нихъ. Онѣ возникли не какъ литературныя произведенія въ собственномъ смыслѣ слова, а какъ подлинно-учительныя книги для религіознаго назиданія и для духовнаго усовершенствованія всѣхъ людей.

Нѣтъ спора, прекрасенъ и увлекателенъ изящный стиль

¹⁾ Р. п., стр. 102.

²⁾ Тамъ-же, стр. 103.

³⁾ Стр. 220.

⁴⁾ Стр. 102.

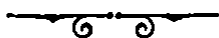
⁵⁾ Стр. 53.

„божественнаго Платона“,—какъ самъ Оригенъ выражается о немъ. Въ немъ кристаллизировалась его поэтическая душа, богатство его ума и мысли и его философское ученіе облеклось въ совершенную литературную форму. Но изысканный языкъ Платона, его блестящихъ „діалоговъ“ принестъ пользу лишь немногимъ людямъ, только посвященнымъ въ тайны его генія; тогда какъ Евангелія и апостольскія книги, написанныя стилемъ безъ всякихъ претензій, тѣми лицами, которымъ Христосъ сказалъ: „идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ“ (Матѳ. 4, 19), ¹⁾ „идите и научите всѣхъ народы“ ²⁾ (Матѳ. 28, 19), приносятъ несомнѣнную пользу безчисленному множеству людей. „Дѣйствительно, мы видимъ, что по всей землѣ прошло вѣщаніе апостоловъ Іисуса и до предѣловъ вселенной глаголы ихъ“ (Пс. 18, 4; Рим. 10, 18) ⁴⁾, У Платона избранный кругъ учениковъ и читателей его произведеній, своя академія, школа досужихъ людей, о чемъ ярко говоритъ надпись на фронтонѣ самой академіи: „да не входитъ сюда незнающій геометріи“. Его философія предназначена исключительно для образованныхъ классовъ, а „неученыхъ больше, чѣмъ образованныхъ на томъ основаніи, что и вообще-то простецовъ и необразованныхъ людей больше, чѣмъ научно-образованныхъ людей“ ³⁾. А у Христа школа—несмѣтныя толпы народа, весь міръ, вся церковь, соборъ вѣрующихъ душъ. „Я говорю это,—замѣчаетъ Оригенъ въ чисто-философскомъ духѣ,—не порицая Платона, ибо широкій кругъ людей создалъ и его для пользы другихъ“ ⁵⁾.

Приватъ-доцентъ Императорскаго
Харьковскаго Университета,

священникъ Іоаннъ Филевскій.

(Продолженіе будетъ).

1) Р. II., стр. 102.

2) Р. II., стр. 165.

3) Тамъ-же, стр. 103.

4) Стр. 49.

5) *Ο γάρ πολὺς τῶν ἀνθρώπων κόσμος χρησίμως καὶ τοῦτον ἠνεγκεν. VI, 2.

Святой Димитрій Ростовскій и его творенія¹⁾.

Не такъ давно (въ 1907 г.) Русская Церковь торжественно почтила память Св. Іоанна Златоуста, по случаю исполненія 1500 лѣтъ со времени его кончины. Теперь мы чтимъ подобнымъ торжественнымъ празднествомъ память нашего мѣстнаго Святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго, по случаю исполненія двухъ-сотъ лѣтъ со времени его блаженной кончины, послѣдовавшей 28 октября 1709 г. Конечно, по богатству дарованій, по безпримѣрному краснорѣчю, по широтѣ церковно-іерархической дѣятельности, по разнообразію и глубинѣ богословскихъ твореній Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ отецъ и учитель Вселенской Церкви, занимаетъ въ исторіи ея особенно видное мѣсто. Но мы можемъ

---

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 28 октября 1909 года въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи, по случаю двухсотлѣтія со дня кончины Святителя Димитрія Ростовскаго († 28 октября 1709 года).

Пособіями при составленіи настоящаго труда служили слѣдующія сочиненія:

- 1) Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Москва 1849 г.
- 2) Шляпкина „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709)“. С.-Петербургъ. 1891.
- 3) Пыпина, Исторія Русской Литературы. С.-Петербургъ. 1898, т. II, стр. 401—423.
- 4) Порфирьева, Исторія Русской Литературы.
- 5) Ст. прот. Ѳ. И. Титова. Труды Кіевской Духовной Академіи. Октябрь 1908. „Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, бывшій ученикъ Кіевской Академіи“, стр. 173.

Имѣемъ также подъ руками сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго, изд. 1759 г., въ которыхъ особое значеніе имѣетъ житіе Св. Димитрія, помѣщенное при первой части его сочиненій.

находить утѣшеніе въ томъ, что нашъ мѣстный святитель, именуемый въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ „Россійскимъ Златоустомъ“, „великимъ учителемъ“, „цѣвницею духовною“, въ своей жизни и въ своихъ разнообразныхъ письменныхъ, научно-богословскихъ и проповѣдническихъ трудахъ старался быть продолжателемъ тѣхъ свѣтлыхъ идеальныхъ религіозно-аскетическихъ традицій, какимъ слѣдовали отцы и учителя Вселенской Церкви и которыя потомъ воспріяты были и усвоены уже древними русскими іерархами. Смѣемъ думать, что выдающіеся подвиги изъ жизни Св. Димитрія Ростовскаго, въ связи съ его твореніями, воспроизведеніе которыхъ составляетъ задачу нашего настоящаго труда, должны убѣдить въ томъ, что Св. Димитрій дѣйствительно осуществлялъ завѣты Христа и первыхъ представителей Вселенской Церкви. А при этомъ будутъ, хотя до извѣстной степени, устранены нареканія на Восточную Церковь со стороны современныхъ историковъ раціоналистическаго направленія (такихъ, какъ Гарнакъ и др.), будто въ ней, со времени церковнаго раздѣленія, сталъ преобладать полный, общій застой въ религіозной жизни со всѣми другими крайностями, будто наша Церковь вполне закоснѣла въ мертвомъ ортодоксальномъ буквализмѣ, въ обрядовомъ формализмѣ и даже слѣпомъ фанатизмѣ по отношенію ко всякому религіозному и помыслию. Если кто изъ среды русскихъ іерарховъ, болѣе близкихъ къ нашему времени, ревностно трудился для противодѣйствія подобнымъ крайностямъ призывомъ къ озаренію свѣтомъ истины и добра, къ усвоенію евангельскаго духа религіи христіанскѣй, къ осуществленію его въ жизни путемъ исполненія возвышенныхъ добродѣтелей, то это именно нынѣ ублажаемый нами Святитель.

И самъ онъ въ такой степени выполнялъ проповѣдуемая добродѣтели, что уже при жизни своей былъ называемъ современниками праведнымъ и богоугоднымъ. Для насъ, жителей Юга Россіи, святитель Димитрій дорогъ еще и потому, что онъ по происхожденію и по первоначальной дѣятельности былъ малороссъ.

Внѣшнія условія жизни Св. Димитрія были таковы. Дѣтскіе годы святителя протекли на родинѣ его Малороссіи, при условіяхъ неблагопріятныхъ. То было время борьбы съ поляками и іезуитами за освобожденіе родины отъ поль-

скаго и католическаго ига. Сначала велись войны казаками, а потомъ, послѣ того, какъ Малороссія отдалась подъ покровительство православнаго царя Алексѣя Михайловича, война продолжалась при помощи Москвы.

Св. Димитрію Ростовскому исполнилось 16 лѣтъ тогда, когда былъ заключенъ Андрусовскій договоръ въ 1667 г., на основаніи котораго восточная Малороссія была закрѣплена за Москву. Но оставалось еще рѣшить религіозный вопросъ о воссоединеніи Южно-Русской Малороссіи съ Московскимъ Патріархатомъ. Много времени прошло, пока этотъ вопросъ былъ рѣшенъ. Отчужденіе Юго-Западной Россіи отъ Сѣверной, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, при различныхъ до противоположности условіяхъ исторической жизни, при всевозможныхъ проискахъ и интригахъ нашихъ общихъ враговъ, было причиною того, что церковное воссоединеніе Юго-Западной Малороссіи съ Московскимъ Патріархатомъ послѣдовало только въ 1686 году, когда св. Димитрію исполнилось 35 лѣтъ. Нашъ святитель, благодаря особымъ обстоятельствамъ своей жизни, побуждавшимъ его переходить въ служеніи проповѣдника изъ одного города Малороссіи и Литвы въ другой, болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что полное спокойствіе и счастье для Юго-Западной Россіи можетъ наступить только тогда, когда она будетъ находиться подъ могущественнымъ покровительствомъ московскаго православнаго царя и московскаго патріарха. А потомъ, по устроенію Божественнаго Промысла, обстоятельства сложились такъ, что онъ, начавъ свою дѣятельность на родинѣ въ Малороссіи, перенесъ ее на сѣверъ Россіи. Это послѣдовало въ царствованіе Петра Великаго. Петръ Великій, привлекаяшіи всѣ лучшія силы для осуществленія своихъ широкихъ реформаторскихъ плановъ, вызвалъ на сѣверъ Россіи и св. Димитрія, назначивъ его на ростовскую митрополичью кафедру (1702 г.).

По ознакомленіи съ общими внѣшними условіями, при которыхъ протекала жизнь святителя, мы теперь обратимся къ частному ознакомленію съ его жизнью. Св. Димитрій, въ мірѣ Даніилъ Саввичъ Туптало, родился въ 1651 году въ незначительномъ мѣстечкѣ Макарьевѣ, въ 8 верстахъ отъ Кіева, вверхъ по Днѣпру; но потомъ родители его переселились въ Кіевъ. По отзыву самого святителя, выражен-

ному въ дневникѣ „діаріушѣ“, родители его были глубоко вѣрующими и благочестивыми христіанами. Отецъ его, Савва Григорьевичъ, по фамиліи Туптало, былъ полковымъ сотникомъ, принявшимъ подданство московскаго царя. Мать его, Марья Михайловна, всегда была „набожна и добродѣтельна“. Оба они окончили свою жизнь, по достиженіи глубокой старости, въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ: отецъ скончался 103 лѣтъ, а мать 70 лѣтъ. Кромѣ сына Даниіла, въ этой семьѣ были три дочери, которыя впоследствии всѣ приняли монашество и были игуменьями основаннаго ими Николаевско-Іорданскаго женскаго монастыря. Хотя мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній о домашнемъ воспитаніи Даниіла, но можемъ съ вѣроятностью заключать, что въ такой благочестивой семьѣ онъ могъ получать истинно религіозное воспитаніе. Въ житіи его замѣчается, что онъ воспитывался въ страхѣ Божіемъ „растяше лѣты, разумомъ и добродѣтелями, яки лѣствицею отъ силы въ силу грядущи“. Въ раннихъ лѣтахъ Даниілъ поступилъ въ Кіевскую Коллегію для полученія образованія, когда ректоромъ ея былъ знаменитый Іоанникій Голятовскій, извѣстный особенно своими успѣшными состязаніями о вѣрѣ съ іезуитами. Даниілъ не могъ получить полнаго законченнаго образованія въ Кіевской Коллегіи, или потому, что, вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, занятія въ ней были прерваны и сама Коллегія была разорена, или потому, что занятія въ ней были сокращены. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ возможнымъ допустить, за отсутствіемъ опредѣленныхъ документальныхъ данныхъ, что святитель Димитрій обучался въ Кіевской Коллегіи между 1662 и 1666 г.г. больше, чѣмъ въ теченіе 3 лѣтъ¹⁾. Въ Коллегіи Даниілъ особенно заявилъ себя искусствомъ въ стихотворствѣ и витійствѣ, какъ можно заключить изъ его житія. Но несомнѣнно, здѣсь же, при трехгодичномъ обученіи, св. Димитрій могъ пріобрѣсть значительныя свѣдѣнія по Священному Писанію и изъ области патрологической. Любимымъ его занятіемъ въ свободное время отъ классныхъ уроковъ и упражненій было чтеніе Св. Писанія, твореній и житій святыхъ²⁾. Несмотря на неблагопріятныя условія, Даниілъ Туптало могъ пройти, если не весь курсъ, то по

1) Проф. Титова, цитованная статья, стр. 177.

2) Житіе, стр. 2.

крайней мѣрѣ, большую часть академическаго курса. Сочиненія, его не исключая и самыхъ раннихъ, по времени ихъ написанія, показываютъ въ немъ человека вполне научно образованнаго.

Еще въ Коллегіи Данииль Туптало обнаружилъ особую склонность къ уединенію и къ религіознымъ подвигамъ. А потому естественно, что, по выходѣ изъ Коллегіи, онъ рѣшился посвятить себя монашеской жизни. 2 іюля 1668 г. благонравный 17 лѣтній юноша былъ постриженъ въ монашество въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ, съ именемъ Димитрія, игуменомъ Мелетіемъ Дзюкомъ, а въ слѣдующемъ 1669 году 25 марта въ Каневѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона Кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Нелюбовичемъ-Тукальскимъ, извѣстнымъ страдальцемъ за вѣру и отчизну, находившимся въ плѣну у поляковъ въ теченіе двухъ лѣтъ ¹⁾. Изъ стариннаго житія можно заключать, что Св. Димитрій не только выдѣлялся въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ изъ ряда другихъ монаховъ своими религіозно аскетическими подвигами, но также обращалъ на себя вниманіе чтеніемъ книгъ и составленіемъ разныхъ сочиненій. Здѣсь, въ богатой библіотекѣ Кирилловскаго монастыря, онъ ознакомился со свѣтскою и духовною литературою, польскою, латинскою, греческою и славянскою, сдѣлавшись самоучкою образованнѣйшимъ человекомъ своего времени. Въ этотъ періодъ святителю Димитрію приписываютъ составленіе многихъ поэмъ и духовныхъ пьесъ, сохранившихся отчасти и до настоящаго времени. Дарованія и подвиги св. Димитрія стали извѣстны черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу, блюстителю кіевской митрополіи. Онъ рукоположилъ св. Димитрія въ 1675 году (23 мая) во іеромонаха въ Густынскомъ монастырѣ и пригласилъ его быть проповѣдникомъ при Черниговскомъ соборѣ. Въ этой должности святитель Димитрій пробылъ около двухъ лѣтъ. Первыя проповѣди св. Димитрія по своему риторическому характеру еще въ значительной степени приближались къ гомилетическимъ требованіямъ, предъявляемымъ Іоанникіемъ Голятовскимъ; но онѣ представляли въ частностяхъ новизну по сердечному чувству, оживляющему ихъ, и по болѣе упрощенной формѣ изложе-

¹⁾ По словамъ Иннокентія Гизеля, это былъ „Православія преславный ревнитель, святые вѣры восточныя столпы непоколебимый“.

нія. Молодой проповѣдникъ сталъ получать извѣстность въ пародѣ до такой степени, что его начали вызывать изъ Чернигова въ другіе города. О немъ, какъ о выдающемся проповѣдникѣ, пронеслась молва не только въ Малороссіи, но и въ Литвѣ. Съ 1677 года, вѣроятно по особому вызову, святитель Димитрій переселился въ Литовско-Русскія области, находившіяся тогда подъ владычествомъ Польши. Здѣсь онъ сталъ проповѣдникомъ Слуцкаго Преображенскаго братства ¹⁾, но скоро пріобрѣлъ такую глубокую симпатію среди духовенства и православныхъ мірянъ литовско-русскаго края, что его начали приглашать для проповѣди и въ другія западно-русскіе монастыри. Здѣсь шире раскрылось проповѣдническое дарованіе святителя. Его краснорѣчивое и убѣдительное слово было вполне своевремено и благотворно для западно-руссовъ, которые опять подвергались опасностямъ со стороны поляковъ, замышлявшихъ новыя мѣры къ уничтоженію православія въ западно-русскихъ областяхъ, путемъ закрытія православныхъ ставропигіальныхъ братствъ и подновленіемъ уніи. Св. Димитрій своею проповѣдническою дѣятельностью въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Литвѣ (1677—1698 г.г.) много способствовалъ ободренію и укрѣпленію въ вѣрѣ православныхъ жителей Западной Руси. Но особенно важно было пребываніе св. Димитрія въ Литвѣ потому, что онъ могъ убѣдиться, насколько тяжело было положеніе православнаго народа подъ напоромъ католичества, теперь также онъ могъ убѣдиться, что и свобода вѣры возможна только при полномъ воссоединеніи съ Москвою какъ въ политическомъ, такъ и въ церковно-іерархическомъ отношеніи. Между тѣмъ Лазарь Барановичъ и гетманъ Малороссіи Самойловичъ упросили святителя Димитрія возвратиться въ Малороссію. По возвращеніи святитель Димитрій поселяется въ Батуриинѣ ²⁾, бывшемъ резиденціею малороссійскихъ гетмановъ. Здѣсь св. Димитрій могъ широко пользоваться покровительствомъ гетмана, расположеннаго къ нему, для своихъ выгодъ. Самъ гетманъ происходилъ изъ духовнаго званія и отличался преданностью Церкви. Но свя-

¹⁾ Слуцкъ находится въ предѣлахъ Минской губерніи.

²⁾ Батуриинѣ, бывший мѣстомъ резиденціи гетмановъ, теперь мѣстечко, находящееся въ 27 верстахъ отъ Конотопа въ Черниговской губерніи.

титель Димитрій предпочелъ удалиться въ Батуринскій монастырь, гдѣ проводилъ время въ молитвахъ, постахъ, въ чтеніи духовныхъ книгъ, „наипаче же прилежаше къ проповѣди Слова Божія“. Уединеніе святителя было (непродолжительно. Вскорѣ братія Кіево-Кирилловскаго монастыря обратилась къ нему съ убѣдительною просьбой о принятіи начальства надъ ними, извѣщая, что они единогласно избрали его игуменомъ. Святитель, однако, отказался отъ предлагаемаго поста. Но такое же приглашеніе вновь сдѣлано было со стороны братіи Максаковской Преображенской обители (Черниговской губ. близъ г. Борзны). На этотъ разъ неотступныя просьбы, поддерживаемыя самимъ гетманомъ, преодолѣли его смрненіе, особенно потому, что Максаковская обитель по своему уединенному мѣстоположенію могла благопріятствовать его строгой почти отшельнической жизни. Святой Димитрій согласился на игуменство въ 1680 г. При этомъ святитель обрадованъ былъ выраженіемъ особаго сочувствія къ нему со стороны Лазаря Барановича, который передъ постриженіемъ въ игумены выразительно замѣтилъ: „да благословитъ васъ Господь не только игуменствомъ, но по имени Димитрія желаю вамъ и митры. Димитрій да получитъ митру“. Прощаясь съ св. Димитріемъ, архіепископъ вручилъ ему свой посохъ и такъ отпустилъ его, какъ отецъ родной (1681 г.). „Поддай Господи вся благая ему“ замѣчаетъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ святитель¹⁾. Недолго однако св. Димитрій управлялъ Максаковскою обителью. Отсюда онъ былъ переведенъ, вѣроятно, по желанію гетмана, въ Батуринскій монастырь (1-го марта 1682 года). Но потомъ, какъ полагаютъ, онъ добровольно отказался отъ управленія монастыремъ съ тѣмъ, чтобы посвятить себя научнымъ занятіямъ. Святитель будто слушался какого-то тайнаго голоса, готовившаго ему особый религіозно-нравственный подвигъ. Въ 1684 году Кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій, извѣстный своею ученостью и ставшій впоследствии Кіевскимъ митрополитомъ, предложилъ святителю Димитрію, какъ уже извѣстному по своей учености лицу, „благочестивому и ревностному поборнику православія“, потрудиться надъ составленіемъ житій святыхъ. Въ такомъ трудѣ дѣй-

¹⁾ Діар. св. Димитрія т. I стр. 433.

ствительно была особая нужда на Югъ Россіи, а богатая бібліотека въ Кіево-Печерской лаврѣ, и содружество съ образованными монахами, воспитанниками Кіевской Коллегіи, представляли благопріятныя условія для успѣшнаго выполненія его. Но святитель по своему глубокому смиренію и въ виду большой отвѣтственности за успѣшность труда принялся за него послѣ продолжительнаго колебанія, возлагая надежды не столько на свои силы, сколько на помощь Божію. Это богоугодное дѣло предпринялъ св. Димитрій въ маѣ 1684 года, послѣ усердной молитвы, предъ иконою преподобнаго Антонія Печерскаго, которую и нынѣ показываютъ въ великой монастырской церкви. Съ этого времени потекла тихая и мирная жизнь святителя Димитрія въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Святитель видѣлъ въ трудѣ, порученномъ ему отъ всей малороссійской Церкви „послушаніе святое“, дѣло полезное для народа, а потому отдался ему съ величайшей ревностью. Онъ трудился надъ житіями днемъ и ночью, только по необходимости отдавая нѣсколько часовъ отдыху и сну. Иногда онъ ложился спать не раздѣваясь, за часъ до заутрени, которую старался посѣщать неопустительно. Въ это время происходили въ Малороссіи важныя политическія и религіозныя событія, но они какъ будто не были замѣчаемы ученымъ труженникомъ.

Отдаваясь своему главному труду, святитель хотѣлъ удалиться отъ всякихъ сложныхъ обязанностей, которыя могли бы его отвлекать отъ научныхъ занятій, но новый митрополитъ Кіевскій Гедеонъ Четвертинскій и батуриное духовенство вмѣстѣ съ гетманомъ Самойловичемъ убѣдили его вторично принять на себя игуменство въ Батуриномъ монастырѣ (1686 г.). Только черезъ 6 лѣтъ въ 1692 году святителю удалось для спокойнѣйшаго писанія житій святыхъ покинуть игуменство и поселиться опять въ Кіево-Печерской лаврѣ. Потомъ снова святитель сталъ отвлекаться отъ своего главнаго дѣла поочереднымъ исполненіемъ игуменскихъ обязанностей въ разныхъ монастыряхъ, возлагаемыхъ на него. Послѣдовательно св. Димитрій, по настоятельнымъ вызовамъ, проходилъ служеніе игумена въ Глуховѣ, въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ и въ Черниговѣ. При назначеніи въ Черниговскій Елецкій монастырь, святитель былъ возведенъ въ санъ архимандрита въ 1697 году.

Черезъ два года съ небольшимъ онъ переведенъ въ Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь. Новгородъ-Сѣверскій былъ послѣднимъ мѣстомъ дѣятельности святителя Димитрія въ родной ему Малороссіи. Промысль Божіи предугазывалъ ему болѣе высокое служеніе.

Въ 1700 году умеръ митрополитъ Tobольскій и Сибирскій Павелъ. Петръ Великій, преслѣдуя широкіе преобразовательные планы и заботясь о возвышеніи миссіонерскаго дѣла на должную высоту, рѣшился изъ среды малороссійскаго духовенства избрать достойнаго кандидата для занятія высокаго іерархическаго поста. Малороссійское духовенство по образованію считалось болѣе подготовленнымъ къ высшему іерархическому и миссіонерскому служенію, чѣмъ великороссійское. А потому обратился къ кievскому митрополиту Варлааму Ясинскому съ требованіемъ поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ, или другихъ иноковъ добраго ученаго и непорочнаго житія, которому бы въ Tobольскѣ быть митрополитомъ. Митрополитъ Варлаамъ нашель во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ къ выполненію царской воли св. Димитрія. По прибытіи въ Москву, св. Димитрій, привѣтствовавъ царя рѣчью, очень поправился ему. Св. Димитрій въ 1701 году, на 50 году своей жизни, былъ посвященъ въ митрополиты. Однако святитель не поѣхалъ въ Сибирь по разнымъ обстоятельствамъ. Петръ I-й, при личномъ посѣщеніи святителя во время болѣзни, принялъ во вниманіе жалобу его на слабое здоровье, а также на незаконченность предпринятаго научнаго труда, а потому перемѣнилъ уже состоявшееся рѣшеніе и назначилъ св. Димитрія митрополитомъ Ростовскимъ.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

Наука и Апологетика

А. Лаппарана.

Переводъ Н. П. Цвѣтковой съ предисловіемъ и подъ редакціею проф.
С. С. Глаголева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Альбертъ Лаппаранъ, скончавшійся въ 1908 г., принадлежалъ къ самымъ выдающимся геологамъ послѣдняго времени ¹⁾. Его классическое руководство по геологіи, выдержавшее при его жизни пять изданій, является, кажется, лучшимъ изъ всѣхъ курсовъ по этой наукѣ. Но онъ не былъ только геологомъ. Онъ былъ спеціалистомъ минералогіи и далъ образцовый курсъ по этой дисциплинѣ, спеціалистомъ физической географіи и издалъ по ней лекціи, онъ далъ работы по антропологіи въ антидарвинистическомъ духѣ, онъ былъ инженеромъ путей сообщенія и не только инженеромъ теоретикомъ, но и практикомъ и онъ на основаніи изученія дна Па-де-Калэ составилъ проектъ соединенія туннелемъ Франціи и Англіи. Онъ обладалъ знаніемъ многихъ языковъ, былъ блестящимъ лекторомъ и превосходнымъ стилистомъ. И что для насъ является особенно важнымъ и поучительнымъ, свои глубокія естественнонаучныя познанія и широкое образованіе онъ соединялъ съ твердою и смиренною христіанскою вѣрой.

Послѣднимъ его произведеніемъ была небольшая книга

---

¹⁾ Біографію Лаппарана и обзоръ его научной (главнымъ образомъ апологетической) дѣятельности я далъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ № 6, 1908 г.

„Наука и апологетика“, представляющая курсъ лекцій, прочитанныхъ въ маѣ—юнѣ 1905 г. въ парижскомъ католическомъ институтѣ.

Вотъ какъ отзывается объ этой книгѣ членъ французской академіи наукъ (по минералогіи) Барруа въ недавно напечатанной имъ біографіи Лаппарана.

„Въ книгѣ „Наука и Апологетика“, ставшей послѣднимъ произведеніемъ его пера, Лаппаранъ поставилъ задачей защитить свои религіозныя воззрѣнія и показать, что не существуетъ предполагаемаго антагонизма между наукою и религіей. Онъ устанавливаетъ на этихъ вибрирующихъ страницахъ, что если религіозная истина и недоступна для чисто раціональныхъ доказательствъ, то съ другой стороны ничто въ наукѣ не оказывается стоящимъ въ противорѣчіи съ религіозною истиной. Онъ сумѣлъ передъ невѣрующими защитить достоинство своей религіи и основанія своей вѣры, но въ тоже время онъ далъ вѣрующимъ точное представленіе о дѣлѣ науки и объ услугахъ, оказываемыхъ человѣчеству знаніемъ. Маленькая книжка замѣчательна по раскрывающейся въ ней широтѣ эрудиціи: геометрія, механика, физика, химія, точныя и естественныя науки, однѣ за другими призываются для свидѣтельства. Онъ обращается къ нимъ, какъ источнику своихъ философскихъ идей, и сильной ихъ поддержкою онъ даетъ новые аргументы въ пользу конечныхъ причинъ и понятій совершенства и гармоніи, управляющихъ міровымъ порядкомъ“¹⁾.

Въ этомъ курсѣ Лаппаранъ выясняетъ, какую степень достовѣрности на самомъ дѣлѣ имѣютъ отрасли знанія и что открытые въ наукахъ законы на самомъ дѣлѣ утверждаютъ бытіе высшаго Разума и Провидѣнія. Онъ трактуетъ о понятіяхъ геометріи, понятіи протяженія, о происхожденіи геометрическихъ аксіомъ, о неевклидовскихъ геометріяхъ. Онъ говоритъ о наукѣ чиселъ и механикѣ, о наукахъ, имѣющихъ методомъ наблюденіе, о порядкѣ въ твореніи, о принципѣ наименьшаго дѣйствія, о понятіяхъ начала и конца, о цѣлесообразности въ мірѣ, объ эволюціи научныхъ доктринъ, о правахъ и обязанностяхъ апологета въ области науки. Говоря о принципѣ наименьшаго дѣйствія, Лаппа-

¹⁾ Ch. Barrois, membre de l'institut—Albert de Lapparent (Rev. d. Questions scientifiques. Juillet 1909. p. 39—40).

ранъ останавливаетъ вниманіе своихъ читателей на томъ, что вслѣдствіе созданія природы высочайшимъ Разумомъ результаты въ ней достигаются съ наименьшею затратою силъ. Тѣло, двигающееся по какой-либо поверхности подъ вліяніемъ какой-нибудь силы, всегда идетъ по геодезической, т. е. по кратчайшей линіи—на шарѣ, напр., по дугѣ большого круга, такимъ образомъ оно достигаетъ конечнаго пункта кратчайшимъ путемъ. Тотъ же законъ наименьшаго дѣйствія открывается въ явленіяхъ отраженія и преломленія свѣта. Разсуждая о цѣлесообразности, Лаппаранъ говоритъ о строеніи кристалловъ, о свойствахъ воды, обуславливающихъ сохраненіе и развитіе органической жизни, о цѣлесообразности въ организмахъ. Въ заключеніи своего курса онъ предотвращаетъ упрекъ, который ему могутъ бросить, что онъ не опровергъ всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ во имя науки противъ религіи, и что его аргументы не имѣютъ неотразимой силы убѣдительности. По поводу послѣдняго онъ говоритъ, что они и не должны имѣть характера неотразимой убѣдительности. Вѣра, это—заслуга душъ съ доброй волею, и апологетика не должна имѣть своею задачею уничтоженіе вѣры. Наука бессильна проникнуть въ сущность вещей, объяснить и разрѣшить высшіе вопросы. Это—территорія вѣры. Въ послѣднихъ строкахъ курса Лаппаранъ вспоминаетъ о Кеплерѣ, Паскалѣ, Ньютонѣ, Амперѣ, Коши, Гермитѣ, Пастерѣ, которые никогда не думали, чтобы ихъ открытія могли поколебать тѣ глубокія религіозныя убѣжденія, которыми они были одушевлены. „Чѣмъ болѣе расширялись ихъ знанія, тѣмъ болѣе они охватывались двойнымъ чувствомъ: съ одной стороны чувствомъ удивленія, соединеннымъ съ благодарностью предъ красотой творенія, детали котораго открывались имъ, съ другою стороны чувствомъ возрастающей скромности, вызываемою слишкомъ очевиднымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительно приобрѣтеннаго знанія съ неизмѣримою тѣхъ проблемъ, которыя неизбежно вызываются каждымъ новымъ открытіемъ“.

Для русскихъ читателей книга Лаппарана можетъ быть поучительна и полезна во многихъ отношеніяхъ. На Руси, гдѣ очень мало науки, очень высоко стоитъ культъ науки. Для русскаго человѣка, называющаго себя интеллигентнымъ, наука, это—фетишъ, сдѣлавшій ненужными религію, фило-

софію, удовлетворяющій всѣ интеллектуальныя, этическія и эстетическія требованія человѣчества. Книжка Лаппарана, конечно, слишкомъ не достаточна для того, чтобы разрушить этотъ научный фетишизмъ. Но для тѣхъ, кто хочетъ бороться съ этимъ печальнымъ и вреднымъ фетишизмомъ—вреднымъ одинаково и для науки и для морали и для всего добраго, книга Лаппарана явится полезнымъ руководствомъ, указывающимъ плодотворный методъ и правильный путь для борьбы съ невѣріемъ, пытающимся утвердить свою базу на наукѣ. А нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ науку съ истиною и хотятъ въ наукѣ видѣть единственнаго и всемогущаго бога, многія страницы книги Лаппарана заставляютъ задуматься: заслуживаетъ ли дѣйствительно этотъ ихъ богъ того довѣрія и почтенія, которое ему оказываютъ, и не разумнѣе ли вмѣсто этого бога, созданнаго человѣчествомъ, обратиться къ почитанію Того Всемогущаго Бога, Который по общему вѣрованію создалъ человѣчество?

С. Глаголевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Изъ всѣхъ аргументовъ, которыми стараются теперь сокрушить религіозныя вѣрованія, ни одинъ не имѣетъ въ глазахъ широкой публики большаго довѣрія, какъ основанный на доказательствахъ „науки“. Достаточно произнести это магическое слово, чтобы пробудить уваженіе, граничащее съ суевѣріемъ, особенно у тѣхъ, которые сами никогда не вращались въ научной области, и нѣтъ границъ этому уваженію, когда къ слову „наука“ можно прибавить эпитетъ „математическая“.

Сказать, что нѣкоторый фактъ доказанъ математически, это значитъ сообщить ему въ глазахъ массы достовѣрность, исключаящую всякій опытъ. Итакъ, если представленныя возраженія достигнутъ того, что облекутся въ эту сакраментальную форму, или хотя заставятъ повѣрить въ это, то большинство людей будетъ разсматривать ихъ, какъ неоспоримыя, настолько законы математики кажутся имъ необходимыми; въ ихъ сознаніи эти законы въ одинаковой степе-

ни имѣютъ важность и для Всемогущаго и для послѣдняго изъ смертныхъ. Отсюда только одинъ шагъ къ тому, чтобы разсматривать Всемогущаго, какъ нѣчто лишнее, и многіе не задумываются сдѣлать этотъ шагъ.

А область наукъ, называемыхъ точными, съ каждымъ днемъ расширяется, и каждая вѣтвь нашихъ знаній, достигнувшая достаточной степени развитія, стремится къ математической формѣ. Дѣйствительно, когда математическому сближенію фактовъ наблюденія уже удалось сдѣлать очевидными постоянныя отношенія, т. е. законы, то прогрессъ абстракціи можетъ привести къ обозначенію этихъ законовъ выраженіями, достаточно простыми, чтобы сдѣлать къ нимъ примѣнимыми правила математическаго языка. Поэтому характеръ непогрѣшимости и первоначальной необходимости, который приписываютъ этимъ правиламъ, скоро отражается и на тѣхъ вещахъ, которыми они, повидимому, управляютъ, такъ что понятіе о Всемогущемъ, отдѣльномъ отъ сотворенной вселенной, рискуетъ быть признано излишнимъ.

Въ дѣйствительности еще очень мало наукъ, прошедшихъ всѣ фазы развитія, которое приближало бы ихъ къ математикѣ. Только о механикѣ можно было бы думать, что она достигла окончательнаго развитія. Астрономія является математикой лишь постольку, поскольку она въ формѣ небесной механики занимается тѣлами, достаточно удаленными для того, чтобы ихъ можно было считать за точки. Если минералогія, занимающаяся конкретными предметами въ самой простой формѣ, въ какой они только способны являться, дошла благодаря этой простотѣ, до объясненія строенія кристалловъ математическимъ языкомъ, то, съ одной стороны, та формула, которую она имъ теперь даетъ, не застрахована отъ всякаго рода споровъ, въ чемъ приходится часто убѣждаться спеціалистамъ; съ другой стороны эта привиллегія ограничивается одной небольшою областью, именно областью кристалловъ. Математическая физика не принадлежитъ больше къ математикѣ, если считать тѣ передѣлки, которыя сдѣланы въ ея зданіи, и аналитическій языкъ едва проникаетъ въ нѣкоторые уголки химіи, въ то время, какъ науки объ органической матеріи только въ весьма далекомъ будущемъ можетъ ожидать того момента, когда этотъ порядокъ идей будетъ для нихъ пріемлемъ. Однако-жъ все-

общую эволюцію нельзя не признавать, и каждый день приносить въ этомъ отношеніи новый прогрессъ. Не исчезаетъ надежда, что когда нибудь можно будетъ перейти при посредствѣ развивающагося анализа отъ конкретныхъ предметовъ, къ какому бы царству природы они не принадлежали, къ тѣмъ абстракціямъ, которыя прилагаются къ понятіямъ массы и движенія. Изученіе трансформаций матеріи сдѣлалось бы тогда чистымъ вопросомъ механики, гдѣ являлись бы только правила непреложной очевидности, которыми управляются понятія количества, пространства и энергіи.

По этой причинѣ и не отказываясь отъ обсуждения, каждаго въ отдѣльности, всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя стремятся прикрыться покровомъ науки, мы должны прежде всего, насколько можно, ближе изслѣдовать основанія того преимущества высшей необходимости, которое угодно признать за математикой. Развѣ наука о числахъ и наука о пространствахъ ничего не заимствуютъ изъ реального міра и развѣ онѣ таковы, что ничто не можетъ быть понятно внѣ того, что онѣ намъ излагаютъ? Или, развѣ подъ видомъ непогрѣшимости не скрываютъ онѣ нѣкоторый характеръ случайности, которымъ онѣ связываются съ объективнымъ міромъ, причемъ, конечно, никоимъ образомъ не исключается логическая возможность комбинацій, совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыми онѣ постоянно пользуются? Даже, лучше сказать, не явятся ли эти послѣднія въ особенности удивительнымъ языкомъ, самымъ совершеннымъ, о которомъ можно было бы мечтать, чтобы передать содержаніе опыта; языкомъ, изобрѣтеннымъ созидающимъ разумомъ, подчинившимъ себѣ тѣ понятія, идея которыхъ была ему дана окружающимъ міромъ, но которыхъ онъ не породилъ самъ и необходимость которыхъ не содержала бы ничего неизбѣжнаго?

Этотъ вопросъ имѣетъ немалую важность. Очень часто не смущались противопоставлять религію наукъ, повторяя „эта убьетъ ту“ (sesi tegera sela), выраженіе, заимствованное у одного поэта, который меньше другихъ былъ способенъ быть истолкователемъ „этой“ (sesi). Такимъ образомъ, нельзя считать дурнымъ, что тѣ, у которыхъ есть серьезныя основанія хранить „ту“ (sela), являются требовательными относительно настоящаго званія того противника, который выступаетъ противъ нихъ, и желаютъ прежде всего про-

вѣрить его не для того, чтобы уменьшить законное довѣріе, котораго всегда заслуживаютъ заключенія, логически выведенныя изъ ряда правильно произведенныхъ опытовъ, но для того, чтобы лишигь, если они есть, нѣкоторыя научныя понятія характера абсолютной необходимости, вызывающаго относительно ихъ благоговѣніе, граничащее съ идолопоклонствомъ.

Впрочемъ, работа, которую мы предпринимаемъ, не нова, и выдающіеся умы уже приступали къ ней съ авторитетностью, которая намъ много облегчитъ нашу роль. И вотъ, прежде всего, намъ хочется припомнить оцѣнку, данную такимъ лицомъ, которое въ наше время является наиболѣе достойнымъ, чтобы говорить отъ имени математики, потому что никто не обладаетъ всею совокупностью и никто не двинулъ ее такъ далеко по пути прогресса. Мы говоримъ о Пуанкаре. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ резюмируетъ онъ тѣ выраженія, которыя нужно опровергнуть ¹⁾:

Для поверхностнаго наблюдателя научная истина не подлежитъ сомнѣнію, логика науки—непогрѣшима и, если ученые иногда ошибаются, то это лишь потому, что презирали ея правила.

Математическія истины выводятся изъ небольшого количества очевидныхъ предположеній посредствомъ цѣпи непогрѣшимыхъ разсужденій; онѣ имѣютъ важность не только для насъ, но для самой природы. Онѣ, такъ сказать, связываютъ даже Создателя, допуская Его только дѣлать выборъ изъ нѣсколькихъ рѣшеній, относительно немногочисленныхъ. Намъ будетъ достаточно нѣсколькихъ опытовъ, чтобы узнать, какой выборъ Онъ сдѣлалъ. Изъ каждаго опыта можетъ быть выведено множество слѣдствій при помощи ряда математическихъ дедукцій, и такимъ образомъ, каждое изъ нихъ дастъ намъ возможность узнать одинъ уголокъ Вселенной.

Вотъ каковымъ представляется происхожденіе научной достовѣрности для большей части людей, для тѣхъ лиценстовъ, которые пріобрѣтаютъ первыя понятія по физикѣ. Вотъ какъ понимаютъ они роль опытнаго знанія и математики. Такимъ же образомъ понимали ее сто лѣтъ тому назадъ и

¹⁾ La science et l'hypothèse, p. 1 и 2.

многіе ученые, которые мечтали создать міръ, заимствуя изъ опыта возможно меньшее количество матеріаловъ“. Установивъ такимъ образомъ тезисъ, мы рассмотримъ затѣмъ то, что нужно на самомъ дѣлѣ о немъ думать, заранее извиняясь за то, что мы подвергнемъ усиленнымъ занятіямъ надъ абстракціями лицъ желающихъ послѣдовать за нами, такъ же какъ и за тѣ недостатки, которыхъ трудно избѣжать въ изложеніи, для котораго была бы необходима болѣе совершенная личная компетентность.

Два основныхъ понятія господствуютъ въ математикѣ: понятіе числа и понятіе пространства. Откуда они произошли? Вотъ что мы будемъ изслѣдовать и такъ какъ второе менѣе отвлеченно, мы начнемъ съ него.

ГЛАВА I.

Основные понятія геометріи.

§ I. Протяженіе.

Первое ощущеніе, которое возбуждаетъ въ насъ видъ внѣшняго міра, есть ощущеніе существованія предметовъ, отличныхъ другъ отъ друга, какъ и отъ насъ, и занимающихъ неодинаковыя мѣста въ той картинѣ, которая открывается нашимъ глазамъ. Эта картина соотвѣтствуетъ, какъ учитъ насъ наука, истинному изображенію, реально отраженному на сѣтчатой оболочкѣ нашего глаза со всѣми своими красками подобно вѣжному рисунку, который, какъ мы видимъ, проектируется на матовомъ стеклѣ камеръ-обскуры въ фотографическомъ аппаратѣ. Каждый предметъ, составляющій это изображеніе, дѣйствуетъ на одну изъ частей нашей сѣтчатой оболочки, производя на нее въ то же время, смотря по цвѣту, опредѣленное впечатлѣніе, различное для каждаго предмета по полнотѣ, интенсивности и качеству.

Съ другой стороны, опытъ учитъ насъ, что мы можемъ приблизиться къ большей части предметовъ, которые вызываютъ въ насъ эти впечатлѣнія, и, что въ этомъ случаѣ возможно ихъ осязать и перемѣщать, чтобы изолировать ихъ другъ отъ друга. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ спеціальныя обстоятельства, порождающія оптическія иллюзіи, реальность этихъ предметовъ, въ общемъ, не возбуждаетъ въ насъ сомнѣнія, это—реальность не абсолютная, потому

что абсолютнаго нѣтъ въ этомъ мірѣ, но реальность по отношенію къ намъ, которая только одна и имѣетъ для насъ важность и которая намъ доступна, реальность, утверждаемая тѣмъ всеобщимъ согласіемъ, въ силу котораго всѣ люди, видящіе одинъ и тотъ же предметъ, испытываютъ впечатлѣнія, по ощущенію тождественныя, конечно, если ихъ мозгъ въ нормальномъ состояніи, или же, если ихъ органы чувствъ не имѣютъ какихъ либо серьезныхъ поврежденій.

Такимъ образомъ рождается въ насъ ощущеніе реальныхъ и различныхъ между собою тѣлъ, узнать которыя необходимо ближе.

Эти тѣла могутъ отличаться другъ отъ друга тысячей деталей, но при видѣ всѣхъ безъ исключенія возникаетъ одно и то же абстрактное понятіе, понятіе *протяженія*, ими занимаемаго, прежде всего, по отношенію къ намъ, а затѣмъ и относительно другъ друга. Размѣры нашего собственнаго тѣла, опредѣляющіе прямое воспріятіе нами предметовъ, приводитъ насъ сразу къ познанію, что другія тѣла занимаютъ болѣе или менѣе мѣста, чѣмъ мы. Только не всѣ предметы поддаются съ одинаковой легкостью этой оцѣнкѣ.

Среди нихъ встрѣчаются измѣнчивыя, подвижныя, какъ напр., жидкости, опредѣленіе объема которыхъ можетъ быть невѣрно, или трудно. Напротивъ, что касается другихъ, то впечатлѣнія, которыя они производятъ на наши чувства, таковы, что, по крайней мѣрѣ, при первомъ взглядѣ они намъ кажутся всегда тождественными. По нимъ и должно съ точностью опредѣлиться понятіе о протяженіи. Затѣмъ къ этому зрительному постоянному ощущенію, осязаніе присоединяетъ еще другой коррелятивъ—*твердость*, въ силу которой изслѣдуемая тѣла не испытываютъ при прикосновеніи нашихъ пальцевъ никакого замѣтнаго измѣненія. Такимъ образомъ въ нашемъ сознаніи утверждается абстрактное понятіе *твердыхъ тѣлъ*, которыя мы можемъ если они къ тому способны, перемѣщать безъ какого либо измѣненія въ нихъ.

На самомъ дѣлѣ эта абстракція удалена отъ реальности. доступной опыту. Наука, болѣе совершенная, обязываетъ насъ признать, что всякое перемѣщаемое тѣло, должно измѣняться подъ дѣйствіемъ тяжести, что температура, постоянно колеблющаяся, непрестанно измѣняетъ размѣры, что

постоянныя колебанія влажности, барометрическаго давленія, электрическаго напряженія и т. п. могутъ производить аналогичныя дѣйствія, что, наконецъ, самая субстанція предмета не остается неизмѣнною.

Но эти дѣйствія не принимаются въ расчетъ при первомъ изслѣдованіи, особенно для извѣстной категоріи твердыхъ тѣлъ, подобныхъ глыбамъ камня, употребляемымъ на постройки. Такимъ образомъ становится законнымъ сравненіе, которое мы дѣлаемъ между этими твердыми тѣлами, по предположенію неизмѣнными, если разсматривать ихъ единственно съ точки зрѣнія ихъ взаимной величины и не принимать въ расчетъ всѣ ихъ остальные свойства. И дѣйствительно, при помощи ихъ мы доходимъ до яснаго понятія *пространства*, благодаря чему не колеблясь объявили, что безъ твердыхъ тѣлъ не было бы геометріи.

Такимъ образомъ, при самомъ основаніи науки о пространствѣ мы встрѣчаемся съ интуитивнымъ понятіемъ *постоянства*, вслѣдствіе котораго нашъ разумъ начинаетъ замѣнять идеальнымъ міромъ тотъ міръ, который мы непосредственно ощущаемъ нашими чувствами. Благодаря этому постоянству, реализованному въ достаточной степени твердыми тѣлами, образы предметовъ являются доступными для нашего опредѣленія и измѣренія, для чего прежде всего, примѣняется зрѣніе.

Напр., при видѣ глыбы камня, мы переносимъ взглядъ сразу слѣва направо, или наоборотъ, чтобы получить послѣдовательно прямое изображеніе всѣхъ элементовъ полосы, параллельной горизонтальной линіи нашихъ глазъ. Затѣмъ мы осмотримъ глыбу сверху до низу, чтобы ясно представить всѣ элементы полосы, параллельной вертикальной оси нашего тѣла. И если намъ скажутъ, что при этомъ второмъ наблюденіи (*percersion*) приводятся въ дѣйствіе мускулы, нѣсколько различныя отъ тѣхъ, которые управляли движеніемъ слѣва направо, то мы, зная, что неизмѣнное твердое тѣло можетъ быть перевернуто, такъ, что горизонтальныя линіи заступятъ мѣсто вертикальныхъ, будемъ въ правѣ не дѣлать никакого различія между двумя категоріями впечатлѣній, которыя производятъ въ нашемъ сознаніи абстрактное понятіе *двухъ измѣреній*, а именно *длины и высоты*.

Это еще не все: встрѣчаются тѣла такой величины, что

всѣ ихъ части, видимыя въ одномъ направленіи, не могутъ быть обняты сразу нашимъ зрѣніемъ. Эти части, какъ мы скоро научаемся изъ опыта, находятся на разныхъ разстояніяхъ отъ плоскости нашихъ обоихъ глазъ, которые, чтобы лучше ихъ видѣть, должны послѣдовательно *приспособляться* къ этимъ разностямъ разстоянія, посредствомъ бессознательнаго измѣненія выпуклости хрусталика.

И только опытъ даетъ намъ право поставить эту новую категорію органическихъ усилій въ постоянное и прямое отношеніе эквивалентности съ тѣми усиліями, которыя намъ нужно сдѣлать, чтобы разсмотрѣть сбоку то тѣло, которое мы начали разсматривать спереди. Такимъ образомъ у насъ является понятіе третьяго измѣренія, тождественнаго по природѣ съ предыдущими,—понятіе *глубины*.

До сихъ поръ мы пользовались только зрѣніемъ. Къ его свидѣтельству присоединяется другое, свидѣтельство того усилія, которое намъ нужно сдѣлать, чтобы достигнуть, идя передъ предметомъ, разграниченія пространства, раздѣляющаго двѣ внѣшнія линіи, будь то спереди, или сбоку, предполагая, кромѣ того, предметъ опрокинутымъ, чтобы одно измѣреніе замѣнить другимъ. Наконецъ, впечатлѣніе, относящееся къ тому же порядку, появится у насъ вслѣдствіе того усилія мускуловъ, которое необходимо, чтобы охватить тѣло по всѣмъ его разсмотрѣннымъ измѣреніямъ.

Однимъ словомъ, различные разряды однородныхъ ощущеній, образуя всегда группу трехъ и провѣряясь одни другими, даютъ намъ понятіе протяженія, занимаемаго неизмѣннымъ твердымъ тѣломъ въ обитаемомъ нами мірѣ. Тогда, при посредствѣ абстракціи, очень смѣлой, но вслѣдствіе привычки сдѣлавшейся легкой, мы перестаемъ заниматься собственно матеріей тѣла и разсматриваемъ лишь мѣсто, имъ занимаемое. Это и составляетъ существенный характеръ геометріи, какъ это прекрасно выражено въ слѣдующихъ словахъ ¹⁾: „Въ противоположность механикѣ, которая въ явленіяхъ перенесенія (*les phénomènes de translation*) не обращаетъ вниманія на форму тѣлъ, удерживая только ихъ массу, геометрія игнорируетъ массу и удерживаетъ только форму, которую она предполагаетъ неизмѣнною послѣ исчезновенія матеріи“. Она извлекаетъ изъ тѣла „то, что его со-

¹⁾ De l'Expérience en Géométrie. De Freycinet.

ставляетъ, то, чѣмъ оно существуетъ, и спекулируетъ надъ своего рода фактомомъ“.

Совокупность, которая служитъ рамой для всѣхъ этихъ призраковъ, становится геометрическимъ *пространствомъ*. Мы не будемъ здѣсь заниматься объективной реальностью пространства; это—щекотливый вопросъ, который должно предоставить метафизикамъ. Для насъ пространствомъ является мѣсто тѣла, или говоря точнѣе, мѣсто абстрактныхъ образовъ, которыми нашъ разумъ замѣняетъ ихъ. Наипростѣйшими изъ этихъ образовъ являются тѣ, которые возникаютъ въ насъ при видѣ каменныхъ правильно обточенныхъ глыбъ. Не только составляющее ихъ вещество дѣлаетъ ихъ неизмѣнными на практикѣ, но и самыя движенія, которыя намъ нужно произвести, чтобы опредѣлить ихъ протяженность, являются самыми простыми, какія наши органы могутъ произвести. Черезъ нихъ и опредѣляется съ точностью понятіе о трехъ свойствахъ, которыя позволяютъ оцѣнивать важность образа, ту важность, которая въ этомъ случаѣ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ самъ образъ, такъ какъ усилія, необходимыя для опредѣленія размѣровъ, представляють по самой природѣ камня чистый видъ той работы, которую потребуетъ испытаніе глыбы. И такъ какъ опредѣленіе подобнаго тѣла намъ кажется законченнымъ, когда мы знаемъ, каковы его длина, высота и толщина, то мы имѣемъ право сказать, что мѣсто, занимаемое предметами, на сколько мы это опредѣлили изъ опыта, имѣетъ *три измѣренія* и только три.

Но нужно проникнуть глубже въ знаніе этого геометрическаго пространства. Два тѣла, тождественныя по веществу и обладающія одинаковымъ объемомъ, т. е. требующія одного и того же глазного усилія (*effort global*) для перестановки, могутъ сильно отличаться другъ отъ друга своей *формой*, и эта разница такова, что можетъ сдѣлать ихъ въ неравной степени удобными. Такимъ образомъ нужно опредѣлить эту форму, имѣя всегда въ виду для большей простоты неизмѣнное на практикѣ твердое тѣло, подобное каменной глыбѣ.

Глыба кажется намъ ограниченной *контурами*, которые могутъ не имѣть реального существованія, въ той мѣрѣ, какъ линіи доступны осязанію и безошибочному ощупыва-

нію рукой, но которые тѣмъ не менѣе точно соотвѣтствуютъ контурамъ тѣхъ образовъ, которые запечатлѣлись на нашей свѣтчатой оболочкѣ.

Къ тому же глыба кажется рѣзко ограниченной относительно окружающей среды тѣмъ, что называется ея *поверхностью*. Если глыба хорошо обтесана и особенно отшлифована, то будетъ казаться, что очень легко опредѣлить эту поверхность, и что она представляетъ рѣзкую границу между веществомъ тѣла и окружающей его средой.

Безъ сомнѣнія, это только видимость. Микроскопъ открылъ бы массу неровностей на этихъ поверхностяхъ, кажущихся намъ такъ хорошо сглаженными, и по мѣрѣ того, какъ будетъ расти увеличеніе, мы будемъ чувствовать себя все болѣе и болѣе въ затрудненіи сказать, гдѣ начинается въ дѣйствительности разсматриваемое тѣло. Затрудненіе будетъ несравненно больше, если вмѣсто каменной глыбы мы будемъ имѣть дѣло съ текучимъ веществомъ.

Но намъ позволительно сдѣлать абстракцію этихъ неровностей и предположить вещество *идеальное*, не только безусловно неизмѣнное, но на столько совершенное, что не было бы сомнѣнія на счетъ его границъ съ окружающей средой. Часть пространства, лишённая всякой плотности, въ которой и совершится это разграниченіе, будетъ уже не оболочкой, а только *видимостью оболочки* ¹⁾, которую мы назовемъ геометрическою поверхностью тѣла. Соотвѣтственно формѣ и видамъ разсматриваемаго тѣла, части этой поверхности покажутся намъ какъ бы ограниченными линіями, могущими быть прямыми, ломаными и кривыми. Такимъ образомъ опредѣленіе внѣшнихъ формъ произведетъ въ нашемъ сознаниіи два рода абстракцій: абстракцію *линій*, которыя при идеализаціи будутъ имѣть только одно измѣреніе и абстракцію *поверхностей*, у которыхъ измѣреній будетъ два; все ограничивающій *объемъ* имѣетъ три измѣренія.

Ни линіи, ни поверхности не реальны, и ихъ нельзя никоимъ образомъ матеріализировать, потому что всякая матерія является предъ нами, имѣя три измѣренія. Это—абстракціи, которыя не имѣютъ, впрочемъ, ничего произволь-

¹⁾ De Freycinet: op. cit, p. 14.

наго, потому что онѣ идеализируютъ только понятія, выведенныя изъ опыта.

Слѣдовательно, можно сказать, что для того, чтобы воздвигнуть зданіе науки о пространствѣ, т. е. геометріи, нужно выбрать среди извѣстныхъ намъ предметовъ самые простые, т. е. твердыя тѣла, неизмѣнныя на практикѣ. Правду сказать, дѣло происходило даже легче, такъ какъ геометрія, какъ показываетъ самое названіе, родилась изъ нужды межеванія, появившагося очень рано вслѣдствіе необходимости разграниченія владѣній; такимъ образомъ, прежде всего должны были разсматривать элементы съ однимъ или двумя измѣреніями. Затѣмъ, чтобы опредѣлять объемы въ виду торговыхъ сдѣлокъ, явилась нужда обратить вниманіе и на твердыя тѣла, начавъ съ наименѣе сложныхъ. Эти твердыя тѣла были предположены совершенными, т. е. абсолютно неподверженными какому либо измѣненію, способному повліять на ихъ формы.

Тогда началась новая работа идеализаціи, имѣвшая цѣлью опредѣлить форму тѣлъ, и первой ступенью этой работы является забвеніе шероховатостей, которыя безобразятъ ихъ поверхность. „Мы предполагаемъ, что шлифованный инструментъ, въ высшей степени совершенный, уничтожилъ ихъ и привелъ поверхность къ той степени единства и правильности, представленіе о которыхъ намъ можетъ дать внѣшняя поверхность куска мыла или грани нѣкоторыхъ образцовыхъ кристалловъ. Что касается линій пересѣченія такихъ поверхностей, то мы ихъ видимъ съ совершенной тонкостью и чистотой въ рѣзкихъ ребрахъ хрустала или въ строгой кривизнѣ нитки, свободно укрѣпленной за оба конца“¹⁾.

Послѣ того, какъ идеализированы линіи и поверхности, задача геометріи состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить взаимныя отношенія этихъ понятій, правда отвлеченныхъ, но въ принципѣ выведенныхъ изъ наблюденія. При опредѣленіи этихъ отношеній налагается двойная обязанность: прежде всего не отталкивать никакой истины опыта, затѣмъ уважать тѣ законы, которые во всякомъ случаѣ управляютъ дѣятельностью нашего разума, и въ первомъ ряду которыхъ стоитъ *принципъ противорѣчія*; этотъ принципъ есть слѣд-

1) De Freycinet, op. cit. p. 18.

ствіе того, что природа глубоко проникнута чувствомъ порядка, которое было бы сильно оскорблено всякимъ предположеніемъ, способнымъ допустить тожество между противоположностями.

§ 2. Происхожденіе геометрическихъ аксіомъ.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько шаговъ въ область геометрическихъ абстракцій. Понятіе линий и поверхностей, выведенное изъ опыта, получается нами различными способами, но особенную ясность оно получаетъ тогда, когда мы отдадимъ себѣ отчетъ о томъ пути, который мы совершаемъ по почвѣ, насколько возможно ровной, чтобы достигнуть опредѣленнаго предмета, не наталкиваясь во время совершаемаго пути на препятствія, которыя нужно преодолѣть.

Прежде всего, у насъ существуетъ, въ силу собственно нашей организаціи, очень ясное чувство *направленія*, слѣдующему которому мы осуществимъ наименьшее усиліе движенія при пробѣвѣ. Для этого нужно, чтобы нашъ взглядъ не покидалъ ни на одну минуту опредѣленную часть достигаемаго предмета, на столько малую, что ея поверхность кажется не заслуживающей вниманія и сводится на практикѣ къ тому, что мы называемъ *точкой*. Она будетъ, какъ говорятъ по военной теоріи, *точкой направленія*; вѣрный инстинктъ намъ подсказываетъ, что, если это условіе постояннаго прицѣла (*devisée cinstarté*) выполнено, и наши глаза не совершали никакого иного движенія ни справа на лѣво, ни сверху внизъ, то мечта о минимальномъ усиліи будетъ осуществлена.

Природа даетъ намъ, за исключеніемъ твердости, представленіе объ этомъ идеальномъ пути въ спокойной поверхности воды, гдѣ вѣрно направленный челнокъ позволяетъ слѣдовать по желанной траекторіи, съ другой стороны, нѣтъ особенно ощутительной разницы между этой совершенной водяной плоскостью и поверхностью большихъ равнинъ съ постояннымъ уровнемъ, которыя такъ часто разстилаются на берегахъ морей или озеръ. Т. об., слѣдующимъ путемъ въ указанныхъ условіяхъ, мы приходимъ къ мысли о *плоскости*, поверхности, лишенной неровностей и кривизны, гдѣ работа, необходимая для ходьбы, сводится единственно къ усилію перемѣщенія, требуемаго разстояніемъ, безъ всякаго вмѣшатель-

ства тяжести, такъ какъ здѣсь не существуетъ ни подъема, ни спуска.

Если въ двухъ точкахъ подобной гладкой равнины укрѣпить два столба и за нижніе концы привязать веревку, сильно натянутую, то мы увидимъ, что на всемъ своемъ протяженіи эта веревка будетъ наклонена къ землѣ, несмотря на то, какое положеніе занимаетъ второй столбъ по отношенію къ первому. Наконецъ, мы безъ труда убѣдимся, что для того, чтобы пройти кратчайшимъ путемъ отъ одной точки равнины до другой, нужно твердо слѣдовать натянутой веревкѣ, потому что, т. об., придется сдѣлать наименьшее количество шаговъ, и потребуются наименьшее количество веревки, чтобы установить связь между крайними точками.

Теперь идеализируемъ эти различные понятія. Сдѣлаемъ такъ, что оба столба—отправленія и прибытія касаются поверхности въ столь маломъ пунктѣ, что было бы невозможнымъ опредѣлить его размѣры глазомъ; въ предѣлѣ это неразличимое пространство (*cette aire*) обратится въ *геометрическую точку*. Уменьшимъ также толщину веревки до того, что ее уже нельзя будетъ измѣрить, и предположимъ, что благодаря своей нематеріальности, веревка, сокращенная до такой степени, не будетъ считаться съ кривизною, зависящею отъ силы тяжести каждой натянутой нити. Въ предѣлѣ мы получимъ абстракцію, называемую *прямой линіей*. Мы ясно увидимъ, что отъ одной точки до другой мы можемъ представить только одно воилощеніе этого идеала; оно несомнѣнно указываетъ кратчайшее разстояніе между двумя точками; такимъ образомъ и будутъ положены при посредствѣ этихъ абстрактныхъ, но всегда выведенныхъ изъ опыта, понятій, основныя аксіомы планиметріи.

Далѣе, когда веревка, протянутая по всему протяженію равнины, предположенной совершенно плоской, прилегаеть къ ней во всѣхъ точкахъ, то мы узнаемъ способъ образованія этой поверхности, реализирующей максимумъ простоты посредствомъ прямой, непрерывно опирающейся на двѣ другія совпадающія. Такимъ же образомъ мы видимъ, что прямая деревянная палка, брошенная на спокойную поверхность воды, будетъ прикасаться къ ней всею своею длиною, куда бы мы ее ни направляли.

Впрочемъ, есть и другіе виды наблюденій, на основаніи которыхъ можно составить очень ясныя представленія о прямой линіи. Одни изъ нихъ сами бросаются въ глаза, какъ напримѣръ, лучъ свѣта, проникающій черезъ узкое отверстіе ставни въ пыльную атмосферу темнаго мѣста и начертывающій блестящимъ образомъ кратчайшій путь между своими двумя концами, или же камень, бросаемый съ верха башни, или же веревка, поддерживающая грузъ.

Другія представленія требуютъ нѣсколько большихъ усилій, чтобы ихъ ясно понять, но зато они дадутъ намъ болѣе точное геометрическое понятіе. Такъ, когда мы сообщимъ твердому тѣлу круговращательное движеніе, укрѣпивъ двѣ его точки между пальцами, при чемъ тѣло будетъ достаточно упруго и не будетъ измѣнять свою форму при движеніи, то мы скоро увидимъ, что линія, проходящая отъ одного пальца къ другому, не участвуетъ въ движеніи. Если же между этими двумя точками можно было бы ввести прямую упругую иглу, то тѣло будетъ продолжать вращаться около этой оси, которая, напротивъ, остается неподвижной. Идеализируя это понятіе, мы опредѣлимъ прямую линію, какъ мѣсто неподвижныхъ точекъ въ неизмѣняющемся твердомъ тѣлѣ, подвергнутомъ вращенію. Наконецъ, когда у насъ будетъ инструментъ, съ помощью котораго мы будемъ въ состояніи провести черту наиболѣе близкую къ идеальной прямой, инструментъ, называемый линейкой, то совершенство этой черты будетъ доказано, если при передвиженіи линейкой вокругъ ея ребра, мы будемъ получать все ту же черту. Здѣсь концепція оси вращенія является для насъ тождественной съ концепціей о кратчайшемъ разстояніи между двумя точками.

Такимъ образомъ, опытъ всегда является нашимъ путеводителемъ въ опредѣленіи отвлеченныхъ понятій пространства. Впрочемъ, роль наблюденія не ограничивается тѣмъ, что представляетъ субстратъ, изъ котораго исходятъ геометрическія понятія при посредствѣ простой идеализаціи. Мы встрѣтимся еще съ наблюденіемъ, какъ съ основой большого числа теоремъ, которыя устанавливаютъ взаимныя отношенія полученныхъ такимъ образомъ абстракцій.

Напримѣръ, что значать тѣ доказательства, при которыхъ, чтобы увѣриться въ равенствѣ двухъ плоскихъ фигуръ,

имѣющихъ нѣкоторые тождественные элементы, эти фигуры налагаютъ одну на другую, предполагая, что равные элементы совпадутъ? Не покажется ли это доказательство бессмысленнымъ, если его прилагать исключительно къ абстракціямъ? Нельзя переносить вещь, не имѣющую реальнаго существованія. Очевидно, примененное умозрѣніе пользуется санкціей опыта, которая будетъ состоять въ представленіи двухъ матеріальныхъ фигуръ, удовлетворяющихъ указаннымъ условіямъ, и въ удостовѣреніе того, что онѣ точно накладываются другъ на друга.

Правда, *абсолютное* удостовѣреніе невыполнимо. Перенесенная фигура рискуетъ измѣнить форму и вещество, ее составляющее, не неизмѣнно. Тяжесть, теплота, влажность могутъ измѣнить его размѣры, а также подѣйствовать въ различной мѣрѣ на самую сравниваемую фигуру. Какую бы точность ни стремились дать конструкціи равенство элементовъ, признанныхъ за тождественные, можетъ существовать въ дѣйствительности только въ предѣлахъ дозволенныхъ несовершенствомъ инструментовъ. Наконецъ, для матеріальныхъ предметовъ наложеніе соответствующихъ элементовъ всегда будетъ давать мѣсто нѣкоторой неточности, тѣмъ болѣе замѣтной, чѣмъ тоньше будутъ средства, употребляемые для его подтвержденія.

Но понятно, что съ подходящимъ веществомъ и при хорошо устроенныхъ приборахъ можно получать все болѣе и болѣе полное совпаденіе, и мы имѣемъ полное право думать, что въ предѣлѣ, т. е. въ условіяхъ, при которыхъ не применимъ реальный опытъ, и при которыхъ фигура становится абстракціей, это совпаденіе не оставляетъ больше ни малѣйшей неправильности.

Однако-жъ, мы повторяемъ, что доказательство кажется лишеннымъ смысла, если оно не опирается на возможность матеріальной провѣрки, и тотъ же фактъ можетъ быть доказанъ другими умозрѣніями, употребляемыми въ геометріи. Всюду найдемъ мы эту опору опыта, который нами руководитъ при нашихъ абстракціяхъ и выводитъ изъ нихъ, при посредствѣ чувства порядка и понятія объ идеалѣ, заключенія, которыя внушаютъ уваженіе всѣмъ разумнымъ людямъ.

Это не все. Къ указаннымъ основнымъ понятіямъ присоединяется по самому устройству нашего ума понятіе о без-

конечности. Опытъ научилъ насъ, что при помощи всѣхъ, слѣдующихъ въ строгомъ порядкѣ одна за другою, мы можемъ продолжить прямую линію, проведенную между двумя точками, такъ далеко, какъ мы того желаемъ. Вслѣдствіе внутренняго стремленія, столь же естественнаго какъ и то, что внушено намъ идеей порядка, мы допускаемъ, что эта способность продолжаться безпредѣльна. Прямая линія, а вмѣстѣ съ ней и плоскость, произведенная ея движеніемъ кажутся намъ, такимъ образомъ, способными продолжаться до безконечности.

Изъ этой новой концепціи, существенно принадлежащей геометріи, вытекаетъ другая,—концепція *непрерывности* (*le continu*). Опытъ, запрещающій намъ далеко продолжать матеріальную линію, по причинѣ конечности нашей земли, не допускаетъ насъ тѣмъ болѣе реализовать дѣленіе предмета далѣе извѣстнаго предѣла вслѣдствіе несовершенства нашихъ чувствъ, несмотря на употребленіе нами такихъ инструментовъ, которые увеличиваютъ ихъ могущество.

Однако-жъ, мы отказываемся допустить, чтобы теоретическое дѣленіе этой абстракціи, называемой протяженіемъ (*étendue*), не могло быть безконечно выполняемо. Кромѣ того, оно необходимо, какъ это указалъ Пуанкаре, чтобы уничтожить противорѣчіе, которое происходитъ въ насъ при очевидно обманчивомъ впечатлѣніи *физическаго цѣлаго*.

Предположимъ три послѣдовательныхъ длины, изъ которыхъ каждая отличается отъ предыдущей на пятую часть миллиметра, и допустимъ, что четверть миллиметра составляетъ предѣлъ разницъ, замѣтныхъ для глаза. Тогда мы не будемъ въ состояніи различить ни первую длину отъ второй, ни вторую отъ третьей, въ то время, какъ намъ будетъ невозможно смѣшать двѣ крайнія.

Но принципъ нашего духа говоритъ намъ, что двѣ величины, равныя третьей,—равны между собою. Какимъ же образомъ эти крайнія могутъ различаться другъ отъ друга, если вторая величина кажется равной каждой изъ нихъ? Это противорѣчіе можетъ быть устранено только при посредствѣ идеи *геометрической непрерывности*, устанавливающей постепенный переходъ отъ одной величины къ другой черезъ безконечное слѣдованіе промежуточныхъ, которыя не могутъ быть нами открыты никакимъ чувствомъ. Такимъ об-

разомъ понятіе о *безконечно малой* существуетъ на ряду съ понятіемъ *безконечно большой*.

Эти понятія по замѣчанію Пуанкаре суть ¹⁾ „утвержденіе могущества разума, сознающаго себя способнымъ обнять безконечное повтореніе одного и того же акта въ томъ случаѣ, если этотъ актъ однажды былъ возможенъ. Разумъ имѣетъ *прямую интуицію* этого могущества, и опытъ является для него лишь поводомъ для того, чтобы воспользоваться ею и черезъ то получить познаніе“.

Пусть этотъ опытъ можетъ быть произведенъ только на конечныхъ вещахъ, зато онъ не въ состояніи ограничить поле нашихъ абстракцій. Только эти послѣднія, разъ прекращается возможность провѣрки, становятся сразу недоказуемыми.

Въ такомъ, именно, видѣ и является послѣдняя изъ основныхъ аксіомъ, знаменитый *постулатъ Евклида*. Въ той формѣ, которая дана ему въ руководствахъ и которая болѣе ясна, чѣмъ первоначальная, этотъ постулатъ состоитъ въ слѣдующемъ: *черезъ одну точку можно провести только одну прямую линію, параллельную данной*, т. е. расположенную въ той же самой плоскости, какъ точка и прямая и не встрѣчающуюся съ нею никогда, какъ бы далеко мы ее ни продолжили.

Всякому извѣстно, что надъ этимъ постулатомъ изощрялась съ незапамятныхъ временъ провинцательность геометровъ. Очепь многіе изъ нихъ одинъ за другимъ горячо стремились доказать, что его можно вывести изъ какого нибудь другого простого предположенія и ужъ такова привлекательность этихъ предметовъ, что многіе изъ выдающихся умовъ могли льстить себя мыслию, что уснѣли въ ихъ рѣшеніи.

Но строгій анализъ всегда оканчивалъ тѣмъ доказательствомъ, что обманывались нѣкоторыми иллюзіями, и пришелъ, наконецъ, день, когда геометръ Лобачевскій установилъ, что безусловно невозможно привести для постулата доказательство, основанное единственно на предыдущихъ аксіомахъ ²⁾. Съ этихъ поръ, какъ шутливо говоритъ Пуан-

¹⁾ Op. cit. p. 24.

²⁾ То же доказательство выведено венгерцемъ Боліай.

каре, Академія Наукъ получаетъ не болѣе, какъ два или три раза въ годъ опыты нѣкоторыхъ упорныхъ искателей, которыхъ не обезкуражилъ подобный приговоръ.

Какимъ же образомъ должно разсматривать этотъ постулатъ, комбинаціи котораго съ другими аксіомами достаточны для возведенія всего зданія геометріи Евклида? Теперь уже не то время, когда вмѣстѣ съ Кантомъ смотрѣли на него, какъ на необходимое предположеніе, какъ на *синтетическое сужденіе à priori*.

Поддерживать этотъ тезисъ нельзя съ тѣхъ поръ, какъ удалось безъ всякихъ противорѣчій построить такіа геометріи, которыя отбрасываютъ этотъ принципъ.

Нѣкоторые говорятъ, что это чистый результатъ опыта, формула, въ которой резюмируется квинтъ-эссенція свойствъ реального протяженія. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что это—простое *условіе, скрытое опредѣленіе*. Пусть только оно не будетъ совсѣмъ произвольнымъ и пусть нашъ разумъ, оставаясь свободнымъ и будучи ограниченъ лишь необходимостью избѣгать всякаго противорѣчія, *руководится въ своемъ выборѣ фактами опыта*¹⁾.

Исходя изъ этой послѣдней мысли, можно было бы допустить, что особыя заслуги геометріи, извѣстной подъ именемъ Евклидовой, заключаются, „прежде всего, въ томъ, что она сама по себѣ самая простая, а затѣмъ и въ томъ, что она достаточно согласуется со свойствами естественныхъ твердыхъ тѣлъ, тѣлъ, которыя изслѣдуются нашими органами и глазами, и изъ которыхъ мы изготовляемъ наши инструменты измѣренія“. Но въ дѣйствительности, въ ней должно видѣть только условія, примененныя къ абстракціямъ, для которыхъ лишь идея внушена опытомъ.

По истинѣ, нужно имѣть много смѣлости, чтобы занять позицію въ подобномъ спорѣ. Если кто и отваживается, то въ испугѣ останавливается при видѣ тѣхъ трудностей, на которыя можно натолкнуться на каждомъ шагу. Поэтому намъ кажется болѣе благоразумнымъ предоставить споръ тѣмъ рѣдко встрѣчающимся умамъ, которые отваживаются приближаться къ абсолютному, отъ соприкосновенія съ которымъ у простого смертнаго дѣлается головокруженіе.

¹⁾ Пуанкаре: *op. cit.*, p. 66.

Поэтому мы и склонны ограничиться здѣсь эклектиче-скимъ рѣшеніемъ, внушеннымъ той мыслью, что геометрія должна быть создана для существующаго человѣчества, а не для какой то высшей расы будущаго, въ интересахъ которой слишкомъ великодушная инициатива привела бы насъ здѣсь къ тратѣ великихъ интеллектуальныхъ усилій.

Съ этой точки зрѣнія позволительно спросить, не опасно ли выставлять передъ публикой слишкомъ глубокій анализъ самыхъ основъ нашихъ знаній, вмѣсто того, чтобы сохранить его для небольшого кружка, гдѣ эти предметы можно было бы разсматривать, такъ какъ цѣнность этихъ положеній не рискуетъ быть непонятой. Довѣряя слишкомъ многимъ эти высокія теоріи, можно ошеломить, и дѣйствіе этого ошеломленія, превосходя предполагаемую мѣру, можетъ возбудить незаслуженное недовѣріе къ очень здравымъ понятіямъ.

Тому, кто не подготовленъ анализировать высшую квинтъ-эссенцію вещей, покажется всегда нѣсколько грубымъ признаніе за *условія и скрытыя опредѣленія* тѣхъ правилъ, которыя нельзя понимать иначе, не вводя запутанности, которую никакой послѣдующій доводъ не можетъ оправдать, или не становясь добровольно внѣ реального міра или въ сторонѣ отъ него. Это можетъ быть, только слова, но вѣдь и слова, въ своемъ родѣ, важны, и, такъ какъ установлено, что эти правила внушены опытомъ, то не будетъ ли разумно, удовольствоваться вмѣсто нихъ тѣмъ, что Лобачевскій назвалъ *эмпирической достоверностью*, не вмѣняя имъ въ вину, что они не имѣютъ степени реальности большей той, которую мы можемъ требовать для самихъ себя.

Именно, въ этомъ смыслѣ и могъ написать Тилли, знаменитый бельгійскій геометръ слѣдующее ¹⁾: „Я вполне допускаю, что въ началѣ геометріи помѣщаютъ постулаты или гипотезы, но такъ какъ они не могутъ быть выбраны безъ основанія, то нужно допустить, что до нихъ дошли при помощи опыта, и что нѣтъ никакого неудобства его признать, ни даже дать это замѣтить. Гипотеза или постулатъ идеализируетъ нѣкоторымъ образомъ результатъ опыта, которому безъ этого не доставало бы опредѣленности, и который за-

¹⁾ Bulletin de la Classe des Sciences de l'Académie royale de Belgique, 2-e série, XXXVI, p. 139.

ключалъ бы лишь одни предположенія, требующія доказательства (*des pétitions de principe*).

Однимъ словомъ, какъ бы ни назывались факты, служащіе основаніемъ геометріи—принципами, данными опыта, гипотезами, аксіомами, или постулатами, я, съ моей стороны, вижу въ этомъ мало различія“.

Итакъ, если постулатъ Евклида, находящійся въ согласіи съ опытами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это возможно человеку, не поддается строгому доказательству, то не потому ли это, что понятіе *параллельности*, которое удаляетъ въ бесконечность возможную встрѣчу двухъ прямыхъ, является концепціей, которую нашъ разумъ считаетъ необходимою, но которую наблюденіе не въ состояніи когда либо доказать? Риманъ писалъ ¹⁾: „Когда приходится расширять эмпирическія положенія до бесконечно большихъ или до бесконечно малыхъ, то метрическія отношенія становятся все болѣе и болѣе неточными, лишь только выходятъ изъ границъ наблюденія“. Та же идея побудила сказать ²⁾: „Всякое доказательство первыхъ данныхъ геометріи, представляющихъ наши интуиціи, имѣетъ значеніе только для конечнаго, и нужно добиваться права приложить его и къ бесконечному“.

Правда, это расширеніе не всегда можетъ быть законно, и бываютъ случаи, когда свидѣтельство нашихъ чувствъ можетъ насъ обмануть относительно важности того, чему мы научаемся благодаря имъ. Представимъ себѣ существо, подобное намъ, заброшеннымъ въ область, абсолютно ровную и размѣромъ много большимъ, чѣмъ наша земля. Идя прямо впередъ, оно будетъ думать, что слѣдуетъ прямой линіи, тогда какъ въ дѣйствительности онъ дѣлаетъ большой кругъ и, если онъ не оставилъ въ точкѣ отправленія какого либо знака, который онъ могъ бы узнать, приходя снова, то онъ будетъ увѣренъ, что идетъ по безграничной площади.

Предположимъ еще, что жизнь этого мыслящаго существа должна протекать на этомъ громадномъ шарѣ на экваторѣ, въ границахъ узкаго острова, расположеннаго съ запада на востокъ. Часть экватора, захваченная главной осью острова, не будетъ отличаться для этого острова отъ

¹⁾ Сочиненія Римана, переводъ Лонселя.

²⁾ Carra de uaux, *Revue de philosophie*, 1902, p. 80.

совершенно прямой линіи. Различные меридіаны, пересѣкающіе эту линію подъ прямымъ угломъ и кажушіеся такими же прямыми, будутъ считаемы за строго параллельные. Между тѣмъ мы знаемъ, что на шарѣ всѣ меридіаны пересѣкаются въ двухъ полюсахъ, что наше мыслящее существо замѣтитъ только тогда, когда выйдетъ достаточно далеко изъ мѣста своего жительства. Самый опытъ, посредствомъ котораго открыли выпуклость океанической поверхности, т. е. различный видъ корабля, который приближается къ берегу, и у котораго мы замѣчаемъ гораздо раньше верхъ мачты, чѣмъ самый кузовъ,—этотъ опытъ, нужно сказать, ничему не научилъ бы воображаемое нами существо. Достаточно, на самомъ дѣлѣ, и того, что предметы по мѣрѣ ихъ удаленія должны будутъ слѣжаться различными прежде чѣмъ выпуклость, (convexité) менѣе замѣтная вслѣдствіе несравненно большаго радіуса, будетъ въ состояніи проявить свое вліяніе.

Здѣсь дѣло идетъ о гипотезахъ болѣе или менѣе фантастичныхъ, но легко замѣтитъ, что аналогичная иллюзія можетъ встрѣтиться, и даже встрѣчается, въ дѣйствительности, въ основаніи нашихъ самыхъ обыкновенныхъ заключеній. Лучъ свѣта, кажуційся намъ примѣромъ прямолинейнаго разстоянія, слѣдуетъ по кривой, вслѣдствіе различной плотности атмосферическихъ слоевъ; вертикальная бываетъ отклонена притяженіемъ сосѣднихъ высотъ, также какъ и дѣйствіемъ земнаго вращенія; наконецъ, понятіе о горизонтальной плоскости, которое кажется столь ясно утвержденнымъ поверхностью спокойнаго водяного пространства, является результатомъ несовершенства нашихъ органовъ чувствъ, неспособныхъ опредѣлить на ограниченномъ пространствѣ кривизну этой поверхности, параллельной въ дѣйствительности океаническому сферонду.

Такимъ образомъ, понятія, полученные нами при посредствѣ нашихъ чувствъ, нуждаются въ провѣркѣ всевозможными способами. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что геометрія Евклида побѣдопосно выдержала всѣ испытанія. Какъ ни далеко проникли при возрастающемъ могуществѣ телескоповъ астрономическія наблюденія, никогда еще не могло быть констатировано малѣйшее нарушеніе законовъ, принятыхъ Евклидомъ. Ихъ эмпирическая достовѣр-

ность, такимъ образомъ, внѣ сомнѣнія, но этимъ еще не сказано, что они логически необходимы до такой степени, чтобы ихъ можно было налагать на творчество Всемогущаго, такъ какъ мы увидимъ, что даже простые смертные могли законно отъ нихъ освободиться.

§ 3. Не-евклидовскія геометріи.

Къ началу XIX-го вѣка, признавъ, что постулатъ параллельныхъ недоказуемъ, Лобачевскій спросилъ себя, что случилось бы, если бы онъ, отбросивъ этотъ принципъ, сохранилъ другія аксіомы Евклида. И вотъ онъ свободно предположилъ, что черезъ одну точку можно провести въ одной и той же плоскости безконечное число линий, неспособныхъ встрѣтиться съ данной прямой. Всѣ эти линии, названныя *нестыкущими*, образовали бы пучокъ, заключенный между двумя крайними линиями, и чѣмъ больше уголъ этихъ послѣднихъ, тѣмъ больше было бы удаленіе отъ геометріи Евклида, съ которой новая система сольется, если предположить этотъ уголъ, равнымъ нулю.

На первый взглядъ подобная мысль должна казаться совершенно фантастичной. Между тѣмъ вслѣдствіе того, что противоположное утвержденіе не можетъ быть доказано, не оказывается ничего, что должно было бы заставить его отвергнуть. На этомъ основаніи Лобачевскій построилъ свою доктрину, обозначенную сначала именемъ *Лангеометріи*, и въ развитіи которой онъ сумѣлъ избѣжать, какъ всякаго противорѣчія, такъ и нарушенія требованій логики. Характеристичной чертой этой системы (*de cette discipline*)—(лучше сказать этой безсистемности) (*de cette indiscipline*),—является положеніе, что сумма трехъ угловъ треугольника всегда *меньше двухъ прямыхъ угловъ*, тогда какъ въ геометріи Евклида эта сумма неизмѣнно равна двумъ прямымъ.

Немного позднѣе Риманъ, взявъ за основаніе прямо противоположное гипотезѣ своего предшественника, предположилъ, что черезъ точку нельзя провести *ни одной параллельной* къ данной прямой, и, сверхъ того, онъ отвергнулъ аксіому, по которой между двумя точками можно провести только одну прямую.

Безъ сомнѣнія, простое изложеніе подобныхъ предположеній способно произвести сбивчивое впечатлѣніе. Между

тѣмъ, если ихъ продумать, то будетъ видно, что они не представляютъ никакого абсурда. Дѣйствительно, вообразимъ себѣ шаръ. На его поверхности самымъ кратчайшимъ разстояніемъ между двумя точками является дуга большого круга, проходящая между этими двумя точками и называемая *геодезической* линіей шара. Вообще, всякая реальная поверхность обладаетъ своимъ особеннымъ типомъ геодезическихъ линій, т. е. линій кратчайшаго разстоянія, играющихъ на рассматриваемой поверхности роль тождественную съ той, которую выполняетъ прямая линія на плоскости. И нужно только, чтобы радіусъ кривизны этихъ поверхностей былъ очень великъ, чтобы при разсмотрѣніи геодезическая линія имѣла бы общую, достаточно длинную часть съ прямой линіей, что затруднило бы всякое практическое различіе.

Кромѣ того, на шарѣ двѣ дуги большой окружности неизбежно встрѣчаются въ двухъ діаметрально противоположныхъ точкахъ. Эти дуги *не могутъ, такимъ образомъ, никогда быть параллельными*. Такимъ образомъ, оправдывается логическая законность двухъ основныхъ предположеній Римана. Его пространство — *шаровое пространство*, но, если предположить, что радіусъ шара становится безконечнымъ, то мы снова возвратимся къ обыкновенной геометріи.

Только такимъ образомъ, не наталкиваясь ни на какое противорѣчіе, Риманъ могъ построить зданіе своей доктрины, гдѣ теоремы строго связываются другъ съ другомъ. Выдающимся фактомъ этой системы является то, что сумма угловъ треугольника *всегда больше суммы двухъ прямыхъ*, какъ, впрочемъ, это и признано для сферическихъ треугольниковъ обыкновенной геометріи.

Въ то время, какъ система Евклида является единичной въ своемъ родѣ и не позволяетъ подраздѣленій, въ системахъ Римана и Лобачевского существуетъ безконечное число вариаций, совокупность которыхъ и составляетъ въ общемъ то, что Мансъонъ называетъ *Метагеометріей*. Одной изъ вариаций римановской системы является то, что радіусъ шара можетъ измѣняться отъ нуля до безконечности, а вариация теоріи Лобачевского отличается тѣмъ, что значеніе угла отверстія въ пучкѣ не сѣкущихъ измѣняется отъ 0 до 180° .

Можно себѣ представить довольно нагляднымъ образомъ то отношеніе, которое связываетъ между собою три

разсматриваемая геометрія. Достаточно начертить прямоугольникъ Евклида, затѣмъ соединить его вершины сначала выпуклыми дугами, которыя въ общемъ образуютъ внѣшній криволинейный треугольникъ, соотвѣтствующій геометрії Римана, потомъ вогнутыми дугами, производящими внутри другой криволинейный треугольникъ, который представляетъ концепцію Лобачевского.

Чѣмъ же становится при такихъ условіяхъ понятіе *пространства*? Въ геометрії обыкновенной или имѣющей три измѣренія, ясно, что положеніе точки совершенно опредѣлено, если известны, такъ называемые *координаты* ея относительно трехъ осей, расходящихся отъ одной точки и расположенныхъ въ различныхъ плоскостяхъ. Эти три оси, взятыя попарно, играютъ ту же роль, какъ стѣны и полъ комнаты относительно одного угла ея, и, если провести изъ опредѣляемой точки три линіи, взаимно параллельныя осямъ, то известныя части этихъ линій, находящіяся между точкой и парными плоскостями, которыя онѣ встрѣчаютъ, безъ всякаго сомнѣнія опредѣляетъ положеніе точки.

Подобное опредѣленіе не имѣетъ смысла въ не-евклидовскихъ геометріяхъ, такъ какъ для одной не существуетъ понятія о параллельности, для другой же оно совершенно неопредѣленно. Нужно, слѣдовательно, что нибудь другое, чтобы опредѣлить положеніе точки, и этого можно достигнуть различнымъ путемъ.

Риманъ, исходя изъ общаго понятія величины, искалъ формулу, годную для опредѣленія линейнаго сегмента. Съ своей стороны, Тилли взялъ за точку отправленія понятіе разстоянія, или интервала между точками, и разсматривалъ его, какъ это сдѣлалъ и Коши, какъ неизмѣняемое понятіе, допуская, что кромѣ практическихъ способовъ и оцѣнки мѣрою, мы должны обладать первоначальной идеей двухъ интерваловъ, равныхъ или неравныхъ. Присоединяя къ этому мысль, что въ пространствѣ разстояніе будетъ постоянно измѣняться, что, наконецъ, это пространство должно быть однороднымъ, т. е. должно оставаться тождественнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, Тилли показалъ, что есть только три способа представить аналитически отношенія разстоянія.

Не трудно дать ясное представленіе о тѣхъ дедукціяхъ, которыя приводятъ къ этому результату.

Очевидно, что, если *три* точки находятся на одной прямой, имѣющей только *одно* измѣреніе, то между ихъ взаимными разстояніями существуетъ строгое отношеніе, такъ какъ разстояніе отъ 1-ой до 3-й должно равняться суммѣ интерваловъ 1-ой и 2-ой, 2-ой и 3-й точекъ. Подобнымъ же образомъ, обязательная связь существуетъ между шестью взаимными разстояніями *четыре*хъ точекъ, расположенныхъ на одной и той же плоскости, имѣющей два измѣренія, такъ какъ, если мы ихъ расположимъ четырехугольникомъ 1, 2, 3, 4, то разстояніями между 1-ой и 3-й и между 2-ой и 4-ой будутъ діагонали четырехугольника, которыя встрѣчаются въ одной точкѣ.

Такимъ образомъ, для разсматриваемыхъ предметовъ число точекъ, разстоянія которыхъ подчинены одному отношенію, превышаетъ на два число измѣреній предмета. Слѣдовательно, будетъ не удивительно, что въ пространствѣ съ *тремя* измѣреніями существуетъ обязательная связь между *десятью* взаимными разстояніями *пяти* точекъ. Эта связь указана въ 1773 году Лягранжемъ.

Хоть формула Лягранжа установлена для обыкновеннаго пространства, гдѣ понятіе кратчайшаго разстоянія сливается съ понятіемъ о прямой линіи, но она можетъ быть свободно объяснена соотвѣтственно двумъ различнымъ концепціямъ кратчайшаго разстоянія, изъ которыхъ одна будетъ принадлежать Риману, другая же Лобачевскому¹⁾. Но тогда каждая изъ этихъ формулъ будетъ содержать специальный *периметръ*, характеризующій родъ системы, и, если этотъ параметръ становится безконечнымъ, то снова возвращаются къ геометріи Евклида.

Тилли установилъ, что всѣ эти геометрическія истины могутъ быть приведены къ тремъ родамъ формулъ, происхожденіе которыхъ уже указано, и что если держаться установленныхъ первыхъ посылокъ, посылокъ неизмѣннаго разстоянія и однороднаго пространства, то никакая другая комбинація не возможна. Такимъ образомъ, это—непрерывная цѣпь, постепенно ведущая отъ системы Лобачевского къ

¹⁾ Впрочемъ, вторая отличается отъ первой только тѣмъ, что ея периметръ умноженъ на V^2-1 .

системъ Римана черезъ посредство системы Евклида. Следовательно, формулы, относящіяся къ расстояніямъ *пяти* точекъ, характеризуютъ неопредѣленный рядъ пространствъ, имѣющихъ *три* измѣренія, которымъ нормальное пространство Евклида служитъ общей связью ¹⁾.

Сверхъ того, во вниманіе къ аналитической формѣ этихъ отношеній разстоянія, пространства Римана могутъ быть названы *эллиптическими*, а пространства Лобачевского *гиперболическими*. Можно также, безъ особой неточности, называть первыя *выпуклыми*, а вторыя *вогнутыми*, сохраняя слово *плоскость* только для пространства Евклида.

А если число пяти точекъ является строго опредѣленнымъ для пространства Евклида, то оно таково-же и для другихъ, и нѣтъ ничего противорѣчиваго въ предположеніи, что обязательное отношеніе разстояній, сохраняя одну и ту же форму, можетъ простираться и на число точекъ, больше пяти. Алгебраически можно допустить это толкованіе даже для формулы евклидоваго пространства. Такимъ образомъ составляютъ характеристику для неопредѣленнаго ряда *гиперпространствъ Евклида, Римана или Лобачевского*, имѣющихъ болѣе трехъ измѣреній, и нужно сказать, что каждое изъ гиперболическихъ пространствъ имѣетъ измѣреній на два меньше, чѣмъ точекъ, между которыми существуетъ отношеніе разстояній, напр., *четыре* измѣренія при *шести* точкахъ, *пять* при *семи* и т. д.

Правда, эта идея пространствъ, имѣющихъ болѣе трехъ измѣреній, способна сбить съ толку того, кто слышитъ ее въ первый разъ. Потому то мы и находимъ полезнымъ, чтобы уменьшить ея странность, напомнить здѣсь нѣкоторыя элементарныя понятія, касающіяся геометрическаго представленія формулъ анализа.

Когда въ обыкновенномъ пространствѣ разсматривается площадь, гдѣ каждая точка должна быть опредѣлена относительно трехъ осей сравненія своими координатами, то известно, что эти координаты, разсматриваемыя, какъ измѣняемыя, не могутъ быть совершенно независимыми. Для того

¹⁾ Строгое изложеніе этихъ умозрѣній можно найти въ серіи брошюръ Маньсона, ученаго профессора Гентскаго университета. (Именно въ *Mathesis*, а также въ *Annales de la Societe Scientifique de Bruxelles*, за годы 1895, 96, 97 и 98).

чтобы точка, ими опредѣляемая, принадлежала въ дѣйствительности къ рассматриваемой плоскости, нужно, чтобы ихъ длины, обозначаемыя обычно черезъ x , y и z , были связаны между собою *уравненіемъ первой степени*, т. е. такимъ, гдѣ переменныя являются только въ первой степени. Въ этомъ отношеніи являются извѣстные постоянные термины, опредѣляющіе положеніе и направленіе данной плоскости.

Отсюда вытекаетъ, что всякое отношеніе первой степени между тремя переменными можетъ всегда быть рассматриваемо, какъ *уравненіе плоскости*, даже и когда оно является результатомъ наблюдений, гдѣ понятіе протяженности даже и не упоминается.

Напр., предположимъ, что для даннаго тѣла температура, гигрометрическое и электрическое состоянія связаны между собою уравненіемъ первой степени. Геометръ имѣетъ право сказать, что *функция*, соответствующая одновременнымъ измѣненіямъ этихъ трехъ факторовъ, можетъ быть представлена въ видѣ плоскости. Если встрѣчается отношеніе второй степени, то функция будетъ представлена поверхностью изъ рода эллипсоидовъ или гиперболоидовъ; и дѣйствительно, функции этого порядка рассматриваются физиками небезуспѣшно (*avec fruit*). Между тѣмъ, подобныя геометрическія переложенія формулъ не имѣютъ ничего общаго съ пространственными свойствами (*ies proprietes spatiales*) рассматриваемаго тѣла.

Итакъ, при простомъ расширеніи обыкновенныхъ концепцій протяженія можно условиться, что отношеніе *первой степени* между *четырьмя* независимыми переменными, будетъ называться уравненіемъ плоскости въ гиперъ-пространствѣ съ *четырьмя* измѣреніями; подобнымъ же образомъ, и отношеніе *второй степени* между *шестью* независимыми переменными можетъ быть названо уравненіемъ той же степени въ гиперъ-пространствѣ съ *шестью* измѣреніями, и было бы громадной потерей времени ломать голову надъ тѣмъ, какъ представленіе подобной поверхности могло бы быть реализовано.

Такимъ образомъ и слѣдуетъ понимать геометрическое переложеніе формулъ, устанавливающихъ обязательную связь между взаимными разстояніями числа точекъ, болѣе пяти.

Между тѣмъ, не нужно безусловно заключать, что въ гиперъ-пространствахъ все воображаемо, и что нѣтъ абсолютно никакой точки соприкосновенія между ними и дѣйствительностью).

Выдающіеся ученые выражали противныя мнѣнія, выставляя очень серьезные аргументы. Такъ, прямую линію можно разсматривать такимъ образомъ, что, если лучъ зрѣнія совпадаетъ съ ея направлениемъ, то она въ перспективѣ обратится въ точку. Точно также, если смотрѣть на всѣ точки плоскости съ известной точки зрѣнія, взятой на ней, то въ перспективѣ эта плоскость сведется къ прямой линіи. Наконецъ, какая угодно фигура съ двумя измѣреніями можетъ быть разсматриваема, какъ перспектива тѣла съ тремя измѣреніями. Вслѣдствіе этого, утверждаютъ, что геометръ въ пространствѣ съ тремя измѣреніями можетъ разсматривать тѣло, какъ перспективу функціи, зависящей отъ четырехъ переменныхъ и такъ далѣе и далѣе.

Однако, оставимъ въ сторонѣ темный вопросъ о гиперъ-пространствахъ и удовольствуемся разсматриваніемъ пространства съ тремя измѣреніями. Пространства, подчиненная концепціямъ Римана и Лобачевского, не составляютъ никоимъ образомъ простой игры ума. Геометры доказали, что существуютъ внутреннія отношенія между теоремами, касающимися ихъ, и теоремами Евклида.

Знатокъ согласны въ томъ, что введеніе этихъ наблюдений, какими бы странными они не казались, было полезно даже для обыкновенной геометріи. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя понятія получили интересный характеръ общности, а для другихъ была выведена очевидность, до тѣхъ поръ только предполагаемая. Наконецъ, Гельмгольцъ вывелъ, что, если гипотезы евклидовой геометріи являлись только законами движенія неизмѣнныхъ твердыхъ тѣлъ, то гипотезы другихъ системъ выражаютъ законы, которыми слѣдуютъ въ своемъ движеніи тѣла, безъ сомнѣнія, не существующія, но существованіе которыхъ можно предполагать безъ малѣйшаго противорѣчія. Онъ былъ даже близокъ къ тому, чтобы утверждать, что *можно создать подобныя тѣла, если этого захотѣть* ¹⁾.

¹⁾ Poincaré, Journal des Savants, 1902.

Какъ бы то ни было, здѣсь важно установить, что всѣ положенія метагеометріи логически пріемлемы, и, что, не образуя особаго міра, отъ котораго обыкновенная доктрина была бы отдѣлена пропастью, они, напротивъ, устанавливають два неопредѣленные слѣдствія, сливающимся въ геометріи Евклида.

То, что сейчасъ сказано, не очерчиваетъ, впрочемъ, ряда логическихъ заключеній, къ которымъ могутъ привести геометрическія концепціи. Прежде всего, Пуанкаре указалъ, что существуетъ геометрія двухъ измѣреній, являющаяся въ отношеніи къ геометріи Лобачевского тѣмъ же, чѣмъ служитъ гиперболюда съ одной плоскостью относительно гиперболюда съ двумя плоскостями. Между прочимъ, всѣ предыдущія системы согласны допустить аксіому Архимеда, или *постулатъ непрерывности* (*postulat de continuité*). Этотъ послѣдній казался столь необходимымъ, что его не упоминали, предполагая, что одна мысль обойтись безъ него, была бы невозможна.

Однако, недавній примѣръ Гильберта показалъ, что можно, не оскорбляя логики, вообразить себѣ геометріи *неархимедовскія*, откуда была бы исключена только послѣдняя аксіома. Въ то время, какъ концепціи Римана и Лобачевского, признавая качественное понятіе *геометрической непрерывности*, испровергали идеи, относящіяся къ измѣренію непрерывнаго пространства, неархимедовская геометрія разрушаетъ это понятіе и разсѣкаетъ непрерывное, чтобы ввести туда новые элементы. Мы можемъ составить себѣ понятіе объ этой геометріи, если узнаемъ, что въ этой системѣ, перенося на прямую непрерывный рядъ равныхъ сегментовъ, никогда, исходя изъ одного пункта, не удастся достигнуть до другого опредѣленнаго пункта, какъ бы велико ни было число сегментовъ!

Въ этомъ новомъ мірѣ только то существуетъ, что можетъ быть построено, исходя изъ двухъ данныхъ точекъ съ помощью линейки и циркуля.

Если, впрочемъ, припомнить какимъ образомъ понятіе цѣлаго было введено нашимъ разумомъ въ науку о пространствѣ, то, можетъ быть, концепція Гильберта, не будетъ считаться столь чуждою реальному міру, какъ это кажется.

§ 4. Общій взглядъ на геометрію.

Можно спросить: почему же геометрія евклидовскаго пространства вполне удовлетворяетъ всѣмъ практическимъ примѣненіямъ? По нашему мнѣнію, здѣсь можетъ быть только одинъ разумный мотивъ: именно, что міръ, въ которомъ мы обитаемъ, и составными частями котораго мы являемся, долженствовалъ быть созданнымъ по этому типу, предпочтительно предъ всѣми другими. Возразятъ ли намъ, что мы не имѣемъ права этого утверждать, и что это значитъ расширять безо всякаго основанія значеніе наблюденій, по необходимости ограниченныхъ? Придадутъ ли значеніе тому, что геометріи Римана и Лобачевскаго сведутся къ геометріи Евклида, когда периметръ каждой изъ нихъ станетъ безконечнымъ, и что поэтому можно будетъ допустить, что мы живемъ въ метагеометрическомъ мірѣ, параметръ котораго такъ близокъ къ безконечному, что будетъ невозможно замѣтить разницу? Это будетъ произвольная гипотеза, подобная которой всегда могутъ создавать умы, любящіе запутанности.

Если мы скажемъ имъ, что совершенный абсурдъ предполагать, что Создатель нѣкоторымъ образомъ забавлялся, чтобы сбить насъ съ пути, дѣлая выборъ сначала между Риманомъ и Лобачевскимъ, а затѣмъ высказываясь за какое нибудь изъ безконечныхъ периметрическихъ значеній, которыя Онъ свободно могъ выбирать, то они, безъ сомнѣнія, отвѣтятъ, что эти интуитивныя и почти сантиментальныя доводы не властны надъ ихъ логикой, такъ какъ правдоподобность одного значенія (*valeur*) для нихъ ни больше ни меньше, чѣмъ правдоподобность какого либо другого.

Что касается насъ, то намъ кажется достаточнымъ, что евклидовская концепція удовлетворяла до сихъ поръ всѣмъ нашимъ нуждамъ безъ исключенія и, что, какъ это удостоверялъ Лобачевскій, въ самыхъ большихъ астрономическихъ треугольникахъ, имѣющихъ стороною, прямо измѣримою, самую длинную линію, какую только можно реализовать, т. е. діаметръ земной орбиты, сумма ихъ угловъ представляла всегда по отношенію къ двумъ прямымъ угламъ лишь ту разницу, которая вытекала изъ ошибокъ наблюденія.

Если намъ и скажутъ, что геометрія Евклида не *истинна*, какъ и другія, что она только болѣе *удобна*, мы попробуемъ отвѣтить, что тѣмъ болѣе стоитъ ее поддерживать, что и индивидуальность человѣческаго существованія является концепціей нереальной (*une conception irréal*) и представляетъ только болѣе удобный способъ упорядоченія всѣхъ тѣхъ перцепцій, для которыхъ нашъ организмъ служить основаніемъ. Предоставимъ любителямъ тонкостей быть болѣе требовательными, если они этого хотятъ. Намъ же удовлетворяетъ и этотъ родъ реальности.

Правда, смѣлые новаторы не боятся объявлять человѣческую личность, какъ понятіе уже отжившее. Но, если эта теорія безпрестанно измѣняющагося бытія много помогаетъ должникамъ, позволяя имъ не признавать въ кредиторѣ, требующемъ долгъ, то прежнее лицо, отъ котораго они получили ссуду, то намъ должны извинить нежеланіе заимствовать что либо для себя изъ подобныхъ доктринъ.

Попробуемъ теперь резюмировать все это длинное и сухое разсужденіе.

Чтобы установить геометрическія истины, нашъ умъ анализируетъ ощущенія, возбуждаемыя въ насъ видомъ сотвореннаго міра и соприкосновеніемъ съ нимъ. Онъ извлекаетъ изъ нихъ рядъ понятій, болѣе и болѣе абстрактныхъ, но изъ которыхъ каждое, имѣя точкой отправленія концепцію совершенной и неизмѣняемой матеріи, идеализируетъ въ нихъ всѣ элементы во имя интуитивнаго понятія порядка, прибавляя къ нему понятіе безконечности. Связанная въ своей сущности съ наблюденіемъ случайныхъ фактовъ, геометрія измѣняетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ, слѣдуя требованіямъ нашего ума, который удовлетворяется только совершенствомъ. Даже, если мы не боимся быть обвиненными въ злоупотребленіи, вводя понятіе сверхъестественнаго въ ту область, гдѣ ему, кажется, нѣтъ мѣста, то мы охотно скажемъ, что геометрія *придаетъ характеръ сверхъестественности* (*supernaturalise*) понятіямъ, выведеннымъ изъ чувственныхъ фактовъ.

Между тѣмъ, она не теряетъ ни на одну минуту этихъ фактовъ изъ виду, и достаточно ея имени, свидѣтельствующаго объ ея земномъ происхожденіи, чтобы предохранить

ее отъ этой забывчивости. Если евклидовская доктрина такова, какова есть, то, съ одной стороны, это потому, что матеріальныя тѣла таковы, каковы они въ дѣйствительности, съ другой потому, что нашъ разумъ былъ созданъ по особенно благородному типу. Тотъ, Кто создалъ тѣла и умы людей, далъ этой геометріи право на существованіе (*sa raison d'être*). Но эти опредѣленія не имѣютъ важности для Него, какъ единственно необходимыя, и вещи могли бы быть распределены такъ, что совсѣмъ иная геометрія, хотя и не менѣе логичная, должна была бы вытекать изъ научнаго объясненія феноменовъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни произошли вещи, ихъ надо изслѣдовать при свѣтѣ тѣхъ же общихъ идей. Намъ кажется утѣшительнымъ, что въ началѣ математики сіяютъ, какъ коррективы идеѣ случайности, эти понятія порядка, совершенства идеала и безконечности, которыя мы должны, по нашему убѣжденію, найти у всякой науки, достойной своего назначенія.

Мы найдемъ ихъ даже въ тѣхъ трансцендентныхъ геометріяхъ, которыя въ теперешнее время претендуютъ разорвать всякую связь съ протяженностью, и которыя самыми названіями, которыя онѣ себѣ даютъ, именно *науки о множествахъ или совокупностяхъ и науки о порядкѣ или группахъ*, достаточно ясно показываютъ, какимъ общимъ принципомъ онѣ продолжаютъ вдохновляться. Но, если мы будемъ держаться на болѣе удобной почвѣ обыкновенной геометріи, мы признаемъ за этой послѣдней, кромѣ того, такое достоинство, которымъ не обладаетъ ни одна изъ другихъ наукъ въ той же степени: это достоинство мы называемъ *дисциплинированностью*. Своимъ безошибочнымъ методомъ доказательства, строгой связностью дедукцій, точностью языка, гдѣ никогда не бываетъ сомнѣнія относительно наиболее подходящаго слова, постояннымъ употребленіемъ такихъ оборотовъ, гдѣ шагъ за шагомъ можно прослѣдить развитіе идеи, не рискуя потерять изъ виду реальность, геометрія составляетъ для разума самую полезную дисциплину. Это—постоянная гимнастика, которая даетъ разуму прямолинейность и не позволяетъ ему никогда заблуждаться. Врагъ всякой приблизительности, какъ и фантазіи, уважа-

ющая традиція, освященная вѣками, она предлагаетъ оконченный образецъ кадра, при помощи котораго можно было бы упорядочить всѣ проявленія человѣческой дѣятельности, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно плодотворными.

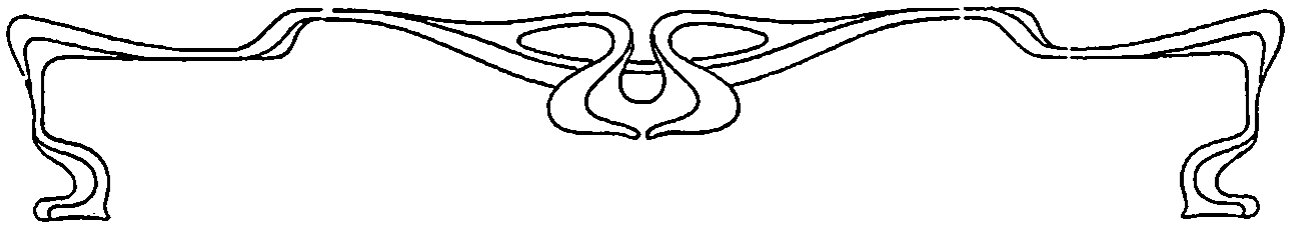
Важно громко объявить это въ нашу эпоху, когда понятія дисциплины подвергаются столь печальному помраченію. Если эта революція намѣрена прикрыться авторитетомъ науки, то, конечно, не въ геометріи найдетъ она доводы для своего оправданія.

Н. Ш. Ц.

(Продолженіе будетъ).

ХРИСТИАНСКАЯ ДОГМАТИКА

Dr. Г. Мартенсена,
епископа Зеландскаго въ Дании.

Переводъ съ нѣмецкаго авторизованнаго изданія.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Имя Мартенсена достаточно извѣстно русской публикѣ по его превосходной „Христианской этикѣ“, переведенной на русскій языкъ ¹⁾. „Христианская догматика“ Мартенсена, по признанію ученой критики, „безспорно лучшая реконструкція церковной догматики съ точки зрѣнія науки XIX вѣка“ (Landerer, Neueste Dogmengeschichte, S. 354). Можетъ быть, XX вѣкъ создастъ что-нибудь еще лучшее въ области догматики, но, пока этого нѣтъ, система Мартенсена больше другихъ руководствъ по этой наукѣ способна заинтересовать предметомъ, привлечь къ нему вниманіе не кабинетныхъ лишь ученыхъ, но и широкихъ круговъ общества. Эта догматика, можетъ быть прочитана съ захватывающимъ интересомъ каждымъ образованнымъ человѣкомъ и новичкомъ въ богословіи. На ней лежитъ та печать одушевленія и художественнаго творчества, которой по большей части лишены солидныя ученныя изслѣдованія и которыя автору удалось приложить къ предмету, повидимому, недопускающему въ свою область чего-либо существенно новаго и оригинальнаго. Если догматика Мартенсена до сихъ поръ не была переведена на русскій языкъ (сѣтованія на что намъ приходилось слышать отъ многихъ лицъ, интересующихся богословіемъ), то причиною этому было, можетъ быть, съ одной стороны опасеніе, что читателя не расположить къ книгѣ самый предметъ ея

¹⁾ „Христианское ученіе о нравственности въ изложеніи Г. Мартенсена“, перев. А. П. Лоухина, С.-Петербургъ, 1890 г., 2 тома.

—догматъ, на который привыкли смотрѣть, какъ на нечто окостенѣвшее и неподвижное, изслѣдованіе чего не обѣщаетъ новыхъ горизонтовъ для мысли:—съ другой стороны, причиною этому могло быть естественное недовѣріе православнаго читателя къ инославному освѣщенію истины вѣры (Мартенсенъ—протестантъ-евангелистъ). Но что касается перваго, то догматику Мартенсена скорѣе можно было бы назвать философіей христіанской вѣры, чѣмъ такимъ „самымъ пространнымъ катихизисомъ“, какимъ является большинство догматикъ.

Что-же касается второго, то Мартенсенъ очень удачно назвалъ свою книгу „Христіанской догматикой“. Нѣтъ богословія, которое бы стояло такъ вдали отъ вѣроисповѣдныхъ споровъ и различій, какъ книга Мартенсена. Протестанты, преклоняясь предъ этимъ богословіемъ, ставятъ ему въ вину именно нѣмцу нѣкоторымъ протестантскимъ догматамъ (напримѣръ, въ ученіи о невидимой церкви, о числѣ таинствъ ¹⁾). И нѣмца эта произошла именно въ сторону православія. Благодаря этому догматика Мартенсена ближе всѣхъ инославныхъ догматикъ къ православію. Она нашла благосклонный пріемъ и въ Римѣ, и въ Аѳинахъ.

До смерти автора (въ 1884 г.) она выдержала въ Даніи 4 изданія, въ Германіи 7 и переведена на французскій и англійскій языки. Между прочимъ—но выходя въ свѣтъ, „Догматика“ М. привела въ восторгъ шведскую поэтессу Фредеріку Бремеръ, выразившую автору письменно свое удовольствіе отъ чтенія его книги.

Но, конечно, какъ вѣроисповѣданіе автора, такъ и не первая свѣжесть работы, отдѣляющейся отъ нашего времени болѣе, чѣмъ полувѣкомъ, не могутъ нѣсколько не ронять научной цѣны настоящей книги. Въ виду перваго мы снабдили переводъ критическими примѣчаніями въ пунктахъ несовпаденія автора съ православной истиной. Въ виду второго—мы въ примѣчаніяхъ же по мѣстамъ воспоминаемъ Мартенсена лучшими выводами послѣдующей догматики, и именно иностранной, какъ мало знакомой русскому читателю.

¹⁾ См. предисловіе къ нѣмецкому изданію „Die christliche Dogmatik, dargestellt von Dr. H. Martensen“, Berlin, 1856, S. IV. Съ этого изданія и дѣлается настоящій переводъ, позднѣйшія изданія были простой перепечаткой этого.

Изданіемъ настоящей книги редакція „Вѣры и Разума“ несомнѣнно воспоминаетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ пробѣловъ русской богословской науки.

Біографическія свѣдѣнія о г. Мартенсенѣ: характеръ догматики его въ связи со всею литературною дѣятельностью.

Гансъ Лассенъ Мартенсенъ (Hans Lassen Martensen) родился 1808 г. во Фленсбургѣ, гдѣ его отецъ, родомъ изъ сѣвернаго Шлезвига, женился и служилъ шкиперомъ. Литературная дѣятельность отца, писавшаго на родномъ своемъ датскомъ языкѣ по части мореходства и торговли, заставила его переселиться въ Копенгагенъ, гдѣ Мартенсенъ окончилъ гимназію и университетъ по теологическому факультету въ 1832 году.

Образованіе свое М. продолжать велѣлъ затѣмъ двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Германіи и Парижѣ (на что получили правительственную стипендію), причѣмъ познакомился съ выдающимися учеными того времени—Марейнке, Штеффеномъ, Даубомъ, Шеллингомъ, Ваадеромъ и Штраусомъ (котораго онъ находилъ лучшимъ, чѣмъ вышедшая тогда его извѣстная „Жизнь Іисуса“). Особенно онъ сблизился съ поэтомъ Ленау и первая литературная работа М. было изслѣдованіе объ одномъ произведеніи этого поэта („Faust“, въ 1836 г.). По возвращеніи въ Копенгагенъ М. въ 1837 г. защитилъ диссертацию на приватъ-доцента богословскаго факультета, въ которомъ сталъ съ 1838 г. лекторомъ, а съ 1840 г. профессоромъ. Онъ читалъ систематическое богословіе, въ составъ котораго входили догматика, этика, символика и исторія повѣйшей философіи попутно съ объясненіемъ отдѣльныхъ новозавѣтныхъ писаній. Лекціи его были захватывающаго интереса и собирали около его кафедры не только учащееся юношество, но и пожилыхъ людей высшаго образованія. Въ 1840 году онъ получилъ степень доктора богословія отъ Кильскаго университета. Въ 1845 году ему къ профессурѣ прибавили должность придворнаго проповѣдника. По смерти въ 1854 г. тогдашняго Зеландскаго епископа, М. занялъ его мѣсто, хотя король и министерство въ которое время колебались между М. и его старшимъ коллегой, безызвѣстнымъ профессоромъ и національ-либеральнымъ дѣятелемъ Клаузеномъ. Консерваторъ по убѣжденіямъ, М. однако

своимъ административнымъ тактомъ приобрѣлъ уваженіе всѣхъ партій и много сдѣлалъ для вышшняго огражденія и внутренняго созиданія современной ему датской церкви, которою правилъ 30 лѣтъ. Многосложныя обязанности епископа не прекратили его литературной дѣятельности, которая приняла теперь болѣе церковно-публицистическій характеръ. За 1½ года до смерти, почувствовавъ упадокъ силъ, онъ сталъ хлопотать объ отставкѣ, черезъ нѣсколько дней по полученіи которой, 3 февраля 1884 г., умеръ.

Мартенсенъ говоритъ въ автобіографіи („Изъ моей жизни, 1883—1884 г.), что онъ еще въ школьные годы изъ чтенія Штеффена вынесъ „убѣжденіе, что возможно міропониманіе и жизнепониманіе, въ которомъ все имѣющее значеніе въ области бытія: природа и духъ, природа и исторія, поэзія, искусство и философія гармонически объединялись бы въ одинъ храмъ духа и въ этомъ храмѣ христіанство заняло бы средоточный, надъ всѣмъ господствующій и все объясняющій пунктъ“. Цѣлью его богословія было показать, какъ всѣ сферы бытія находятъ только во Христѣ свое духовное объясненіе. Вѣра во Христа основывается не только на Писаніи или преданіи, но христіанство въ нашей мысли само доказываетъ свою исключительную истинность, свою способность разрѣшить глубочайшія загадки бытія. Поэтому нельзя останавливаться на буквѣ христіанства, но должно воспринять въ свою мысль всю полноту идей, изъ которыхъ исходятъ слова Писанія. Такое пониманіе христіанства внушено Мартенсену суммой различныхъ ученыхъ вліяній, иногда противоположныхъ. Такъ неотразимое впечатлѣніе на М. произвелъ Шеллингъ, котораго онъ лично видѣлъ и много говорилъ съ нимъ въ бытность Шеллинга, въ Копенгагенѣ въ 1833 г.; но отдавая должное глубокой мистикѣ и стройной богословской архитектоникѣ Шеллинга, М. не одобрялъ его субъективизма. Въ этомъ отношеніи прекраснымъ дополненіемъ къ этому философу и поправкой къ его системѣ являлась для М. философія Гегеля, нравившаяся ему прежде всего своимъ объективизмомъ и стремленіемъ доказать внутреннюю необходимость нѣкоторыхъ христіанскихъ догматовъ, но и въ Гегелѣ М. не одобрялъ отсутствія теоміи (идеи божественнаго законодательства) и признанія философіи высшей формой мысли по сравненію съ религіей. Но

едва ли не болѣе или прямѣ этихъ двухъ мыслителей вліялъ на М—а Баадеръ, у котораго онъ закончилъ свое студенческое образованіе. Баадеръ настаивалъ на томъ, что философія должна быть въ противоположность автономическимъ системамъ новѣйшаго времени религіозной философіей: только кто лично переживаетъ религію, можетъ философствовать надъ ней: не идея, но самъ Богъ, личный Богъ, принятый въ вѣрующаго субъекта, есть принципъ познанія. Отсюда былъ прямой шагъ къ мысли М., что христіанство представляетъ изъ себя для вѣрующаго сознанія объективную, саму по себѣ значимую, цѣнную истину.

Основы этого воззрѣнія высказаны М—омъ уже въ его диссертациі (на лат. яз.): „Къ автономіи человѣческаго самосознанія, введенной въ догматическое богословіе нашего времени“. Здѣсь доказывается, что философія стоитъ не вышѣ или выше религіи, какъ будто спекулятивная мысль могла бы обосновать религію, но спекулятивное мышленіе само необходимо нуждается въ религіи, въ богооткровеніи, какъ своемъ принципѣ. Ибо въ области совѣсти, этомъ настоящемъ зернѣ религіи, человѣкъ сознаетъ себя какъ такого, который не столько самъ первоначально знаетъ о Богѣ, сколько Богъ ранѣе его знаетъ. Посему человѣческое познаніе и должно остаться такимъ навсегда и познавать внутри этой данной въ совѣсти зависимости, а слѣд., духъ человѣка своими силами не можетъ найти истину. Но человѣкъ не можетъ непосредственно поставить самъ себя на теоцентрическую точку зрѣнія, ибо этимъ онъ отрицалъ бы свою сотворенность и грѣховность. Возрожденіе и вѣра въ данное откровеніе составляютъ необходимое условіе для полученія правильнаго взгляда на божественныя и человѣческія отношенія. *Credo, ut intelligam.*

Эта гносеологическая теорія М—а и легла въ основаніе его „Христіанской догматики“, первое изданіе которой явилось въ 1849 г., а всѣ послѣдующія изданія, какъ то имѣло мѣсто и съ другими сочиненіями М—а, были неизмѣнной перепечаткой перваго. Изложенная теорія здѣсь получила дальнѣйшее развитіе или скорѣе—только раскрытіе. Христіански возрожденное сознаніе должно быть въ состояніи отъ собственныхъ глубинъ воспроизвести научно содержаніе христіанства, ибо единство вѣры и сознанія принципиально дано

въ правильно понятомъ ученіи о „свидѣтельствѣ Духа Св.“ (testimonium Spiritus sancti): христіанская идея истины насаждена въ христіанствѣ такъ, какъ она наша себя выраженіе въ еѣ въ Писаніи и церковномъ ученіи. Вѣдѣніемъ средствомъ для построенія такой догматики М. считаетъ постоянное взаимодействіе мысленія съ Писаніемъ и церковнымъ ученіемъ; онъ не хочетъ возвѣщать новое ученіе, но обновить и помолодить старое церковное ученіе.

Къ указанному спекулятивному элементу въ богословіи М. приводитъ значительно мистическій и тесофическій элементы.

Последнимъ М. обязанъ Бизарру, котораго онъ игнорировалъ еще студентомъ, и Шеллингу. Съ особенною силой мистика М. выступаетъ въ его большой „Этикѣ“ („Христіанская этика“, 3 тома, (1871—1878 г.), гдѣ сначала до конца чувствуется внутренняя освоенность автора съ мистическими переживаніями, особенно же въ среднемъ томѣ (индивидуальная этика). Въ „Догматикѣ“ такъ звучатъ мѣста объ участіи природы и универса въ обновленіи и завершеніи духа: Христосъ—новый Адамъ и Его пришествіе имѣеть не только духовное и моральное, но и глубочайшее космическое значеніе: чудо—начинающееся и развивающееся прославленіе природы; таинства суть таинства (мистеріи) и природы,—въ частности евхаристія—пища для будущаго тѣла воскресенія. Крайности въ этомъ отношеніи представляетъ ученіе о промежуточныхъ тѣлахъ (по смерти) и мѣстопробываніи душъ.

Существеннымъ дополненіемъ къ „Догматикѣ“ М. являются два его позднѣйшія сочиненія. Въ полемическомъ сочиненіи о вѣрѣ и знаніи (1867 г.) устанавливается отношеніе между логическимъ, физическимъ и этическимъ понятіемъ о Богѣ; въ первомъ Богъ понимается какъ идея идей, какъ чистая мысль; во второмъ какъ сила, принципъ природы; но собственное существо Бога—воля, ибо Онъ—этическая личность; въ этическомъ понятіи Бога содержатся, какъ моменты, и знаніе, и воля: Богъ есть столько же идея идей, какъ и принципъ природы; Богъ природы свободенъ, но не безприроденъ; въ Богѣ должна быть природа (φύσις), полнота силъ и дѣятельныхъ потенцій. Въ другомъ сочиненіи „Як. Бѣме“ (1881 г.) М. различаетъ между природою въ Богѣ (которую мы знаемъ изъ прежняго сочиненія его) и славобъ

Божію или несозданнымъ небомъ, неприступнымъ свѣтомъ, въ которомъ вѣчно живетъ тріединный Богъ.

Кромѣ указанныхъ 4-хъ сочиненій, капитальнѣйшія между которыми „Догматика“ и „Этика“, М—у принадлежатъ рядъ другихъ, лучшее между которыми—краткая „Этика“ („Очеркъ по системѣ моральной философіи“ 1841 г.).—Затѣмъ слѣдуетъ рядъ полемическихъ сочиненій, начавшихся опроверженіемъ баптизма (1843 г.), противъ котораго М. доказывалъ, что крещеніе по его существу всегда есть крещеніе дѣтей.—Мартенсеново пониманіе отношенія между вѣрою и знаніемъ, христіанствомъ и спекуляціей нашло горячаго и остроумнаго противника въ Э. Киркегордѣ, который рядомъ статей и сочиненій (1843—1851 г.) доказывалъ, что христіанство и спекуляція совершенно разнородныя вещи, что христіанство абсурдъ и парадоксъ, въ которомъ нужно вѣрить вопреки разуму, что оно требуетъ безконечнаго личнаго страданія. Но выходъ въ свѣтъ Догматики М—а. кругъ учениковъ К. началъ противъ нея горячую полемику. Воздемъ этой полемики сталъ проф. Нильсенъ, бывшій ранѣе горячимъ приверженцемъ Мартенсена, а потомъ всю жизнь не перестававшій писать противъ него. Нильсенъ вооружался и вообще противъ богословія, видя въ немъ непониманіе существа и метода науки: тогда какъ всѣ науки основываются на объективной и рациональной почвѣ, богословіе строится на субъективныхъ предположеніяхъ вѣры. М. на постоянныя нападенія Н—а отвѣчалъ только изрѣдка сначала въ „Догматическихъ объясненіяхъ“ 1850 г., а затѣмъ въ вышеприведенной книгѣ „Вѣра и Наука“. Въ этой полемикѣ со стороны М. замѣчательнъ спокойный тонъ. Менѣе же существенныя возраженія противъ своей системы М. и вовсе оставлялъ безъ отвѣта, хотя они звучали иногда оскорбительно для него, какъ епископа; таковы были нападки Киркегорда на государственную церковь, какъ на институтъ лицемерія и извращеніе христіанства. Между полемическими сочиненіями М. есть два небольшія сочиненія (1856—1857 г.) противъ высказаннаго однимъ молодымъ писателемъ, кандидатомъ священства, мнѣнія, что благодатное дѣйствіе таинства зависитъ отъ вѣры совершителя.

М. былъ и плодовитымъ проповѣдникомъ, къ чему впрочемъ обязывала его должность (придворнаго проповѣдника), какъ и епископскія ревизіи и посвященія. Онъ оставилъ послѣ себя 8 томовъ проповѣдей и 3 тома рѣчей при посвященіи. Взглядъ М. на проповѣдничество былъ очень высокій: проповѣдь—величайшее и благороднѣйшее произведеніе, къ какому только способенъ человѣческій духъ, выше поэзіи и всякаго произведенія мысли, поскольку она дѣло всей личности человѣка.

Всюду въ проповѣдяхъ М.—а новыя точки зрѣнія на текстъ Св. Писанія, новое освѣщеніе старыхъ истинъ. Проповѣди свои М. направлялъ главнымъ образомъ образованному обществу, будучи того мнѣнія, что „образование—высшая сила въ человѣческомъ обществѣ и что поэтому проповѣдникъ, который можетъ подчинить своему вліянію образованные классы, овладѣваетъ важнѣйшею частью человѣческаго общества, которая въ состояніи оказать вліяніе и на другіе слои общества.

Длинный списокъ сочиненій Мартенсена, наконецъ, дополняется собраніемъ его писемъ, изданныхъ послѣ его смерти. Сюда принадлежитъ „Переписка М. съ I. A. Dørgen'омъ“ (2 тома, изд. въ Берлинѣ на нѣм. яз. 1888 г.), обнимающая болѣе 40 лѣтъ (1839—1881) и переписка его съ O. Таубомъ, епископомъ Виборгскимъ, обнимающая болѣе 20 лѣтъ. Тамъ и здѣсь М. говоритъ по всемъ богословскимъ, церковнымъ, политическимъ и социальнымъ вопросамъ, возбуждавшимся въ то время.

(По *Madsen'sy* „Martensen“ въ *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche, Hauck*, B. 12, Leipz. 1903, s. 373—379).

Предисловіе автора къ нѣмецкому изданію „Догматики“ 1856 г.

Хотя появившіяся въ Килѣ безъ вѣдома автора переводъ этой догматики сдѣланъ видимо специалистомъ и во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названъ удачнымъ, но онъ заключаетъ значительное количество вліяющихъ на смыслъ ошибокъ, возникшихъ отъ недостаточнаго знанія датскаго языка. Я поэтому не счелъ себя вправѣ отказать отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія самому сдѣлать нѣмецкое

изданіе моеі догматики, особенно въ виду того, что я при этомъ могъ пользоваться большою свободою, чѣмъ какая допускается для простаго переводчика. Только за настоящее изданіе отвѣчаетъ самъ авторъ.

Для дополненій, которыя во многихъ мѣстахъ повлекли бы за собою и передѣлку разъ данной формы и вида книги, многосложныя работы по моей новой должности не оставляли мнѣ времени. Такъ къ недостаткамъ этой догматики принадлежитъ, что она не входитъ въ разсмотрѣніе првнгианства. Хотя въ этомъ явленіи должно признать несомнѣнно, величавое заблужденіе, экстатическую эмансипацію христіанской надежды, миражное отраженіе эсхатологической церкви, но првнгианство заключаетъ такъ много вѣрныхъ точекъ зрѣнія на глубины божественнаго слова, на времена начала и конца, столько элементовъ для вѣрнаго сужденія о значеніяхъ этого времени, что онъ имѣлъ бы право на болѣе полное критическое обсужденіе въ ученіи о церкви¹⁾. Для такой научной оцѣнки ближайшіи матеріалы представятся, когда появится продолженіе „Исторіи христіанской церкви въ древности“ Тирма и обнаружится, возможно ли стало и какъ этому изслѣдователю его „Исторію апостольскаго вѣка“ продолжить и на слѣдующіе ближайшіе вѣка. Вообще можно охотно признать за указанной книгой вѣяніе духа первобытной апостольской церкви, времени первой любви, которая въ ней намъ живо доказана, какъ вообще въ сочиненіяхъ благороднаго автора можно признать плодотворные зародыши новаго богословскаго развитія, если не слѣдовать за нимъ до того, гдѣ онъ порываетъ съ реформаціей.

Я исполняю свою прямую обязанность, свидѣтельствуя благодарность за благосклонный пріемъ, который нѣмецкіе богословы оказали этой книгѣ и который я вижу тамъ, гдѣ она встрѣтила не только одобреніе, но и возраженіе. Относительно одного пункта критики, касающагося основнаго направленія книги, умѣстно здѣсь будетъ нѣкоторое разъясненіе.

---

¹⁾ Взглядъ М. на првнгианство и при этихъ ограниченіяхъ слишкомъ высокъ и основывается, вѣроятно, только на самосвидѣтельствахъ секты о себѣ и своихъ откровеніяхъ. Дальнѣйшее изученіе секты обнаружило въ ней просто большую мистику, въ родѣ русской хлыстовщины.

Съ различныхъ сторонъ, и со стороны богослововъ моего отечества, выставлялось противъ этой догматики то возраженіе, что она заключаетъ элементы, не соединимые съ практической природой протестантства. Грѣхъ и искупленіе, какъ и связанное съ ними дѣло спасенія, составляютъ въ евангелической церкви основныя все опредѣляющіе собою пункты и догматика, заключающая столько объективныхъ и спекулятивныхъ элементовъ, дающая такое большое мѣсто ученію о Троицѣ и Логосѣ, не выдерживаетъ протестантской точки зрѣнія. Очевидно это возраженіе касается—если его вообще можно назвать относящимся къ дѣлу, не только этой догматики, но и дѣлаго направленія въ евангелическомъ богословіи.

Чтобы судить объ отношеніи какой-либо догматики къ протестантизму, недостаточно взять протестантское ученіе, какъ разъ навсегда законченное, но необходимо остановиться на пунктѣ, съ котораго догматическая продуктивность протестантизма беретъ свое начало, и знать принципы, который направлятъ эту продуктивность. Реформація не хотѣла образовывать особенной церкви, но хотѣла очистить святую всеобщую церковь отъ заблужденій, помрачившихъ съ теченіемъ времени ея настоящій видъ. Она хотѣла не субъективнаго лишь христіанства, но и вседенскаго, первобытно-католическаго христіанства, почему она обращалась не только къ апостольскому преданію въ Св. Писаніи, но вообще къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, церковныя свидѣтельства которыхъ носили слѣды первоначальной чистоты и свѣжести новой жизни. Было-ли вполнѣ проведено это возвращеніе къ первоначальному христіанству въ XVI вѣкѣ? Достигло ли протестантское ученіе полной каѳоличности такъ, чтобы всѣ моменты христіанской вѣры *равномерно* были оживлены и возобновлены? Естественно было, что ближайшимъ образомъ должно было найти здѣсь выраженіе сознанія искупленія, не только потому, что это сознаніе въ христіанской религіозности есть сердцевиный пунктъ, но и потому, что реформація должна была выступить главнымъ образомъ противъ римской церкви, которая болѣе и болѣе принимала характеръ извращеннаго іудейства, болѣе и болѣе сходила съ вѣрнаго пути спасенія и становилась законническою церковью. Посему естественно было, что протестантское ученіе при своемъ первомъ появленіи должно было принять Павловъ типъ,

преимущественно типъ посланій къ Римлянамъ и Галатамъ, что оправданіе вѣрою и связанные съ этимъ моменты дѣла спасенія стали средоточнымъ пунктомъ. Но можемъ ли мы сказать, что ученіе чрезъ это получило полную каѳоличность? Ясно, что, хотя реформація не отвергла ни одного члена въ содержаніи христіанскаго откровенія, а скорѣе—стремилась къ болѣе полному усвоенію его, тѣмъ не менѣе существенные моменты въ содержаніи этого откровенія были приняты просто какъ традиціонное наслѣдіе, не получивъ настоящаго возобновленія въ духѣ. Впрочемъ съ особою силою выступило не только сознаніе искупленія, но и сознаніе откровенія, когда, напр., были споры не только относительно дѣйствія таинства, но и относительно существа ихъ, относительно объективнаго присутствія Христа. Но сознаніе откровенія отнюдь не развивается равномерно съ сознаніемъ искупленія. Если сравнить протестантскую догматику съ догматическимъ сознаніемъ первыхъ, именно трехъ первыхъ вѣковъ христіанства, то обнаружится здѣсь большое различіе. Мы видимъ, что отцы трехъ первыхъ вѣковъ, какъ и учителя реформаціоннаго времени, живутъ и дышутъ въ искупленіи; но мы совсѣмъ не видимъ, чтобы первые съ такою же тщательностью рефлексировали надъ состояніями искупленнаго; ихъ рефлексія вращается не всегда около оправданія вѣрою, они не вдаются въ тонкій, психологическій анализъ дѣла спасенія, подвига покаянія и обращенія, освященія и таинственнаго соединенія съ Богомъ. Напротивъ, мы видимъ, что другой кругъ догматовъ составляетъ особенность того періода, видимъ, что напр., у Иринея, наиболѣе значительнаго представителя того періода, мысль углубляется въ великую истину воплощенія Слова и связанное съ нею ученіе о Троицѣ, о связи тайны творенія съ воплощеніемъ, о присутствіи Господа въ таинствахъ, о воскресеніи плоти и завершеніи всего. Тѣ древніе учителя чувствуютъ тяготѣніе преимущественно къ Іоанновымъ писаніямъ и именно изъ антигностическихъ свидѣтельствъ въ нихъ о воплотившемся Словѣ; между Павловыми посланіями они чувствуютъ влеченіе преимущественно къ посланіямъ къ Ефессеямъ и Колоссянамъ съ ихъ великими идеями о космическомъ значеніи Христа; а реформаціонное время совершенно не можетъ использовать съ подобною плодотворностью эти посланія.

Тѣ древніе учителя углублялись, далѣе, въ эсхатологическія рѣчи Господа, въ апокалиптическіе отдѣлы Павловскихъ посланій и въ Апокалипсисъ Іоанна, оказавшіе на ихъ кругъ мыслей плодотворное вліяніе, чего никакъ нельзя видѣть въ такой же степени у протестантскихъ учителей. Ибо кто станетъ отрицать, что ученіе о послѣднихъ предметахъ принадлежитъ къ слабѣйшимъ, наименѣе раскрытымъ пунктамъ протестантскаго ученія?

Если мы обратимъ вниманіе на это различіе,—а каждое болѣе глубокое историческое изслѣдованіе въ этой области было направлено только къ тому, чтобы освѣтить это различіе,—то мы вовсе не станемъ думать, что намъ нельзя устранять и іоты изъ того, что приобрѣтено реформацией, что мы должны развивать Павло-Августиновское направленіе. Какъ увѣренно мы признаемъ, что задача реформации была церковно-универсальная, а наше неповѣданіе признаемъ совершеннѣйшимъ, такъ какъ оно наименѣе выражаетъ всемірское христіанство, съ такою увѣренностью должно это стремленіе въ церковной универсальности, къ истинной католичности выражаться и въ догматикѣ. Поэтому, если выразить въ церковно-исторической формѣ задачу догматики, то, по моему мнѣнію, ее можно полагать не въ томъ только, чтобы въ соотвѣтственномъ нынѣшнимъ потребностямъ церкви видѣ воспроизводить *сознаніе искупленія* въ реформационное время, какъ именно и понималъ задачу догматики Шлейермахеръ, но и въ томъ, чтобы воспроизводить въ новомъ видѣ *сознаніе откровенія* въ первые вѣка, содержаніе котораго реформационнымъ временемъ болѣею частью принималось только традиціонно, или скорѣе *то и другое научно рекапитулировать въ высшемъ синтезѣ*, синтезѣ, который затѣмъ будетъ рекапитулировать и вѣрное въ догматикѣ среднихъ вѣковъ. Догматика, которая не ставитъ въ наше время такой задачи, но ограничивается тѣмъ, чтобы воспроизводить августиновскій элементъ протестантизма, не стоитъ на пути прогресса и обнаруживаетъ недостатокъ пониманія нынѣшнихъ нуждъ церкви. Нельзя, конечно, сказать, чтобы это время въ высокой степени нуждалось въ острой соли августинизма. Церковь евангелія должна бороться не только съ пелагיאнизмомъ жизни, но и съ пелагיאнизмомъ мысли, который сказывается какъ міровая сила

въ деистическихъ, пантеистическихъ, атеистическихъ и материалистическихъ взглядахъ, гибельное господство которыхъ получило еще болѣе твердую почву чрезъ наступившее въ послѣдніе годы полное равнодушіе ко всякой философіи.

Но требующееся теперь расширение протестантскаго сознанія такъ далеко отъ того, чтобы противорѣчить принципу реформациі, что это расширение можно разсматривать скорѣе только какъ выполненіе основной мысли реформациі и стоитъ въ полномъ согласіи съ чисто реформаторскимъ требованіемъ—ни одного члена христіанской вѣры не оставлять въ качествѣ только преданнаго и вѣшняго наслѣдія. Отрадное явленіе въ этомъ отношеніи составляетъ изслѣдованіе „о нѣмецкомъ богословіи и его задачахъ въ настоящее время“ въ недавно появившихся „Ежегодникахъ для нѣмецкаго богословія“, гдѣ эта мысль основательно развивается, причемъ приводятся слова стараго Еттингера, что евангелическая церковь и ея догматика слишкомъ ужъ держалась только дѣла спасенія и представила послѣдующему изслѣдованію еще столько сокровищъ Писанія, въ каковой статьѣ сказано и нѣсколько заслуживающихъ серьезнаго вниманія словъ противъ „неюношескаго и духовно-вялаго отчаянія и сомнѣнія въ доступности истины, что такъ легко сводится къ рутинѣ, когда довольствуются тѣмъ, если только есть нѣчто, что имѣетъ значеніе истины“. Кое-что, конечно, можно сказать и противъ односторонняго интеллектуализма въ богословіи, который разрываетъ съ жизнью христіанской души и христіанскимъ освященіемъ. Но также мало, какъ и въ этомъ одностороннемъ интеллектуализмѣ.

Пусть же эта книга въ доступной для нея мѣрѣ содѣйствуетъ тому, чтобы *приготовить дорогу* для богословія, задача котораго, хотя и далекая еще отъ разрѣшенія, не меньше, какъ такая: научно законченный синтезъ христіанскаго сознанія искупленія и христіанскаго сознанія откровенія, раскрытіе полноты богатства, которое еще по многимъ сторонамъ скрыто въ принципѣ реформациі ¹⁾.

Г. Мартенсенъ.

Копенгагенъ, въ сентябрѣ 1856.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мартенсенъ, какъ видно изъ этого предисловія, ясно сознаетъ односторонность протестантизма, но конечно боится порвать съ нимъ совсѣмъ.

Психологическія данныя въ вопросѣ о миссіонерской тактикѣ.

Когда въ цвѣточный горшокъ посажено растеніе, то корни его, извлекая изъ почвы необходимыя растенію питательныя вещества, какъ тѣ, которыя имѣются уже въ почвѣ, такъ и вновь поступающія въ нее, оставляютъ нетрогнутыми тѣ элементы почвы, которые для питанія растенія не пригодны. Если количество питательныхъ веществъ, заключающихся въ почвѣ, сравнить съ количествомъ элементовъ, непригодныхъ для питанія растенія, то первыя составятъ лишь самый незначительный процентъ. Нужныя и пригодныя для питанія растенія вещества разсѣяны въ почвѣ, которая сама служитъ лишь суррогатомъ, лишь средой для разсѣянія въ ней питательныхъ веществъ. Казалось бы поэтому, что если бы можно было искусственнымъ образомъ снабдить корни растенія потребнымъ количествомъ питательныхъ веществъ безъ примѣси суррогатовъ, то растеніе было бы поставлено въ наилучшія условія относительно питанія: тогда корешкамъ растенія не было бы надобности развѣтвляться на милліоны вѣточекъ въ поискахъ пищи. Однако же, на практикѣ этотъ выводъ не оправдывается: посадите любое растеніе, въ чистый навозъ и оно зачахнетъ, не смотря на то, что пищи въ навозѣ сколько угодно. Точно также обстоитъ дѣло съ питаніемъ животныхъ и человѣка. И здѣсь вмѣстѣ съ питательными веществами, поступающими въ желудокъ животнаго и усвояемыми его организмомъ, поступаетъ масса суррогатовъ, повидимому совершенно

излишнихъ, для организма не нужныхъ. Но опять только повидимому, а на самомъ дѣлѣ, если бы вздумали кормить животное только эссенціей питательныхъ веществъ, безъ примѣси суррогатовъ, то результатъ получился бы, вѣроятно, печальный. Наука не умѣетъ объяснить этого явленія, но фактъ таковъ, суррогаты пищи необходимы, какъ для растенія, такъ и для животнаго.

Отъ этихъ физическихъ и физиологическихъ явленій перейдемъ въ область психической жизни, психическихъ явленій. Спросимъ: въ области психической не можемъ ли наблюдать фактовъ и явленій, аналогичныхъ упомянутымъ выше физиологическимъ явленіямъ?

Предположимъ, что мы желали бы внушить ребенку идею о томъ, что для успешности какой-либо совместной работы необходимо, чтобы работа шла по опредѣленному плану, чтобы всѣ участники работы дѣйствовали согласно и т. д. Можно напередъ сказать, что наши старанія останутся почти безуспѣшными, если мы предложимъ ребенку эту идею въ томъ видѣ, въ какомъ я ее изложилъ, т. е., именно только въ видѣ эссенціи. Иной результатъ получится, если вы начнете говорить ребенку, примѣрно, такъ: однажды лебедь, ракъ, да щука взялись везти возъ съ поклажей. Не тяжела была поклажа, да бѣда въ томъ, что лебедь рвется въ облака и т. д. Если для насъ важно внушить ребенку именно идею о необходимости согласія при совместной работѣ, то вѣдь повѣсть о лебедѣ, ракѣ и щукѣ—это суррогатъ; но безъ него вы не обойдетесь. При посредствѣ этого суррогата вы заставите работать и фантазію ребенка, которая такимъ образомъ придетъ на помощь еще не окрѣпшему разуму дитяти.

Возьмемъ другой примѣръ. Вы хотите сообщить ребенку понятіе о разстояніи земли отъ солнца. Вы можете ему сказать, что между землею и солнцемъ 20 мил. миль. Ребенокъ замѣтитъ эту цифру, но будетъ ли имѣть представленіе о разстояніи? Цифра—20 мил. миль почти ничего не будетъ говорить его уму. Иное дѣло, если вы приступите къ дѣлу такъ. „Что ты, Миша или Ваня, сталъ бы дѣлать, можете вы спросить ребенка, если бы вдругъ замѣтилъ, что на солнцѣ кто-нибудь наводитъ пушку, чтобы выстрѣлить

въ тебя?“ „Я бы отскочилъ въ сторону“, по всей вѣроятности, отвѣтитъ ребенокъ. „Совсѣмъ не нужно тебѣ этого дѣлать, скажите вы ему. Ты можешь спокойно лечь спать у себя въ комнатѣ и снова встать на другой день, прожить спокойно до совершеннолѣтія, выучиться торговлѣ, достигнуть моего возраста,—тогда только пушечное ядро начнетъ къ намъ приближаться и намъ нужно будетъ отскочить. Итакъ, видишь, какъ велико разстояніе отъ земли до солнца?“ Разскажь о воображаемомъ пушечномъ выстрѣлѣ съ солнца—что это, какъ не суррогатъ понятія о разстояніи между солнцемъ и землею? Скажете ли вы, что суррогатъ этотъ въ данномъ случаѣ вещь излишняя?

Извѣстно, что изъ всѣхъ отдѣловъ Закона Божія, какіе преподаются въ школахъ, самый трудный для дѣтей, самый скучный для нихъ—катихизисъ. Если не ошибаюсь, это потому, что въ катихизисѣ мы имѣемъ одну только эссенцію христіанскаго вѣро-и нравоученія. И потому-то законоучителю то и дѣло приходится разбавлять эту эссенцію разнаго рода суррогатами, чтобы сдѣлать ее удобоваримой для дѣтей.

Иное дѣло евангельская исторія. Тутъ самъ Христосъ даетъ намъ примѣръ и образецъ того, какъ, преподавая ту или другую истину, мы должны приспособляться къ психології слушателя, какъ ту или иную идею облекать въ соответствующее одѣяніе, которое необходимо не для самой идеи, а для слушателя. Ближнимъ своимъ ты долженъ считать всякаго человѣка—вотъ идея въ ея чистомъ видѣ. Посмотрите теперь, въ какомъ одѣяніи является эта идея въ извѣстной притчѣ Христовой. Тутъ вы видите несчастнаго израненаго еврея видите участливое отношеніе иноплеменника самарянина къ раненому, видите въ рукахъ этого иноплеменника масло и вино, видите въ своемъ воображеніи слезы благодарности на глазахъ несчастнаго, котораго не можетъ не тронуть любовь иноплеменника, послѣ того, какъ свои, близкіе только взглянули на раненаго и отошли. Все это только лишь суррогаты, ничего по существу не прибавляющіе къ идеѣ, но они необходимы, чтобы идея могла найти доступъ въ сердце.

Позвольте привести еще одинъ примѣръ для иллюстраціи защищаемаго мною положенія.

Въ Германіи въ настоящее время пользуется извѣстностію, какъ проповѣдникъ и писатель Бременскій пасторъ Оттонъ Функе. И вотъ какіе приемы проповѣди встрѣчаются у него на каждомъ шагу. Функе беретъ темой проповѣди идею о томъ, что, изучая природу, можно найти въ ней свидѣтельство о Творцѣ ея, при условіи, что мы ищемъ этого свидѣтельства не однимъ лишь холоднымъ разсудкомъ, но любящимъ сердцемъ. Посмотрите, какъ проповѣдникъ подходитъ къ этой идеѣ. Въ моемъ кабинетѣ, говоритъ онъ, на письменномъ столѣ въ рамкѣ стоитъ рисунокъ. На немъ изображено маленькое деревцо и въ вѣтвяхъ его птичье гнѣздышко; кругомъ нѣсколько порхающихъ птичекъ. Вотъ и все содержаніе рисунка. При этомъ нельзя сказать, чтобы исполненіе было безъ погрѣшностей. И всякій посторонній человѣкъ, глядя на рисунокъ, удивится, зачѣмъ я держу его на своемъ письменномъ столѣ. Всякій посторонній человекъ увидитъ на картинкѣ деревцо, птичекъ и гнѣздышко и только. Я же самъ вижу и это, но вижу и нѣчто другое, что для меня гораздо дороже. Дѣло въ томъ, что рисунокъ этотъ сдѣланъ рукою моею маленькой дочери, которая учится въ другомъ городѣ и которая прислала мнѣ рисунокъ своей работы, чтобы порадовать меня, отца, за которымъ скучаетъ дочь, живя вдали отъ него, и который самъ скучаетъ безъ дочери. Глядя на рисунокъ, я вижу мою дѣвочку, которая, склонивъ головку надъ листикомъ бумажки, старательно чертитъ карандашомъ вѣтки дерева и порхающихъ птичекъ; вижу безпокойство, тревогу на ея личикѣ, когда она замѣчаетъ какую либо ошибку въ своей работѣ; вижу, далѣе, радостную улыбку, когда рисунокъ оконченъ; слышу, наконецъ, ея радостное восклицаніе: „ну теперь готово! то-то порадуетъ папа!“ Вотъ что вижу и слышу я, отецъ, глядя на незатѣйливый рисунокъ. Такъ, продолжаетъ проповѣдникъ, и ученый естествоиспытатель, если изучаетъ природу только лишь холоднымъ разсудкомъ, то увидитъ въ ней мертвыя механическія силы и ничего больше; ни телескопами, ни микроскопами Бога въ природѣ нельзя найти; Его можно найти только любящимъ сердцемъ. Скажете ли вы, что суррогатъ, какимъ пользуется здѣсь проповѣдникъ, раскрывая идею, вещь ненужная, излишняя?

Подобно этому и въ томъ случаѣ, когда мы желаемъ сообщить кому-нибудь цѣлый циклъ новыхъ, непривычныхъ для него идей, цѣлое новое міровоззрѣніе, мы должны подготовить для новаго міровоззрѣнія почву въ томъ психическомъ содержаніи, какое есть на лицо у того лица, съ которымъ мы имѣемъ дѣло; должны поставить дѣло такъ чтобы новое міровоззрѣніе могло войти въ связь съ имѣющимися уже на лицо понятіями, взглядами, воззрѣніями; даже не только съ теоретическими воззрѣніями, но и съ чувствованіями и потребностями. Только лишь то, что стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ новымъ міровоззрѣніемъ, какое вы желаете проповѣдывать, вы должны постепенно ослабить и устранить; а, наоборотъ, все другое, какъ въ теоретической, такъ и практической области, съ чѣмъ можно связать новое міровоззрѣніе, вы должны поддерживать и укрѣпить, чтобы оно послужило почвой, въ которую вы посадите ваше новое растение, ваше новое міровоззрѣніе.

Когда въ XVII столѣтіи въ Юго-Западную Россію проникли іезуиты, то цѣль ихъ была, какъ извѣстно, проповѣдь католицизма. Но посмотрите, какъ они взялись за дѣло. Вѣдь не прямо съ этой проповѣди начали. Нѣтъ, они открыли школы, организовали ихъ наилучшимъ образомъ, дали лучшихъ учителей, начали обучать русское юношество языкамъ, математикѣ и вообще свѣтскимъ наукамъ, расчищая въ то же время почву для уніи съ Римомъ, которая должна была быть переходной ступенью къ католицизму. Іезуиты съумѣли зарекомендовать себя, сдѣлаться нужными и полезными, а потомъ имъ уже легко было достигнуть при помощи школы —этого суррогата въ данномъ случаѣ—и своей главной цѣли —насажденія католицизма.

Въ прошломъ году вышелъ сборникъ разсказовъ о нашихъ русскихъ православныхъ миссіонерахъ въ Алтаѣ. Помню одинъ случай—подвигъ одного молодого миссіонера, только что прибывшаго къ мѣсту своей дѣятельности. Осенняя стужа. Бурная рѣка волнуется. По ней идутъ крыги льда. Смеркаетъ. На берегу рѣки мечется кричить, ломая руки, старикъ-рыболовъ, видя своего сына по срединѣ рѣки тонущаго, дѣлающаго отчаянныя усилія въ борьбѣ съ дикими свирѣпыми волнами. Но эту сцену застаётъ молодой миссіонеръ,

только что сюда прибывшій. Не долго думая, онъ снимаетъ съ себя платье и бросается на помощь утопающему. Послѣ невѣроятныхъ усилій ему удалось спасти утопающаго, хотя самъ схватилъ смертельную простуду. „Скажи, что заставило тебя спасать моего сына?“ спрашиваетъ старикъ миссіонера, уже лежащаго на одрѣ смертельной болѣзни. „Мой Богъ повелѣлъ мнѣ такъ дѣлать“, отвѣтилъ умирающій. Этого было достаточно, чтобы старика и его семейство сдѣлать христіанами. Не было другой проповѣди, не было диспутовъ о вѣрѣ¹⁾. Былъ только подвигъ любви со стороны миссіонера и онъ побѣдилъ.

И современный католическій, или протестантскій миссіонеръ, являясь къ дикарямъ Африки, или Полинезіи, не начинаетъ своего дѣла прямо съ диспутовъ о вѣрѣ. Нѣтъ, онъ открываетъ больничку и начинаетъ лечить больныхъ, школу для дѣтей дикарей, обучаетъ взрослыхъ ремесламъ, знакомитъ ихъ съ благами и преимуществами культурной жизни европейцевъ и т. д. Словомъ, сперва онъ старается сдѣлаться нужнымъ и полезнымъ для туземцевъ-дикарей, старается пріобрѣсти ихъ довѣріе и показать превосходство знанія, науки, культуры предъ невѣжествомъ и дикостью. Только потомъ, расчистивъ такимъ образомъ почву, миссіонеръ приступаетъ къ главной своей цѣли. Путь будто-бы слишкомъ окольный... Однако же, именно такимъ путемъ скорѣе всего и вѣрнѣе можно придти къ цѣли, какъ это видно изъ многочисленныхъ опытовъ.

Послѣ манифеста 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости у насъ, какъ извѣстно, слишкомъ усилилась иновѣрная пропаганда и, какъ результатъ этого, участились отпаденія отъ православія. Само собою разумѣется, и православное духовенство обратило особое вниманіе на внутреннюю миссію, на защиту православнаго населенія отъ совращенія въ иновѣріе. Во многихъ епархіяхъ стали заботиться объ усиленіи штата миссіонеровъ, о распространеніи противосектантской литературы, Св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы законоучители народныхъ школъ на урокахъ Закона Божія старались выяснять дѣтямъ тѣ мѣста Св. Писанія,

1) Диспуты о вѣрѣ были раньше, но они не достигли цѣли.

которыя искажаются сектантами и т. п. Противъ всѣхъ такихъ мѣръ, разумѣется, ничего нельзя сказать. Но мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на иной путь миссіонерской дѣятельности, путь, на который, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія.

Я думаю, что каждый приходскій священникъ—миссіонеръ въ своемъ приходѣ, и мнѣ казалось бы, что первымъ дѣломъ священника, являющагося въ приходѣ, должно бы было быть сближеніе съ прихожанами на почвѣ понятныхъ имъ и имѣющихъ для нихъ существенное значеніе интересовъ экономическихъ, матеріальныхъ. Если прихожане—земледѣльцы, священникъ также долженъ стать земледѣльцемъ и идти въ этомъ отношеніи впереди своихъ прихожанъ; онъ долженъ для этого пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія для того, чтобы быть именно руководителемъ, чтобы внести въ это дѣло возможные улучшения, чтобы сдѣлаться нужнымъ и полезнымъ членомъ приходской общины. Если прихожане—ремесленники, священникъ долженъ умѣть и тутъ вмѣшаться въ дѣло и вмѣшаться именно такъ, чтобы видна была польза такого вмѣшательства: онъ долженъ умѣть во время, изъ первыхъ рукъ пріобрѣсти сырой матеріалъ для производства, найти мѣсто наивыгоднѣйшаго сбыта продуктовъ, организовать обученіе ремеслу въ школѣ и т. п. Если главное занятіе прихожанъ—отхожіи промыслы, священникъ долженъ организовать нѣчто въ родѣ справочнаго бюро, гдѣ можно было бы навести справки о спросѣ на рабочія руки, о цѣнахъ и проч. И вотъ тогда, когда прихожане увидятъ, что священникъ живетъ для нихъ, безкорыстно заботится объ ихъ интересахъ, что къ нему можно обратиться за совѣтомъ и указаніями, что на его совѣтъ можно положиться,—тогда, думается мнѣ, никакіе волки, расхищающіе словесныхъ овецъ, не будутъ страшны, тогда слово священника будетъ авторитетнымъ, независимо отъ того, красно ли онъ говоритъ, или нѣтъ, отъ писанія ли, или отъ себя лично. Всѣ такія заботы священника объ экономическихъ интересахъ населенія—лишь вспомогательное средство для достиженія главной цѣли, лишь суррогатъ, но пригодность этого средства едва ли подлежитъ сомнѣнію.

О томъ, что интеллигенція наша откололась не только

отъ Церкви, но и отъ Христа, объ этомъ говорить не приходится: слишкомъ это фактъ общеизвѣстный. Съ этимъ фактомъ всѣ какъ-то ужъ свыклись, такъ что рѣдко когда и говорятъ о борьбѣ съ этимъ зломъ. Да и трудно тутъ предпринять какія-либо дѣйствительныя мѣры. Обстоятельства тутъ складываются въ высшей степени неблагоприятно: такъ какъ интеллигентные родители по большей части люди безрелигіозные, или индифферентные, то въ домашнемъ воспитаніи на религіозное чувство дитяти вниманія не обращаютъ; въ школѣ зачастую объ этомъ заботится одинъ законоучитель, тогда какъ остальная педагогическая семья только въ лучшемъ случаѣ не мѣшаетъ дѣлу; прибавьте сюда громадное вліяніе на дѣтскій умъ безбожной литературы, столь распространенной въ наши дни, вліяніе старшихъ братьевъ-студентовъ,—и не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что рѣдкій гимназистъ пятаго-шестого класса не боится показаться человѣкомъ вѣрующимъ: засмѣютъ вѣдь товарищи. Положеніе дѣла въ высшей степени печальное...

Однако же, не можемъ же мы махнуть рукой на отколовшихся отъ церкви. Не можемъ оправдывать себя въ данномъ случаѣ тѣмъ, что все равно—молъ ничего тутъ не подѣлаешь. Проповѣдей нашихъ интеллигенція не слушаетъ, журналовъ духовныхъ и въ руки не беретъ. Какъ-же дескать иначе подойти къ ней? Положеніе трудное,—что и говорить. Ну, а все-таки работать надо и тутъ, и при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Проповѣдей интеллигенція не слушаетъ. Правда. Духовныхъ журналовъ нашихъ не читаютъ. И это правда. Но опять-таки и тутъ мы сами виноваты: писать мы не умѣемъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, открываешь иной разъ книжку журнала, академическаго журнала, и видишь заголовки статей: Взглядъ отца нашего (имя рекъ) на сущность еаворскаго свѣта, Элементы гностицизма въ ереси докетовъ, Синодикъ XV вѣка такого-то монастыря, какъ историческій памятникъ, и прочее въ этомъ родѣ. Извольте-ка подсунуть подобнаго рода статью нашему интеллигенту! Что онъ вамъ запоетъ? А вѣдь сколько есть самыхъ животрепещущихъ, самыхъ жизненныхъ вопросовъ, волнующихъ общество, поднимающихъ иногда цѣлую бурю

въ свѣтской журналистикѣ! А мы въ это время занимаемся вопросомъ о сущности ваворскаго свѣта! Я не обвиняю поголовно всю духовную журналистику въ этомъ игнорированіи современности; есть, конечно, исключенія, но ихъ слишкомъ мало, по моему. Проповѣдникъ или писатель, если желаетъ, чтобы его слушали, долженъ непременно считаться съ психологическимъ закономъ аннерценціи, непременно долженъ начинать съ того, чѣмъ, какими интересами живетъ въ данное время общество. Онъ долженъ быть въ курсѣ всѣхъ общественныхъ теченій—философскихъ, литературныхъ, социальнo-политическихъ и т. д. Онъ долженъ своевременно прочитатъ и дать себѣ отчетъ и о „Санинѣ“, и объ „Анатэмѣ“, и о Бальмонтѣ, Саллюстіѣ и т. д. Не въ правѣ онъ пройти мимо всего этого, потому что въ данную минуту этимъ живетъ общество.

Затѣмъ дайте. Думается мнѣ, что мы слишкомъ мало придаемъ значенія тому, что я называю суррогатомъ въ проповѣди, или литературной статьѣ. Наша рѣчь, болышею частію, логически стройна, выводы строго слѣдуютъ изъ посылокъ, посылки достаточно обоснованы; но оживляющаго элемента въ ней или мало, или совсѣмъ нѣтъ. Отъ этого она скучна, отъ этого слушатели зѣваютъ. Этого не должно быть. Посмотрите, какъ увлекательно ведетъ рѣчь какой-нибудь бойкій фельетонистъ! Возьмите хоть извѣстнаго Григорія Петрова. У него въ публицистической статьѣ, или фельетонѣ самое зерно, самая суть, идея статьи занимаетъ всего лишь полдесятка-десятокъ строкъ, все остальное—увлекательныя, живыя картины быта, нравовъ, природы, картины, которыя читаешь съ наслажденіемъ, которыя вызываютъ извѣстное, желательное автору настроеніе читателя, готовятъ его къ воспріятію идеи, которая и высказывается лишь тогда, когда настроеніе уже вызвано, когда почва подготовлена. Въ этомъ тайна его успѣха. Вѣдь не глубиной же мысли, не обширностію эрудиціи увлекаетъ онъ читателей. Вѣдь и на войнѣ иной разъ нужна бываетъ тяжелая артиллерія, а другой разъ легкая конница, или пѣхота; и тамъ, гдѣ съ успѣхомъ можетъ сдѣлать дѣло конница, тамъ подъ часъ артиллерія и завязнетъ въ какихъ-либо тѣснинахъ. Вѣдь и Златоустъ и Василій Великій не были чужды въ своихъ про-

повѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ пріемовъ, оживляющихъ рѣчь, и они приобѣгали къ картинамъ, образамъ, сценамъ, взятымъ изъ жизни. И наши лучшіе проповѣдники также не чуждались этихъ суррогатовъ. Помню изъ рѣчи блаженной памяти архіепископа Никанора одно мѣсто, которое привожу по памяти. Преосвященный только что воротился изъ Петербурга и дѣлится съ Одесской паствой впечатлѣніями отъ поѣздки. „Разъ утромъ, говоритъ онъ, подхожу я къ окну своей комнаты и гляжу на улицу, гдѣ только-что начала пробуждаться суетливая петербургская жизнь. Гляжу и глазамъ не вѣрю... Зову келейника: Иванъ, поди сюда! Смотри, говорю. Что ты видишь? И мы оба наблюдаемъ такую сцену: женщина, повидимому, интеллигентная, выйдя изъ воротъ противоположнаго дома, собираясь идти на базаръ, начинаетъ набожно креститься, глядя на церковь. Эта сцена меня очень порадовала. Я понялъ, что въ этомъ суетливомъ городѣ еще не совсѣмъ умерла, еще жива религіозная потребность, религіозное чувство, оно сохранилось въ глубинѣ души, не смотря на эту житейскую сутолоку, которая, повидимому, такъ далека отъ религіи“. Повторяю, я не припомню этого мѣста буквально, но суть дѣла въ этомъ. И я думаю, что подобнаго рода живыя картины должны производить впечатлѣніе на слушателей. Мы, большинство изъ насъ, такъ не только не говоримъ, но многіе изъ насъ, пожалуй, скажутъ, что въ церковной проповѣди подобный языкъ и несумѣстенъ. Однажды я самъ получилъ замѣчаніе отъ благочиннаго за то, что въ проповѣди позволилъ себѣ привести картинку, заимствованную у Тургенева. Вотъ она, эта картинка. „На грязи, на воючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ,—слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа. Она была въ безпамятствѣ, и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ,—поочередно поднимались со своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка. Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ, о ней освѣдомлялись даже

сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волоочились, ... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась.

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы. Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастья, не вѣдала и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась, и вся, пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдавалась на служеніе ближнимъ". Я привелъ эту картинку, какъ примѣръ истинно-христіанскаго самопожертвованія. Я говорилъ съ увлеченіемъ. Я чувствовалъ при этомъ, какъ у меня самого морозъ пробѣгалъ по кожѣ; я видѣлъ, какъ стояли, разинувъ рты, ловя каждый звукъ, даже тѣ, кто пришелъ въ церковь только изъ любопытства, ... и тѣмъ не менѣе мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе.

Вотъ на что хотѣлъ я обратить вниманіе. А затѣмъ я бы предложилъ еще одинъ проектъ, быть можетъ, слишкомъ смѣлый, слишкомъ фантастичный...

Когда я говорилъ о томъ, что проповѣдникъ, или писатель, желающій, чтобы его слушали, долженъ быть въ курсѣ современныхъ ему общественныхъ теченій, я признавалъ, что это слишкомъ строгое требованіе, даже для священника городского, даже для священника съ высшимъ образованіемъ. Но допустимъ, что священникъ—человѣкъ высоко образованный, допустимъ, что онъ достаточно знакомъ съ тѣми научными дисциплинами, на которыхъ невѣрующіе основываютъ главнымъ образомъ свои нападки на религію. И вотъ даже въ этомъ случаѣ заговорилъ онъ о какой-нибудь морфологій, эмбриологій и т. д., его тотчасъ и оборвутъ,—скажутъ: позвольте, батюшка, вы вѣдь не специалистъ по этой части. Это соображеніе мнѣ приходило въ голову, когда я обдумывалъ свой проектъ. Затѣмъ я обратилъ вниманіе на слѣдующіе факты. Въ послѣднее время въ обществѣ замѣтно усиленное стремленіе къ образованію: гимназій и прогимназій, мужскія и женскія, реальныя и коммерческія училища открываются не только въ уѣздныхъ городахъ, но даже въ мѣстечкахъ, даже въ большихъ селахъ; на учителей и учительницъ спросъ очень большой и ихъ не хватаетъ. Вотъ что мы имѣемъ съ одной стороны.

Съ другой стороны, у насъ есть масса семинаристовъ, которые бѣгутъ отъ духовнаго званія и стремятся въ университеты, куда ихъ не хотятъ принимать.

Представимъ себѣ теперь, что Св. Синодъ для лучшихъ семинаристовъ, не имѣющихъ призванія къ священству, открылъ бы свой, если не университетъ, то хотя-бы одинъ историко-филологическій факультетъ при академіи для подготовки учителей средней школы. Если, что само собою разумѣется, профессорами будутъ приглашены лучшія силы, если семинаристы будутъ приниматься въ это высшее учебное заведеніе только отборные, то черезъ четыре-пять лѣтъ получится контингентъ преподавателей средней школы, которыхъ будутъ брать на расхватъ. Этотъ контингентъ преподавателей будетъ постоянно расти. Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ преподавательскимъ персоналомъ нашихъ среднихъ школъ, знаетъ, какое убожество встрѣчается между ними теперь; а что будетъ дальше, когда выйдутъ изъ университетовъ юноши, окончившіе гимназію въ дни освободительнаго движенія, объ этомъ и подумать страшно. Не ясно ли, что отборнымъ семинаристамъ, получившимъ затѣмъ серьезную научную подготовку въ специальномъ учебномъ заведеніи, не трудно будетъ занять въ школѣ выдающееся положеніе, не трудно будетъ приобрести авторитетъ въ глазахъ учащихся и учащихся. И для этого не нужно будетъ никакихъ особыхъ стараній и усилій: знанія, талантъ, дарованія сами собою скажутся. При такихъ условіяхъ два-три человѣка могутъ перестроить на свой ладъ цѣлое учебное заведеніе, измѣнить его духъ и характеръ, внушить уваженіе къ знанію, любовь къ труду, воспитать чувство долга, законности, преклоненіе предъ дѣйствительными, и не мнимыми авторитетами; а главное, эти два—три человѣка явятся сотрудниками законоучителя въ дѣлѣ христіанизаціи школы, ибо вѣдь само собою разумѣется, въ синодальное высшее учебное заведеніе будутъ попадать изъ семинаріи молодые люди только по выбору, только такіе, на которыхъ вполне можно положиться, люди съ твердыми религіозными и нравственными убѣжденіями.

Вотъ о чемъ такъ пріятно намъ помечтать... Это пока. А потомъ мы пошли бы и дальше. Почему, напр., не быть

цѣлому университету В. П. И? Вѣдь тогда постепенно у насъ образовалась бы цѣлая армія сотрудниковъ въ дѣлѣ христіанизаціи интеллигентнаго общества! И что особенно важно, человѣку, прошедшему чрезъ высшую школу, нельзя было бы уже сказать, какъ теперь говорятъ священнику: батюшка, вы не специалистъ въ области біологій, фізіологій и т. д. Почему бы, далѣе, не быть высшимъ женскимъ курсамъ, спеціально для спаржіалокъ?

Но объ этомъ въ другой разъ.

Священникъ Н. Тинскій.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

1 Января

1910 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.

I.

Епархіальныя извѣщенія.

I. Обь опредѣленіи на церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Іоанно-Богословской церкви, слободы Большихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, Николай *Измайловъ*, опредѣленъ 16 декабря 1909 г. на священническое мѣсто при Покровской церкви, слоб. Ободовъ, Сумскаго уѣзда.

б) Окончившій курсъ Духовной Семиваріи, состоявшій псаломщикомъ при Харьковской Вознесенской церкви, Николай *Инноковъ* опредѣленъ 28 декабря 1909 г. на священническое мѣсто при Василіевской церкви, села Зарожнаго, Зміевскаго уѣзда.

в) Діаконъ-псаломщикъ Николаевской церкви, села Яковенкова, Зміевскаго уѣзда, Василій *Инноковъ*, опредѣленъ 22 декабря 1909 года на діаконское мѣсто при Іоанно-Богословской церкви, слоб. Большихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда.

г) Сынъ діакона Александръ *Базилевичъ* опредѣленъ 16 декабря 1909 г. и. д. псаломщика къ Іоанно-Предтеченской церкви, села Сиѣжкова-Кута, Валковскаго уѣзда.

д) Сынъ псаломщика Петръ *Колядинъ* опредѣленъ 21 декабря 1909 года и. д. псаломщика къ Александро-Невской церкви, села Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.

е) Безмѣстный и. д. псаломщика Стефанъ *Христіановскій* опредѣленъ 21 декабря 1909 г. къ Успенской церкви, села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.

ж) Сынъ заштатнаго псаломщика Симеонъ *Фолминъ* опредѣленъ 29 декабря 1909 г. и. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви, села Васильевскаго, Купянскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Василіевской церкви, села Зарожнаго, Зміевского уѣзда, Іоаннъ *Василевскій*, перемѣщенъ 28 декабря 1909 г. на священническое мѣсто при Покровской церкви, слоб. Маякъ, Изюмского уѣзда.

б) Псаломщикъ Александро-Невской церкви, гор. Харькова, Павелъ *Мурашко*, перемѣщенъ 22 декабря 1909 г. на псаломщическое мѣсто при Харьковской Пантелеймоновской церкви съ рукоположеніемъ въ санъ діакона.

в) П. д. псаломщика Александро-Невской церкви, села Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда, Иванъ *Шеллигоновъ*, перемѣщенъ 21 декабря 1909 г. и. д. псаломщика къ Николаевской церкви, слоб. Ново-Николаевки, Купянскаго уѣзда.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Покровской церкви, слоб. Маякъ, Изюмскаго уѣзда, Григорій *Понировскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 28 декабря 1909 г.

4. О смерти духовенства.

а) Священникъ Дмитріевской церкви, слоб. Бишкина, Лебединскаго уѣзда, Михаилъ *Венгеровскій* умеръ 22 декабря 1909 г.

б) Священникъ церкви села Хорошева, Харьков. уѣзда, Михаилъ *Рубинскій* умеръ 4 января 1909 г.

в) Псаломщикъ Троицкой церкви, слоб. Ново-Росоши, Старобѣльскаго уѣзда, Симеонъ *Жуковскій* умеръ 24 декабря 1909 г.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Архангело-Михайловской церкви, слоб. Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 20 декабря 1909 г. старостою крест. Симеонъ *Добротковъ*.

б) Къ Успенской церкви, слоб. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 20 декабря старостою крест. Михаилъ *Коржъ*.

в) Къ Рождество-Богородичной церкви, села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 22 декабря старостою крестьянинъ Евфимій *Хомуленко*.

г) Къ Соборно-Преображенской церкви, гор. Валокъ, утвержденъ 28 декабря 1909 г. старостою почетный гражданинъ Симеонъ *Кузьминовъ*.

д) Къ Преображенской церкви, гор. Ахтырки, утвержденъ 29 декабря 1909 г. старостою купецъ *Феодоръ Гоженко*.

е) Къ Покровской церкви, слоб. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 29 декабря старостою крест. Георгій *Лоза*.

ж) Къ Архидіаконо-Стефаніевской церкви, села Бѣлянскаго, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 28 декабря 1909 г. старостою крест. Иванъ *Ржавскій*.

з) Къ Архангело-Михайловской церкви, сл. Верхняго Бишкина, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 4 января 1910 г. старостою крест. Петръ *Лактіоновъ*.

н) Къ Іоанно-Предтеченской церкви, села Пашкова, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 3 января 1910 г. старостою крест. Игнатій *Склярѳъ*.

і) Къ Успенской церкви, села Гудимовки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 4 января старостою запасной штабсъ-ротмистръ Сергій *Сбитневъ*.

к) Къ Григоріевской церкви, слоб. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 3 января 1910 года старостою крестьянинъ Семень *Пучковъ*.

6. О производствѣ въ чины.

а) Высочайшимъ Приказомъ отъ 19 октября 1909 г. за № 72 надзиратель Харьковскаго духовнаго училища *Чистосердовъ* утвержденъ за выслугу лѣтъ въ чинъ коллежскаго секретаря со старшинствомъ 8 марта 1899 г.

б) Высочайшимъ Приказомъ отъ 29 октября 1909 г. за № 74 произведены за выслугу лѣтъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры учителя второ-классныхъ школъ Харьковской епархіи: Ворожбянской—*Калмыжскій*, со старшинствомъ съ 1 апрѣля 1908 г., Сватово-Луцкой—*Чернявскій*, со старшинствомъ съ 1 августа 1908 года и Больше-Писаревской—*Поповъ*, со старшинствомъ съ 15 іюля 1908 года.

7. Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Николаевской церкви, слоб. Калмыковки, Старобѣльскаго уѣзда, Иванъ *Войтовъ*, утвержденъ въ должности псаломщика 9 декабря 1909 года.

б) И. д. псаломщика Георгіевской церкви, слоб. Мосьянковой, Зміевскаго уѣзда, Іосифъ *Тарануха* утвержденъ 9 декабря 1909 г. въ должности псаломщика.

в) И. д. псаломщика Христорождественской церкви, слоб. Верхняго-Салтова, Волчанскаго уѣзда, Григорій *Ходаковскій*, утвержденъ 9 декабря 1909 г. въ должности псаломщика.

8. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ церкви слоб. Верхняго-Салтова, Волчанскаго уѣзда, Іоаннъ *Панкратьевъ* назначенъ 21 декабря 1909 года депутатомъ 1 окр. того-же уѣзда, вмѣсто уволеннаго отъ сей должности, согласно прошенію, священника Василя *Пасадкина*.

б) И. д. благочиннаго 4 округа Харьковскаго уѣзда, священникъ Димитрій *Иванецкій* утвержденъ въ должности благочиннаго 28 декабря 1909 года.

9. Вакантныя мѣста.

а) священническія:

- При Благовѣщенск. церкви, села Богуславскаго, Изюм. уѣзда.
 — Димитріевской церкви, с. Блишкина, Лебед. уѣзда.
 — Воскресенской церкви, с. Хорошева, Харьков. уѣзда.

б) діаконскія:

При Преображенской церкви, на мѣсть чудеснаго событія 17 октября 1888 года.

и в) псаломщицкія:

- При Александрo-Невской церкви, с. Татарки, Харьк. уѣзда.
 — Димитріевской церкви, сл. Моначиновки, Купянск. уѣзда.
 — Димитріевской церкви, сл. Степковки, Сумскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, села Яковенкова, Зміевск. уѣзда.
 — Троицкой церкви, сл. Ново-Росоши, Старобѣльск. уѣзда.
-

II.

Содержаніе. II. Думы при наступленіи новаго года. *Свящ. І. З. Горайна.*—Православныя религіозно-просвѣтительныя братства на Руси. *І. Татарскаго.*—Миссіонерскій листокъ. Изъ періодической сектантской печати. *Мисс. свящ. В. А. Черкесова.* Епархіальная хроника.—Архіерейскія Богослуженія.—Торжественное празднованіе школьнаго юбилея Сватово-Луцкими церковно-приходскими школами.—Отрадный примѣръ добрыхъ истинно-христіанскихъ отношеній прихожанъ къ своему пастырю.—Некрологъ. Иноепархіальный отдѣлъ.—Новый Экзархъ Грузіи.—Опредѣленіе Полоцкой духовной консисторіи.—Къ борьбѣ съ сектантствомъ. Разныя извѣстія и замѣтки.—Ученіе и развлеченія.—Общество взаимности славянскихъ ученыхъ.—Библиографическая замѣтка. Свящ. І. Браиловскій. „Вѣчныя таблицы, показывающія, въ какомъ году и какого числа какіе приходятся: недѣли, гласъ и чтенія воскресныхъ евангелій и апостоловъ, съ измѣненіями положенными церковнымъ уставомъ“.—Объявленія.

Думы при наступленіи новаго года.

Религіозной жизни православныхъ христіанъ нашей епархіи съ каждымъ днемъ угрожаетъ все большая и большая опасность со стороны сектантскихъ пропагандистовъ. Ничто не можетъ останоить и утишить поднявшейся бури сектантской заразы-прилипчивой и губительной. Какъ міазмы инфекціонныхъ болѣзней невидимо разносятся въ воздухъ вѣтромъ въ разныя стороны и жестоко калѣчатъ человѣческіе организмы,—такъ и зараза сектантская незримо проникаетъ въ самыя глухія и отдаленныя мѣста, находитъ для себя воспріимчивую почву, развивается, и приноситъ многимъ христіанамъ духовную смерть. Не только на распутіяхъ и мѣстахъ оживленнаго движенія, но даже въ далеко заброшенныхъ отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ деревушкахъ, гдѣ раньше не слышали даже и названій „штундизмъ“, „баптизмъ“ и т. д., гдѣ религіозная жизнь христіанъ, хотя и не чуждая нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ, многія столѣтія текла ровно и спокойно, гдѣ религіозныя вѣрованія передавались отъ предковъ къ потомкамъ, какъ дорогое сокровище, гдѣ было „единеніе вѣры въ союзъ мира“,—и тамъ теперь раздѣленіе, отпаденіе отъ матери—Церкви Православной, религіозное шатаніе, порицаніе дорогихъ сокровищъ вѣры отцовъ и дѣдовъ и устройство своей новой церкви...

Политическое смятеніе смѣнилось смятеніемъ религіознымъ. Какъ во времена св. Отцовъ IV вѣка,—въ эпоху по-

явленія ересей, богословствовали простыя женщины между дѣломъ на торжищѣ, такъ и теперь замѣчается повсемѣстное обсужденіе вопросовъ религіи и богослужебнаго культа: въ отдаленной заброшенной избушкѣ, при слабомъ мерцаніи огонька, въ глухой осенній вечеръ, нѣсколько лицъ напряженно слушаютъ разговоръ о вѣрѣ захожаго проповѣдника, который съ большимъ воодушевленіемъ рассказываетъ, какъ хорошо бываетъ на штурмовыхъ моленіяхъ, какъ теперь эта новая вѣра признапа царемъ и взята подъ защиту закона; въ ярмарочномъ трактирѣ за часпитіемъ какой-то странникъ съ котомкой, наполненной книжками, хитро и осторожно ведетъ разговоръ о нравственныхъ недостаткахъ православнаго люда, обѣщаетъ имъ полное улучшение всѣхъ сторонъ жизни, если они пожелають вѣровать такъ, какъ написано вотъ въ этихъ книжечкахъ, тутъ-же раздаваемыхъ бесплатно; вотъ по дорогѣ къ обозу, везущему кладъ въ городъ, пристааетъ неизвѣстный человѣкъ, мало-помалу начинаетъ съ собравшимися въ кучку мужичками вести разговоръ, и переходитъ на порицаніе православнаго духовенства—его жадности и вымогательства; тамъ цѣлые вагоны нагружаются по-праздничному одѣтымъ людомъ; это жаждущіе духовнаго утѣшенія ѣдутъ въ далекій путь, къ „отцу Стефанію“ въ Суздаль (Василій Карповичъ Подгорный); здѣсь—нѣсколько женщинъ подъ покровомъ вечерней темноты осторожно пробираются въ сосѣднее селеніе, гдѣ предполагается молитвенное собраніе...

Вотъ общія явленія въ жизни нашихъ приходовъ; вотъ первые робкіе шаги нѣкоторыхъ членовъ нашихъ паствъ на чужую сторону; вотъ какое движеніе мы можемъ наблюдать въ религіозной жизни, если не пожелаемъ умышленно отвращать своихъ взоровъ отъ жизни приходовъ!

Глубокое и широкое море религіозной жизни православныхъ паствъ всколыхнулось, забурлило отъ внезапно нанесшагося урагана; поднялись на немъ опасныя волны; корабль Церкви Христовой неспокойно носится по этому морю; его безпрестанно ударяють волны сектантства и невѣрія; оттуда до слуха заботливаго пастыря доносятся крики испуга и душевной тревоги, подобные тѣмъ, съ какими обратились апостолы къ Спасителю, угрожаемые потопленіемъ на

озеръ Генисаретскомъ: „Наставниче, Наставниче, погнбаемъ“... (Лук. 8, 24).

Тяжелы и грустны для пастыря эти крики отчаянія чадъ, боящихся духовной гибели и паденія съ корабля Церкви Христовой въ бурное море сектантскаго лжеученія. Тяжела картина религіознаго состоянія нашихъ приходовъ, представляющаяся нашему мысленному взору! Воочію уменьшается число насельниковъ съ корабля Христова,—и идутъ они искать спасенія на корабль иной, куда заманиваютъ ихъ хитрые лжеучители.

Останавливаясь на рубежъ, отдѣляющемъ годъ прошедшій отъ наступающаго, пастырь церкви, окинувъ мысленнымъ взоромъ духовное состояніе своей паствы за прошедшее время, долженъ подумать о будущемъ: что готовятъ намъ дни грядущіе; будетъ-ли и въ наступающемъ году религіозно-нравственное состояніе нашихъ приходовъ такимъ-же беспокойнымъ и неустойчивымъ; съ прежней-ли яростью сектантскіе пропагандисты будутъ расхищать наше словесное стадо; вооружены-ли мы сами готовностью, рвеніемъ и пастырскимъ мужествомъ положить душу свою за овцы...

Вотъ тѣ вопросы, которые невольно возникаютъ въ умѣ пастыря, отрѣшившагося на время отъ житейской суеты дня и погружившагося въ раздумье о своихъ высокихъ пастырскихъ обязанностяхъ—спасеніи душъ человѣческихъ.

Какъ-же быть намъ пастырямъ, видя столь печальное состояніе своихъ паствъ; что предприняли мы въ наступающемъ году; какіе планы борьбы съ сектантствомъ и невѣріемъ обдумаемъ мы напередъ и какое новое орудіе употребимъ при отраженіи нападающаго врага?

На войнѣ одолеваетъ тотъ, кто при хорошемъ вооруженіи горитъ отвагой, мужествомъ, патриотизмомъ, кто дѣйствуетъ вполнѣ сознательно и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла. Безъ героизма и мужества невозможно одержать побѣду даже и надъ слабѣйшимъ силами врагомъ. То же нужно помнить и при борьбѣ словесной: пастырь, защищающій свой приходъ отъ сектантской пропаганды, опровергающій всѣ теоріи, враждебныя христіанству, кромѣ краснорѣчія, знаній и чисто техническихъ пріемовъ, долженъ обладать воодушевленіемъ, любовью къ своему дѣлу, готовностью положить душу свою за друзей своихъ, искренней и оте-

ческой любовью къ своимъ духовнымъ чадамъ. Слова провѣдника, говоритъ апостолъ, „не въ препрѣтельныхъ словесахъ, а въ явленіи духа и силы“...

„Духъ и сила“—это тотъ священный огонь, горящій въ душѣ пастыря, который одинъ только можетъ воодушевить его и подвинуть на подвигъ ради блага ввѣреннаго ему стада.

Итакъ, врагъ предъ нами,—врагъ опасный, сильный и хорошо вооруженный. Сбросимъ же съ себя косность, равнодушіе, халатность; стряхнемъ съ себя лѣнь, безнечность и прозябаніе; будемъ въ наступающемъ годѣ бодрствовать и стоять мужественно; пусть не будетъ нашъ свѣтъ тусклымъ, меркнувшимъ и готовымъ потухнуть навсегда; подольемъ духовнаго огня въ свои лампы, чтобы огнь издали былъ виденъ всѣмъ ищущимъ спасенія въ церкви Христовой.

Чтобы пріобрѣтать немощныхъ, убѣждать колеблющихся, доказывать ту или другую истину и дѣйствовать на сердце слушателя, нужно самому пережить все то, всею глубиной души; защищая истину, нужно самому вѣрить въ нее, исповѣдывать ее не языкомъ только, но и дѣломъ и жизнью, быть самому истиннымъ и безупречнымъ. Ничто такъ не увлекаетъ, какъ личный примѣръ; лучшее доказательство и убѣжденіе—это собственная жизнь пастыря.

Но всегда-ли мы въ жизни своей частной и служебной являемся „образцомъ для вѣрныхъ—словомъ, жизнью и чистотой“? (Тим. 4, 12).

Не будемъ впадать въ самообольщеніе и закрывать взора на свою жизнь и дѣла. Въ общей сословной жизни духовенства и въ частности—жизни пастырей перѣдко всплываютъ на поверхность дѣла легкомыслія, порочности и нравственнаго несовершенства, которыя подвергаются злой критикѣ и осужденію и смущаютъ народную совѣсть.

На пастыря всегда смотрятъ, какъ на свѣточъ, поставленный на высокой свѣщницѣ, свѣтъ котораго не долженъ быть тусклымъ и меркнувшимъ; его желаютъ видѣть болѣе совершеннымъ по жизни, чѣмъ прочіе члены паствы, почему и вмѣненіе ему его вины бываетъ болѣе строгимъ, чѣмъ людямъ обыкновеннымъ. У духовенства много враговъ, съ злорадствомъ ожидающихъ какихъ либо проступковъ, чтобы разными способами унижить его во мнѣніи общества.

Выступая на предлежащій намъ подвигъ въ наступающемъ году, на арену борьбы съ сектантствомъ, позаботимся и о собственномъ исправленіи и нравственномъ совершенствѣ, чтобы не услышать укоризны—„исцѣлися самъ“. Предъ нами обширный виноградникъ, въ коемъ много засыхающихъ безплодныхъ смоковницъ. Поревнуемъ евангальскому садовнику: окружимъ эти смоковницы заботой и тщательнымъ уходомъ, дабы Домовладыка не посѣкъ ихъ въ наступающемъ лѣтѣ,—а ко Христу вознесемъ молитву, чтобы Онъ оказалъ намъ—пастырямъ помощь въ борьбѣ съ сектантскимъ ураганомъ и милостивно изрекъ: „буря перестань“...

Свящ. Г. В. Горайнъ.

Православныя религіозно-просвѣтительныя братства на Руси *).

(Общая церковно-историческая основа этихъ братствъ; современныя условія ихъ дѣятельности по сравненію съ прежними; ихъ главнѣйшія задачи и особенная важность для настоящаго времени).

Идея братства, глубоко соответствуя духу христіанской религіи, можно сказать, соприсуща церкви Христовой во все время ея историческаго развитія. Христіанскія общины первенствующей церкви были въ сущности ничто иное, какъ братства во Христѣ, имѣвшія своею задачею, кромѣ общенія при богослуженіяхъ и таинствахъ, утвержденіе своихъ членовъ въ вѣрѣ и благочестіи, распространеніе свѣта христіанскаго ученія среди іудеевъ и язычниковъ, борьбу съ возникавшими ересями и расколами и различныя дѣла благотворенія и страннолюбія. Съ тѣхъ поръ христіанская вопиствующая церковь, даже въ то время, когда стала уже господствующею въ греко-римскомъ мірѣ и получила значеніе религіи государственной, опиралась въ своихъ просвѣдательныхъ начинаніяхъ, особенно при борьбѣ съ еретиками и раскольниками, не исключительно только на общихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и учреждені-

*) Рѣчь, произнесенная на общемъ годичномъ собраніи Куявскаго отдѣленія Братства Озерянской Божіей Матери 27-го ноября 1908 года.

яхъ. На ряду съ ними, неизмѣнно и во всё времяа къ ней проявлялась здѣсь и возможность частной инициативы, возникали среди вѣрующихъ различныя организаціи и союзы, которыя устраивали необходимыя школы, дома призрѣнія и больницы, въ особенности при богатыхъ церквахъ и монастыряхъ. Такъ было въ церкви восточной; тоже самое, едва ли не въ большей даже степени, проявлялось и въ церкви западной, гдѣ для защиты и утвержденія христіанской вѣры и благочестія основывались, съ благословенія церкви, даже особые рыцарскіе ордена.

Идея братскаго единенія всѣхъ православно-вѣрующихъ членовъ церкви для борьбы съ еретиками и раскольниками, а также для своихъ внутреннихъ религіозно-просвѣтительныхъ цѣлей съ немальною силою проявлялась и въ исторіи нашей отечественной православной церкви. Это наблюдалось въ особенности во времена ея тяжкихъ испытаний. Какъ на самый яркій и поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи обыкновенно указываютъ на исторію юго-западной Русской церкви въ XVI и XVII вѣкахъ. Это была эпоха продолжительной и достославной борьбы православія съ унией въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, бывшихъ тогда подъ владычествомъ Польши. Не менѣе ста лѣтъ продолжалась здѣсь эта тяжелая и неравная борьба и несомнѣнно, что интересы православія были поддерживаемы и сохраняемы при этомъ не столько казацкими войнами, сколько внутреннею просвѣтительною дѣятельностію организованныхъ тогда многочисленныхъ православныхъ братствъ. — Группируясь, главнымъ образомъ, при монастыряхъ, братства эти обнаружили дѣятельность изумительную для того времени, какъ по внѣшнимъ своимъ размѣрамъ, такъ и по цѣлесообразности и важному значенію своихъ предпріятій. Соревнуясь съ католиками, они заботились о благолѣпіи храмовъ Божіихъ и церковныхъ службъ, устраивали больницы и различныя пріюты; но преимущественное свое вниманіе, какъ и надлежало въ ту бурную эпоху, они сосредоточивали на религіозномъ просвѣщеніи православнаго общества. Съ этою цѣлью они открыли въ своемъ краѣ множество братскихъ школъ съ довольно высокимъ по тому времени курсомъ образованія, заводили братскія типографіи, въ которыхъ издавались не одни только буквари и богослужебныя книги, но

и многочисленныя сочиненія богословскаго, историческаго, нравоучительнаго и полемическаго содержанія; наконецъ, что было всего важнѣе по обстоятельствамъ времени, они широко развили устное церковное проповѣдничество, состязаясь въ этомъ съ іезуитами и громя съ церковныхъ кафедръ предъ православными слушателями различныя ереси латинянъ.

Не иначе какъ, именно, указаннымъ нами глубокимъ соответствіемъ идеи братства общему духу христіанской религіи и его историческому проявленію въ церкви Христовой, слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что и въ настоящее время, при явномъ умноженіи у насъ расколовъ и ересей въ средѣ пасомыхъ, Архипастыремъ нашимъ, ревнующимъ о благѣ святой церкви, пришла благая мысль учрежденія православныхъ религіозно-просвѣдительныхъ братствъ для борьбы съ ними. Таковымъ является, между прочимъ, и наше Харьковское епархіальное „Братство Озерянской Божіей Матери“, открытое Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ 25-го января 1904 года. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ особенно обаятельно могъ дѣйствовать на умы нашихъ Архипастырей близкій къ намъ по времени и въ высшей степени назидательный примѣръ плодотворной дѣятельности указанныхъ нами, юго-западныхъ русскихъ братствъ, оказавшихъ столь незабвенныя услуги православію. Но, какъ-бы то ни было, слѣдуетъ сказать, что открытіе нынѣшнихъ православныхъ братствъ, по образцу прежнихъ, представляется явленіемъ не только отраднымъ по существу, но и въ высшей степени соответствующимъ потребностямъ минуты. 17-го апрѣля 1905 года изданъ былъ, какъ извѣстно, законъ о вѣротерпимости и, въ силу этого закона, расколы и ереси, существующіе въ нашей церкви, вышли уже изъ прежняго своего приниженаго состоянія и какъ бы вступили на попріице свободнаго состязанія съ православіемъ. Слѣдовательно, и въ настоящее время для нашей православной церкви наступила пора сосредоточить свои силы для борьбы съ своими противниками, усилить свою бдительность надъ пасомыми и всемѣрно позаботиться о развитіи между ними истинно-христіанскаго просвѣщенія и благочестія.

Но, какъ это ни странно на первый взглядъ, условія

дѣятельности открываемыхъ нынѣ религіозно-просвѣтительныхъ братствъ представляются, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, едва-ли не болѣе затруднительными, чѣмъ это было въ прежнее время.—Въ XVI и XVII вѣкахъ наша православная церковь въ юго-западномъ краѣ, хотя и испытывала внѣшнія притѣвленія отъ латинянъ, но внутри себя самой была полна жизненной силы и дѣятельной энергіи, какія вообще способны возникать подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія въ борьбѣ за вѣру. Въ средѣ ея іерархіи находилось очень много лицъ изъ привилегированныхъ сословіи, до представителей высшихъ аристократическихъ родовъ включительно. Достаточно указать, въ этомъ отношеніи, на митрополитовъ Кіевскихъ Петра Могилу, сына молдавскаго господаря, и Феодора Четвертинскаго, ведшаго свой родъ отъ Рюрика. При тогдашнемъ аристократическомъ строѣ общества, это придавало всѣмъ распоряженіямъ церкви огромный нравственный авторитетъ въ его правящихъ кругахъ, не говоря уже о простомъ народѣ. Вотъ почему въ борьбѣ православной церкви съ унией въ сущности объединялись тогда всѣ сословія.—Кромѣ того, въ области духовнаго настроенія тогдашняго русскаго общества въ юго-западномъ краѣ господствовало полное единство: такъ какъ представители высшихъ привилегированныхъ сословіи обыкновенно получали свое образованіе въ духовныхъ школахъ, болѣею частію, при тѣхъ-же братскихъ монастыряхъ. Отсюда къ интересамъ церкви въ борьбѣ съ унией непосредственно примыкала тогда вся, такъ называемая „казацкая старшина“. А это обстоятельство, кромѣ глубокой нравственной опоры въ обществѣ, было чрезвычайно полезно для православной церкви и въ матеріальномъ отношеніи. При перемѣнчивой судьбѣ почти непрерывной боевой жизни тогдашняго казачества въ церковь притекала тогда масса денежныхъ и имущественныхъ вкладовъ, тѣмъ болѣе, что у запорожцевъ, напримѣръ, прямо существовалъ благочестивый обычай значительную часть добытыхъ ими на войнѣ сокровищъ непременно жертвовать на церковь. Отсюда многія православныя братства въ юго-западной Руси обладали весьма значительными по тому времени средствами, что естественно вызывало обиліе и удобоисполнимость всѣхъ предпринимаемыхъ ими религіозно-просвѣтительныхъ начинаній.

Всѣ эти обстоятельства, въ своей совокупности, и послужили причиною того, что религіозно-просвѣтительная дѣятельность юго-западныхъ православныхъ братствъ получила столь широкіе размѣры, что не только удовлетворяла мѣстнымъ потребностямъ, но распространялась и за предѣлы родного края. Такъ, изъ исторіи извѣстно, что въ XVII вѣкѣ братства эти начали удѣлять свои силы и для просвѣщенія единовѣрной съ ними Московской Руси. Укажемъ здѣсь на важнѣйшіе историческіе факты. Въ 1640-мъ году митрополитъ Кіевскій, Петръ Могила, обращается къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ просьбою: „пожалуй, царь, повели въ царствующемъ своемъ градѣ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія Кіевского монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской учили“. Немного времени спустя, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, дѣйствительно, основалъ въ Москвѣ, при церкви Андрея Стратилата, Преображенскій братскій монастырь, въ которомъ находилось 30 иноковъ, приглашенныхъ сюда изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей. Для устроенной при этомъ монастырѣ Андреевской школы тѣмъ же Ртищевымъ вызваны были въ 1649-мъ году ученые иноки Кіевопечерскаго монастыря, „изящные“, по современному свидѣтельству, „во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторикѣ и философіи хотящимъ тому ученію внимати“. Это были Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, изъ которыхъ первый явился потомъ не только важнѣйшимъ представителемъ, такъ называемаго, „греческаго ученія“ въ Москвѣ, но и былъ вообще правою рукою Патриарха Никона въ предпріятіи имъ великомъ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ. Еще болѣе яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собою Симеонъ Полоцкій, бывшій дидакалъ братской школы Полоцкаго Богоявленскаго монастыря. Прибывъ въ Москву въ 1663-мъ году, онъ въ области просвѣщенія становится здѣсь едва ли не самымъ выдающимся дѣятелемъ эпохи: былъ учителемъ царскихъ дѣтей, заводилъ школы, открылъ во дворцѣ типографію и составилъ „Привиллегію“ для учрежденія Славяно-греко-латинской академіи. Въ тоже время онъ принималъ видное участіе и въ текущихъ церковныхъ дѣ-

лахъ: на ряду съ Епифаніемъ Славинецкимъ заступалъ, между прочимъ, на соборѣ 1667 г., осудившемъ первыхъ расколоточителей, и составилъ первое полемическое сочиненіе противъ раскола, известное подъ именемъ „Жезла Правленія“ и изданное отъ лица этого собора ¹⁾).

Вотъ до какихъ размѣровъ простиралась въ старину просвѣтительная дѣятельность нашихъ юго-западныхъ православныхъ братствъ! По многимъ причинамъ это едва-ли уже достижимо въ настоящее время. Со времени присоединенія юго-западнаго края къ государству московскому и особенно съ упраздненіемъ патриаршества въ Россіи при Петрѣ Великомъ, православная церковь наша, хотя и выиграла много во внѣшнемъ благополучіи, но за то внутренняя жизнь ея стала замѣтно оскудѣвать. Нагляднымъ доказательствомъ этого служить уже то обстоятельство, что именно съ этого времени прежняя замѣчательная дѣятельность православныхъ братствъ начала постепенно ослабѣвать, пока не замерла потомъ совершенно. А между тѣмъ, именно, въ это время въ русской церкви съ особенною силою началъ распространяться расколъ съ выродившимся изъ него въ скоромъ времени многочисленнымъ сектанствомъ. Правда, свѣтское правительство наше всегда оказывало церкви всевозможное внѣшнее содѣйствіе къ ихъ искорененію; но это была въ сущности весьма сомнительная услуга. Не говоря уже о чисто внѣшнемъ характерѣ употребляемыхъ здѣсь мѣропріятій, при этомъ возможенъ былъ и подкупъ ихъ исполнителей, особенно въ глухихъ мѣстахъ; а гдѣ такого подкупа не существовало, тамъ обыкновенно практиковались жестокія преслѣдованія раскольниковъ и сектантовъ, которые скорѣе могли содѣйствовать распространенію ихъ лжеученій, окружая ихъ ореоломъ мученичества за вѣру, всегда обаятельно дѣйствовавшимъ на народъ.

Конечно, въ средѣ нашихъ высшихъ представителей церкви всегда находились люди, заботившіеся о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своей паствы; но во первыхъ, они были лишены свободной инициативы въ такомъ важномъ дѣлѣ, а во вторыхъ, съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ при Екатеринѣ II, лишены были и матеріальныхъ средствъ

¹⁾ См. нашу книгу: Симеонъ Полоцкій М. 1886 г. стр. 22 и др.

къ тому, по крайней мѣрѣ, на мѣстахъ. А между тѣмъ, именно съ этого времени начало съ особенною силою распространяться у насъ вліяніе иноземной культуры и руководящіе классы общества, одинъ за другимъ, стали выступать изъ—подъ вліянія церкви. Члены высшихъ аристократическихъ фамилій усвоили себѣ обычаи ѣздить для своего образованія за границу, преимущественно во Францію, и возвращались оттуда, по большей части, „вольтерьянцами“. За высшими кругами общества скоро потянулись средніе и во всѣхъ образованныхъ классахъ это стало распространяться съ тѣхъ поръ совершенное равнодушіе къ достоинству и интересамъ православной церкви. Это было уже нѣчто гораздо худшее всякой уніи съ католичествомъ, потому что близко граничило съ полнымъ невѣріемъ.—Но вотъ, надъ всей Европой пронеслись кровавыя слѣдствія французской революціи, давшая повѣрку, такъ называемой, религіи разума, и послѣ отечественной войны русское общество начало постепенно и не безъ колебаній выбираться на путь національнаго развитія. Вспомнили, наконецъ, и о простомъ народѣ, для котораго стали даже заводить начальныя училища при нѣкоторыхъ волостяхъ; но о религіозно—нравственномъ просвѣщеніи его по прежнему было очень мало заботы.

Не лучшимъ представляется дѣло религіозно—нравственнаго просвѣщенія, и въ то время, когда народныя училища, по реформѣ царя Освободителя, перешли въ вѣдѣніе земствъ; потому что большинство земскихъ интеллигентныхъ дѣятелей относились съ совершеннымъ равнодушіемъ къ религіозному воспитанію въ нихъ дѣтей. Вотъ что говоритъ объ этомъ авторъ „Замѣтокъ о сельскихъ школахъ“ на страницахъ „Руси“, издававшейся Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ въ 1881-мъ году: „Отношеніе нашей интеллигенціи къ религіозному элементу въ школахъ извѣстно: оно допускаетъ его лишь для соблюденія какихъ-то консервативныхъ привычекъ, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ просто народа—и это лицемерное отношеніе къ нему вредитъ прямого гоненія“¹⁾. Въ этихъ же запискахъ сообщается слѣдующій характеристическій фактъ: въ 1875-мъ году министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ изданъ каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ

¹⁾ Русь, 1881 г. № 45, 10 стр.

школахъ, при чемъ всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ, была безусловно запрещена. „Повѣритъ-ли мнѣ читатель, говоритъ авторъ, если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни Часослова, ни Псалтыри, ни Ветхаго Заветъ? Новый Заветъ только одобрить, но не рекомендовать“ 1). И вотъ мы становимся зрителями сѣдующаго страннаго явленія: расколы и ереси возникаютъ и распространяются въ средѣ простого народа, а наше свѣтское образованное общество спокойно смотритъ на это со стороны, какъ-бы не принадлежащее къ долу православной церкви и въ сущности весьма довольное тѣмъ, что въ случаяхъ чрезвычайныхъ, у него имѣется столь выносливый козёлъ отпущенія, какимъ всегда являлось здѣсь православное духовенство. Прекрасно изобличаетъ его лицемеріе въ этомъ отношеніи г. Рачинскій, извѣстный педагогъ и человѣкъ свѣтски-образованный, котораго никакимъ образомъ нельзя заподозрить здѣсь въ пристрастіи: „Омянемся на себя“, говоритъ онъ, „вспомнимъ, хоть на мгновеніе, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что преступственныхъ мірянъ отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь церковь—это также мы... Будемъ откровенны, будемъ искренни! Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Принялъ-ли хоть одинъ изъ насъ эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что я говорю! Многіе ли изъ насъ пошевелили пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея суть, а не какъ на благовидный безвредный придатокъ? И мы жалуемся на то, что священники наши плохи!... Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена закономъ. Двери настѣжъ, но никто въ нихъ не входитъ, кто же въ этомъ виноватъ? Легко ссылаться на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это еще не корень, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковію никакое правительство въ мірѣ

1) Русь, 1881 г. № 47, 10 стр.

не властно; зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго“¹⁾. И дѣйствительно, недавніе дебаты въ Государственной Думѣ объ утвержденіи кредита на церковныя школы блестящимъ образомъ иллюстрируютъ эту печальную картину. Чѣмъ, какъ не желаніемъ устранить непосредственное вліяніе церкви на жизнь простого народа, можно объяснить отрицательное отношеніе многихъ фракцій думы къ этому кредиту? И откуда въ нихъ могло возникнуть такое сплошное, огульное осужденіе церковныхъ школъ, именно, въ то время, когда безграмотность въ нашемъ народѣ составляетъ вопіющее зло, и необходимость всеобщаго обученія въ немъ столь ясно сознается всѣми?!

Итакъ, вотъ при какихъ условіяхъ приходится дѣйствовать нынѣшнимъ религіозно-просвѣтительнымъ братствамъ,—условіяхъ, исторически сложившихся въ нашемъ обществѣ и потому пустившихъ въ немъ болѣе или менѣе глубокіе корни. Нѣтъ сомнѣнія, что историческая обстановка юго-западныхъ православныхъ братствъ была въ многихъ отношеніяхъ гораздо благопріятнѣе. При томъ послѣднія, какъ извѣстно, имѣли дѣло съ открытымъ врагомъ, тогда какъ существующіе нынѣ расколы и секты, болышею частію, распространялись въ народѣ тайно и обнаруживались лишь тогда, когда они получали уже довольно значительное развитіе въ приходахъ. Правда, съ изданіемъ закона о вѣротерпимости, и нынѣшніе враги православной церкви изъ тайныхъ сдѣлались явными; но этотъ законъ, развязавшій руки раскольникамъ и сектантамъ, засталъ православную церковь, такъ сказать, въ расплохъ, поставивъ ее въ положеніе не совсѣмъ выгодное по сравненію съ ними. Такъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, первенствующій іерархъ российской церкви, Митрополитъ С.-Петербургскій Антоній, въ докладной запискѣ Совѣту министровъ прямо заявляетъ, что въ настоящее время раскольники и сектанты пользуются у насъ такимъ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, какого не имѣетъ даже сама православная церковь, и что наше духовенство исполняетъ массу порученій отъ правительства,

¹⁾ Русь, 1881 г. № 47, 14 стр.

которыя не имѣютъ прямого отношенія къ дѣлу пастырства и какихъ вовсе не несуть нынѣшніе противники церкви. Таковымъ представляется положеніе дѣла въ настоящее время.—Тѣмъ не менѣе, достоинство и святость православной церкви требуютъ немедленнаго дѣйствованія со стороны ея духовныхъ представителей и свѣтскихъ ревнителей, имѣющихъ въ своихъ рукахъ несокрушимое оружіе вселенской истины. Эта истина всегда должна побѣдить лжеученіе, лишь бы она своевременно была проповѣдана народу и доведена въ его сознаниіи до степени яснаго пониманія. Вотъ здѣсь-то и открывається широкое поле для дѣятельности нынѣшнихъ православныхъ братствъ, а въ частности и для нашего епархіальнаго „Братства Озерянской Божіей Матери“, имѣющихъ прямою своею задачею религіозно-нравственное просвѣщеніе народа.

Что, именно, распространеніе религіознаго просвѣщенія въ средѣ нашего народа составляетъ ближайшее и наиболѣе дѣйствительное средство въ борьбѣ съ существующими въ нашей церкви расколами и сектами это открывається уже изъ того обстоятельства, что они, болышею частію, обязаны своимъ происхожденіемъ самому крайнему религіозному невѣжеству. Даже ближайшій къ нашей православной церкви, такъ называемый, расколъ старообрядства далеко не свободенъ отъ этого прискорбнаго недостатка. Возьмемъ для примѣра его главнѣйшаго основателя, протопопа Аввакума. Предъ отправленіемъ его въ ссылку царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ къ увѣщанію его со стороны церковныхъ властей, послалъ къ нему, наконецъ (24 Августа 1667 года), ученаго и краснорѣчиваго „философа“ Симеона Полоцкаго въ сопровожденіи окольного Артамона Сергѣевича Матвѣева. Съ этимъ „философомъ чернцомъ“, рассказываетъ самъ протопопъ Аввакумъ, „зѣло было стязаніе много: разошлись яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику“. При этомъ въ высшей степени характеристичнымъ является отзывъ Симеона Полоцкаго объ Аввакумѣ, выраженный имъ въ заключеніе спора: „старецъ мнѣ говорилъ: острота, острота тѣлеснаго ума! да лихо упрямство; а се не умѣеть науки“¹⁾. Это „неумѣніе науки“, или

¹⁾ См. нашу книгу: Симеонъ Полоцкій, М. 1886 г. стр. 81.

иначе сказать, простое невѣжество составляетъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ краеугольный камень въ основѣ нашего старообрядства, которое отстаиваетъ малѣйшую букву въ своихъ завѣдомо неисправныхъ старопечатныхъ книгахъ и нестерпимо относится къ самому ничтожному измѣненію въ церковномъ обрядѣ лишь на основаніи девиза, возвѣщеннаго нѣкогда тѣмъ же протопопомъ Аввакумомъ: „до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“¹⁾. До какихъ ужасныхъ размѣровъ простирается религіозное невѣжество въ такъ называемыхъ безпоповицкихъ толкахъ раскола, объ этомъ можно судить хотя-бы по знаменитому Тираспольскому дѣлу, случившемуся въ 1897-мъ году. Въ то время производилась въ имперіи однодневная всенародная перепись и вотъ, въ средѣ раскольниковъ разнеслась страшная вѣсть о пришествіи антихриста и о какой-то особой „петербургской машинкѣ“, на которой будутъ живыми стирать въ порошокъ людей, отказывающихся отъ этой печати антихриста. Отсюда въ раскольничьихъ скитахъ, находившихся въ днѣстровскихъ плавняхъ близъ Тирасполя, явилась чудовищная идея самонстребленія для избѣжанія предстоящаго жестокаго мучительства: четырекратно люди были живыми закопаны въ землю, всего въ количествѣ 25-ти человѣкъ, при чемъ совершавшій закапываніе, Ѳедоръ Ковалевъ, закопалъ собственную мать, жену и дѣтей²⁾. Нечего уже и говорить въ этомъ отношеніи о разныхъ мелкихъ сектахъ, существующихъ въ нашемъ народѣ,—какъ-то: о духоборахъ, хлыстахъ, шалопутахъ, скопцахъ, прыгунахъ и другихъ,—которые на основаніи превратнаго пониманія пѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія, совершенно отвратились отъ духа христіанской вѣры и „радѣнія“ которыхъ скорѣе напоминаютъ будійское шаманство, или древнія языческія оргіи, чѣмъ истинно христіанскія молитвенныя собранія. Но вотъ, недавно мы сами стали свидѣтелями чудовищнаго явленія, которое можетъ возникнуть только на почвѣ самаго грубаго религіознаго невѣжества. Почтительнн Протоіерей о. Іоанна Кронштадтскаго, извѣстнаго строгостію своей жизни, составили секту „іоаннитовъ“, принимая его, ни болѣе ни менѣе, какъ за самого

¹⁾ См. тамъ-же, 23 стр.

²⁾ См. И. Громогласовъ: Тираспольское дѣло. Серг. Посадъ 1898 г.

Иисуса Христа и вызвавъ тѣмъ съ его стороны всенародную анаемю послѣ богослуженія въ храмѣ. Дальше этого въ области религіознаго невѣжества, кажется, идти уже некуда!

И нельзя сказать, чтобы народъ нашъ не былъ вовсе религіозенъ: напротивъ, его справедливо признають едва-ли не самымъ религіознѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ въ мѣрѣ.

Но бѣда въ томъ, что эта религіозность его пока остается только на степенн простого инстинкта, что она не исполнѣ освѣщена разумнѣемъ и не покоится на ясномъ и твердомъ пониманіи догматовъ православной вѣры. Конечно, на духовенствѣ, прежде всего, должна лежать забота о религіозно-правственномъ просвѣщеніи народа и по долгу пастырства и по его непосредственной близости къ народной жизни. Но и другіе образованные классы нашего общества никакъ не вправѣ совершенно устраниваться отъ этого святаго дѣла, хотя бы изъ простого сочувствія къ своему младшему непросвѣщенному брату и изъ общей нелицемѣрной любви къ отечеству. Въ данномъ случаѣ, учрежденныя нынѣ православною церковію, религіозно-просвѣтительныя братства, — а въ частности и наше епархіальное „Братство Озеринской Божіей Матери“, — могутъ несомнѣнно представлять собою тѣ ячейки, къ которымъ должна направляться и въ которыхъ можетъ сосредоточиваться совокупная дѣятельность всѣхъ русскихъ образованныхъ людей для общаго культурнаго воздѣйствія на нашъ простой народъ въ духѣ православной вѣры и благочестія. И нѣтъ сомнѣнія, что такое дружное воздѣйствіе можетъ сопровождаться самыми благими послѣдствіями не только для церкви, но и для государства, особенно въ настоящее смутное время. Польза его для церкви слишкомъ очевидна и настолько ясно сознается ею, что она сама учреждаетъ эти братства. Что же касается полезности его въ государственномъ отношеніи, то здѣсь слѣдуетъ замѣтить только, что ни утвержденіе чувства законности въ простомъ народѣ, ни нормальное развитіе правосознанія въ нашемъ образованномъ обществѣ и, вообще, никакая гражданская доблесть въ насъ совершенно невозможны, если мы не уничтожимъ въ себѣ животнаго эгоизма и въ достаточной мѣрѣ не просвѣтимся свѣтомъ евангельскаго ученія, проповѣдующаго любовь къ ближнему и самоотверженіе. Для мудраго изъ нашихъ патріотовъ этого совершенно достаточно,

чтобы убѣдиться въ высокой цѣлесообразности нашего епархіального „Братства Озерянской Божіей Матери“ и если не принять въ немъ дѣятельное участіе, то по крайней мѣрѣ, отнестись къ нему съ самымъ теплымъ сердечнымъ сочувствіемъ.

Г. Татарскій.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ СЕКТАНТСКОЙ ПЕЧАТИ.

Въ № 22 „Баптиста“ за 1909 г. изъ „Н. Р.“ перепечатана была слѣдующая статья:

„Борьба съ сектантствомъ“.

„Въ концѣ прошлаго года образовался въ Харьковѣ кружокъ ревнителей православія для борьбы съ сектантствомъ въ Харьковской губерніи. Главною цѣлію этого кружка было направить всю тяжесть (?) своей миссіонерской дѣятельности на многочисленную (?) массу сектантовъ города Харькова, а среди нихъ, преимущественно, на баптистовъ евангельскаго вѣроученія, отъ которыхъ, по мнѣнію православныхъ миссіонеровъ, идетъ „зараза“ сектапства по всѣмъ городамъ и селамъ Харьковской епархіи. А справившись съ харьковскими сектантами, ревнители православія полагали, что не трудно будетъ затормозить ходъ сильно (?) развивающагося сектантства и въ уѣздахъ. И рѣшили никакими средствами борьбы съ сектантствомъ не стѣснять себя. Проникаютъ со своею цѣлію непрошеными не только въ сектантскія собранія, но насильно вторгаются и въ частныя дома сектантовъ. Понятно, что ревнители православія такими дѣйствіями вызываютъ у сектантовъ не располагающія въ себѣ чувства; а поэтому подъ всякими предлогами сектанты уклоняются отъ религіозныхъ собесѣдованій съ такими ревнителями. Къ тому же эти послѣднія придерживаются къ полемикѣ рѣзкихъ, задорныхъ приемовъ, чуждыхъ духу христіанской кротости и религіозной терпимости. Да и вообще интересъ къ православнымъ миссіонерамъ ослабляется тѣмъ, что не вѣрятъ сектанты въ искренность ихъ пропаганды. Все это, говорятъ сектанты,—ревнители православія по обязанности, за деньги или изъ за желанія обратить на себя благосклонное вниманіе своего начальства.

Чтобы избавиться отъ настойчивости православныхъ миссіонеровъ и членовъ кружковъ ревнителей православія, сектанты нерѣдко говорятъ имъ, что тамъ, въ Харьковѣ, къ нимъ ближе живутъ баптисты и другія сектанты. И если члены братства еще ничего не сдѣлали для православія тамъ, гдѣ живутъ, то за кратковременное свое пребываніе въ селахъ и уѣздныхъ городахъ подавно ничего не сдѣлаютъ и совершенно напрасно стараются. Вѣроятно, эти поѣздки совершаются ради суточныхъ и проѣздныхъ. Ревнители православія, конечно, оспариваютъ настоящія предположенія сектантовъ.

Миссіонерскіе кружки уже имѣются въ нѣсколькихъ городахъ Харьковской губерніи, но кружки эти не популярны среди населенія главнымъ образомъ потому, что въ составъ ихъ входятъ чины полиціи, земскіе начальники и прочія сельскія власти, оказывающіеся въ самыхъ видныхъ должностяхъ кружковъ:—въ предсѣдателяхъ, ихъ помощникахъ, казначеяхъ, секретаряхъ и проч. И какъ власти по служебному своему положенію, такъ они стараются властно поступать и въ дѣлѣ проповѣди слова Божія среди отпавшихъ отъ православія. Для религіозныхъ собесѣдованій примѣняются ими полицейскія мѣры—разсылаются повѣстки съ требованіемъ непременно явиться для бесѣды. Если же повѣстки не помогаютъ, то стражниками стоняются сектанты „на предметъ бесѣдованія о словѣ Божіемъ“. И поэтому не удивительно, что при численномъ увеличеніи у насъ кружковъ ревнителей православія, совершенно не усматривается успѣховъ ихъ борьбы съ разрастающимся сектантствомъ въ Харьковской губерніи“.

Статья эта,—безъ сомнѣнія, принадлежащая перу одного изъ многочисленныхъ враговъ церкви, каковыми являются и всѣ сектанты,—представляетъ собою сплошную ложь съ одной стороны и клевету на Харьковскую миссію—съ другой.

1) Авторъ пишетъ, что въ концѣ прошлаго (1908) года „въ Харьковѣ“ образовался кружокъ ревнителей православія для борьбы съ сектантствомъ въ Харьковской губерніи“, который всю тяжесть своей миссіонерской дѣятельности направляетъ на многочисленную массу сектантовъ г. Харькова. „Покончивъ съ сектантами г. Харькова, ревнители рассчитываютъ-де затормозить ходъ сильно развивающагося сек-

тантства въ уѣздахъ. И рѣшили для осуществленія своихъ цѣлей никакими средствами борьбы съ сектантствомъ не стѣснять себя. Ревнители проникаютъ въ сектантскія собранія и насильно вторгаются въ дома сектантовъ.“

Здѣсь—все одна ложь.—Ложь, будто въ Харьковѣ имѣется „многочисленная масса сектантовъ“. Число всѣхъ дѣйствительныхъ сектантовъ въ г. Харьковѣ,—считая здѣсь и баптистовъ, и адвентистовъ, и даже скопцовъ,—едва ли превышаетъ 500 человекъ. Большинство людей, посѣщающихъ сектантскія призывныя собранія, это—зѣваки, посѣщающіе эти собранія изъ пустого любопытства и выносящіе о сектантахъ, къ счастью, самое невыгодное впечатлѣніе. Впрочемъ, въ послѣднее время число и этихъ посѣтителей становится все меньше и меньше, не смотря на то, что къ Харьковскимъ сектантамъ на гастроліи въ послѣднее время участили свои поѣздки различные англичане, нѣмцы и персіяне.

Ложь и то, будто кружокъ ревнителей православія всю тяжесть своей дѣятельности направляетъ на сектантовъ. Нѣтъ! Кружокъ одновременно съ симъ направляетъ свою дѣятельность въ одинаковой мѣрѣ и на укрѣпленіе въ вѣрѣ православныхъ чадъ церкви, для каковой цѣли и устрояются въ въ разныхъ мѣстахъ города по воскреснымъ днямъ религіозно-нравственныя чтенія.

Невѣрно и то, будто ревнители самовольно проникаютъ въ сектантскія собранія. Двери этихъ собраній всегда широко открыты для всѣхъ православныхъ, а значить и для ревнителей. А такой молодецъ по части пропаганды сектантства, какъ г. Балихинъ, въ своемъ прошеніи Харьковскому Губернатору даже прямо настаивалъ, чтобы эти двери были возможно шире открыты и никто изъ православныхъ не лишился бы счастья послушать сектантскаго краснобая.

О томъ, будто ревнители православія насильно вторгаются даже въ частныя дома сектантовъ, не можетъ быть и рѣчи. „Еванг. христіане“ даже изъ своихъ публичныхъ собраній выталкиваютъ каждаго, кто посмѣлъ бы сдѣлать возраженіе противъ тѣхъ глумленій надъ православною церковью, какими сопровождается почти каждая проповѣдь въ ихъ собраніяхъ. Какъ же можно допустить, чтобы ревнители рѣшались вторгаться въ частныя дома, да еще „на-

сильно“? Злобные и ненавистные къ православнымъ, сектанты не постѣснялись бы падъ такими смѣльчаками употреблять и физическое насиліе. Примѣръ избіенія московскихъ ревнителей на фетлеровскихъ гастроляхъ вѣдь памятенъ.

2) Авторъ пишетъ, что ревнители православія работаютъ „за деньги, ради суточныхъ и проѣздныхъ“. Можетъ быть сектантскіе вожаки именно только изъ-за этого сами и работаютъ; да намъ не безызвѣстно, что на пропаганду сектантства въ Россіи идутъ громадныя суммы. Но по себѣ нельзя судить о другихъ. По отношенію же къ членамъ кружка ревнителей въ Харьковѣ это—одна гнусная клевета. Вѣдь ревнители работаютъ безылатно, по одной святой ревности къ зацѣпѣ православія. Впрочемъ, о какихъ-то „проѣздныхъ“ не можетъ быть рѣчи еще и потому, что означенные ревнители работаютъ въ одномъ Харьковѣ и за предѣлы его шкуда не выѣзжаютъ.

3) Авторъ клеветаетъ и на мисс. кружки, открытыя въ уѣздахъ. Земскій начальникъ только въ одномъ (Краснокутскомъ) кружкѣ состоитъ въ числѣ *членовъ*, а совсѣмъ не предѣвателемъ или казначеемъ. По уставу кружковъ предѣвателями ихъ вездѣ состоятъ приходскіе священники, а должности казначеевъ и секретарей даже и не положено. Сообщение автора, будто эти свѣтскія власти примѣняютъ къ дѣлу миссіи полицейскія мѣры,—одна гнусная, бездоказательная клевета, столь обычная въ устахъ „евангельскихъ“ лже-христіанъ.

Въ виду всего изложеннаго, авторъ напрасно поспѣшилъ похвастаться, будто мисс. кружки въ Харьковской епархіи не приносятъ „успѣха въ борьбѣ съ разрастающимся сектантствомъ“. Лжетъ онъ, будто сектантство разрастается; лжетъ и то, будто мисс. кружки не приносятъ успѣха въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ. Само появленіе разбираемой статьи въ „Н. Р.“ и перепечатка ея въ „Балтистѣ“ свидѣтельствуютъ явно о той тревогѣ, какую возбуждастъ въ еретическомъ лагерѣ дѣятельность мисс. кружковъ въ Харьковской епархіи. И мы вѣруемъ, что все *болѣе и болѣе усиливающаяся и развивающаяся* дѣятельность мисс. кружковъ, уже достаточно ослабившая теперь сектантство во *многихъ* приходахъ епархіи, въ концѣ концовъ совершенно убьетъ

сектантство, сколько-бы ни напрягали своихъ преступныхъ усилийъ враги православной церкви, всячески поддерживающіе и поощряющіе сектантство.

Самое „уклоненіе сектантовъ“ отъ бесѣдъ о вѣрѣ даже съ ревнителями православія, о чемъ упоминаетъ авторъ лживой статьи, не о чемъ иномъ свидѣтельствуется, какъ о томъ, что сектанты безсильны защищать свое лжеученіе даже предъ простецами—православными мірянами. И сбываются оныя слова Священнаго Писанія: „нечестивый бѣжитъ, когда никто не гонится за нимъ; а праведникъ смѣлъ, какъ левъ“. (Притч. XXVIII, 1).

Мисс. свящ. В. А. Черкесовъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

1910-й годъ. Январь. Новогоднее богослуженіе въ кафедральномъ соборѣ началось служеніемъ всенощнаго бдѣнія, въ 9 час. вечера 31 декабря, которое совершалъ Преосвященный Василій, Епископъ Сумскій въ сослуженіи соборнаго духовенства. Служеніе всенощной закончилось къ 12-ти часамъ, а ровно въ 12 часовъ ночи, при ударѣ колокола, Преосвященный Василій вышелъ изъ алтаря и, привѣтствовавъ молящихся съ наступленіемъ новаго года, сказалъ слово, въ которомъ развилъ мысль о томъ, что время земной нашей жизни дано намъ для приготовленія къ будущей вѣчной жизни,—что оно быстро уходитъ, но тѣмъ болѣе мы должны имъ дорожить и употреблять для пользы души, для нашего спасенія,—что христіанство и возвѣщенное имъ спасеніе, какъ при появленіи своемъ встрѣтили себѣ враговъ въ лицѣ древняго язычества и іудейства, такъ и нынѣ они имѣютъ своихъ враговъ въ лицѣ новаго язычества и новаго іудейства,—что современное язычество есть то же, что и древнее, только иная мифологія и иные идолы; затѣмъ Преосвященный говорилъ объ эгоизмѣ, поклоненіи золотому тѣльцу и модѣ, какъ факторахъ, развращающихъ умъ и сердце современныхъ христіанъ и удаляющихъ ихъ съ пути спасенія. По окончаніи слова былъ отслуженъ новогодній молебенъ.—Это богослуженіе привлекло въ соборъ множество молящихся, особенно же много ихъ собралось къ молебну.

— 1-го января литургію въ кафедральномъ соборѣ, въ 9½ час. у., совершали Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній и Преосвященный Епископъ Василій въ сослуженіи: члена Государственнаго Совѣта протоіерея о. Тимоѣя Буткевича, о. архимандрита Аѳанасія, кафедральнаго протоіерея о. С. Любичаго, ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, протоіерея о. Г. Виноградова и священника о. Л. Твердохлѣбова. За литургіей была сказана проповѣдь протоіереемъ о. Василиемъ Борисоглѣбскимъ. Послѣ литургіи были отслужены новогодній молебенъ. На богослуженіи присутствовали: г. Харьковскій губернаторъ и вице-губернаторъ, командиръ 10-го арм. корпуса, генералитетъ, представители правительственныхъ и общественныхъ учреждений и множество молящихся.

— 3-го января, въ воскресенье, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Епископъ Василій въ сослуженіи соборнаго духовенства.

5-го января, въ навечеріе Богоявленія, въ кафедральномъ соборѣ, въ 11 час. у., была отслужена литургія св. Василия В., съ вечерней, которую совершалъ Преосвященный Епископъ Василій въ сослуженіи соборнаго духовенства. Въ концѣ литургіи было совершено въ храмѣ по чину освященіе воды, а послѣ онаго о. протодіакономъ было произнесено многолѣтіе съ полнымъ титуломъ Государя Императора, положенное на царскихъ часахъ.

Въ тотъ же день, въ 6 час. веч. были совершены всенощныя бдѣнія: въ кафедральномъ соборѣ—Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ, а въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященнымъ епископомъ Василиемъ.

— 6-го января, въ день Богоявленія, въ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній съ Преосвященнымъ Епископомъ Василиемъ. Въ служеніи участвовали: архимандриты Покровскаго монастыря: о. Іосифъ и о. Аѳанасій, кафедральный протоіерей о. С. Любичкій, ректоръ семинаріи протоіерей о. А. Юшковъ, ключарь собора протоіерей І. Гончаревскій и протоіерей о. Г. Виноградовъ. За литургіей проповѣдь была сказана священникомъ о. Петромъ Скубачевскимъ.—Послѣ литургіи изъ собора былъ совершенъ крестный ходъ на р. Лопань для освященія воды. Во главѣ крестнаго хода шелъ Преосвященный Василій, несшій на главѣ св. крестъ, ему предшествовали архимандриты и всѣ соборные и городскіе протоіереи, священники и діаконы. По сторонамъ пути были разставлены войска, при чемъ каждая часть имѣла свой оркестръ и встрѣчала крестный ходъ музыкою „Коль славень“.

Крестный ходъ остановился на Екатеринославскомъ мосту, гдѣ и совершенно было освященіе воды въ приготовленныхъ для сего чанахъ. При погруженіяхъ креста въ воду были произведены три ружейныхъ залпа войсками. Какъ по пути крестнаго хода, такъ и у рѣки было громадное скопленіе народа. Обратнo въ соборъ крестный ходъ продолжалъ въ томъ же порядкѣ. На богослуженіи присутствовали и въ крестномъ ходѣ принимали участіе г. Харьковскій губернаторъ, командиръ 10 арм. корпуса, городской голова и представители военнаго и другихъ вѣдомствъ. Въ крестномъ ходѣ, кромѣ церковныхъ хоругвей, были несены воинскія знамена и хоругви Союза Русскаго народа и Русскаго собранія.

Прот. І. Гончаревскій.

Торжественное празднованіе школьнаго юбилея Свато-Луцкими церковно-приходскими школами.

26 октября прош. г. въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ, Купянскаго уѣз., происходило празднованіе мѣстными церковно-приходскими школами двадцатипятилѣтія возстановленія церковныхъ школъ.

Наканунѣ, т. е. 25 октября, во всѣхъ трехъ церквахъ Сватовой-Лучки совершена была заупокойная литургія, а послѣ нея панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III и лицамъ, близко стоявшимъ къ церковно-просвѣтительному дѣлу. Вечеромъ того же числа совершено всенощное бдѣніе, а 26-го, въ 9 ч. утра, божественная литургія совершена была соборне всѣми четырьмя священниками въ Андреевскомъ храмѣ; по окончаніи ея—молебствіе—съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Арсенію съ его богохранимою паствою, начальствующимъ, учащимъ и учащимся церковныхъ школъ. За богослуженіемъ пѣлъ хоръ учениковъ мѣстной второклассной школы подъ управленіемъ старшаго учителя Я. А. Чернявскаго, а нѣкоторыя пѣснопѣнія („Вѣрую“ и „Отче Нашъ“) исполнены были всѣми учениками.

Самое празднованіе происходило въ зданіи Андреевской церковно-приходской школы. Большая классная комната искусно была декорирована: вывѣшены были на стѣнѣ, противъ входа, портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ: въ срединѣ—почившаго Государя Императора Александра III, по бокамъ—Государя Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны, украшенные гирляндами изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ и національными флагами;

на другой стѣнѣ красовался большого формата портретъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, украшенный вѣнками и флагами. Надъ украшеніемъ потрудились: учитель второклассной школы В. С. Евфимовъ и учительница церковной школы Т. П. Гурецкая.

Сюда къ 5 часамъ вечера собраны были учащіеся остальныхъ церковно-приходскихъ школъ во главѣ съ о.о. завѣдующими и учащими и размѣщены на заранѣе опредѣленныхъ мѣстахъ. Съ 5¹/₂ ч. вечера начали собираться приглашенные гости и родители учениковъ. Прибыли: Куняинскій уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, священникъ о. Василій Масловъ, мѣстная администрація: земскій начальникъ Н. И. Березницкій, судебный слѣдователь П. Т. Сиренко, становой приставъ П. И. Лавровскій, начальница мѣстной прогимназіи съ учительскимъ персоналомъ, учащіе въ мѣстныхъ училищахъ, ветеринарный врачъ В. А. Сербиновъ, земскій врачъ В. А. Плющъ, начальникъ станціи „Сватово“ и масса другихъ лицъ.

Въ 6 часовъ открылось торжество. Вначалѣ хоръ второклассной школы исполнилъ молитву Св. Духу: „Царю Небесный“...— столпового распѣва.

Когда собравшіеся размѣстились по своимъ мѣстамъ, на спеціально устроенное возвышеніе взошелъ законоучитель второклассной школы, священникъ о. Николай Чернявскій, и произнесъ вступительную рѣчь о состояніи народнаго просвѣщенія на Руси, начиная отъ временъ Св. Владиміра и до нашихъ дней; о той великой роли, какую играли и теперь играютъ въ исторіи нашей родины церковныя школы, являясь крѣпкимъ оплотомъ православной вѣры и народности... Въ заключеніе своей рѣчи ораторъ выразилъ надежду, что церковныя школы, достигшія усиліемъ духовенства и беззавѣтными трудами учащихся въ нихъ, довольно высокой степени своего развитія, въ будущемъ расцвѣтутъ еще больше и вполнѣ оправдаютъ довѣріе, выраженное Великимъ Монархомъ въ рескриптѣ, данномъ на имя Св. Синода 13 іюня с. г. По окончаніи рѣчи, имъ же прочитанъ былъ упомянутый Высочайшій рескриптъ. Въ отвѣтъ на милостивыя и поощрительныя слова Государя Императора всѣми учащимися и учащими исполненъ былъ національный гимнъ „Боже, Царя храни“. Послѣ этого на кафедре поднялся священникъ Сошествіевской церкви о. Дмитрій Томашевскій. Въ своей обстоятельной рѣчи онъ указалъ: на великія и неотъемлемыя заслуги церковныхъ школъ, на нѣ неблагопріятныя для ихъ жизни условія, при коихъ они функционировали и достигли настоящаго цвѣтущаго состоянія. По окончаніи рѣчи

хоръ исполнилъ гимнъ „Свв. Кириллу и Меѳодію“—Главача. Затѣмъ, мѣстный благочинный протоіерей Михайль Чернявскій,—основатель и строитель четырехъ Сватовскихъ церковныхъ школъ, прочель обширнѣйшій докладъ по устроению и открытію имъ церковныхъ школъ въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ.

Въ виду обширности доклада, по прочтеніи его, назначень былъ $\frac{1}{2}$ часовой перерывъ: гости приглашены были къ столу, гдѣ приготовлень былъ чай и десертъ.

Послѣ антракта, исполненъ былъ гимнъ: „Коль славенъ“...—Бортнянскаго, по окончаніи коего священникъ Успенской церкви о. Павлинъ Дементьевъ прочель докладъ по устройству имъ въ своемъ приходѣ зданія церковно-приходской школы и о состояніи учебнаго въ ней дѣла. Вслѣдъ за симъ исполнены были гимнъ: „Св. Влади-міру“—Главача и отрывокъ изъ оперы „Жизнь за Царя“ и „Боже, люби Царя“—Глинки.

По исполненіи гимна и отрывка изъ оперы, выступилъ учитель образцовой школы при второклассной школѣ А. А. Сапухинъ. Въ своей рѣчи, покрытой громомъ апплодисментовъ, онъ умѣло изобразилъ типъ церковнаго учителя, тѣ неблагопріятныя условія, при коихъ ему приходится жить и трудиться; указалъ на то, что эти работники, очень часто оторванные отъ міра, въ глуши исполняютъ величайшее и полезнѣйшее дѣло, все значеніе котораго и сами не всегда сознаютъ... „Да поддержитъ же духъ церковныхъ учителей, закончилъ ораторъ, сознание важности и необходимости того дѣла, которому они служатъ и за которое русскій народъ скажетъ имъ свое „спасибо“. Послѣ произнесенія рѣчи хоръ исполнилъ „Славься народу“... муз. Рахманинова. Затѣмъ, на кафедре вторично возшелъ священникъ о. Николай Чернявскій и прочель полученные привѣтствія: изъ Уѣзднаго Отдѣленія, отъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища И. И. Григоровича и мѣстнаго нотаріуса Я. А. Дунаева.

Въ заключеніе хоромъ учениковъ исполнена была молитва Пресвятой Богородицѣ „Достойно есть“—греческаго распѣва (Архіерейское), и собраніе объявлено было закрытымъ.

Когда гости разошлись, всѣмъ учащимся розданы были сласти: конфекты, пряники и орѣхи, доставленныя попечителемъ церковной (Андреевской) школы, купцомъ І. В. Бабинымъ.

Изъ школьнаго зданія почетные гости: администрація и учащіе всѣхъ школъ (церковныхъ и свѣтскихъ), приглашены были въ домъ священника о. Николая Чернявскаго, гдѣ имъ предложены были хлѣбъ-соль.

Священникъ Николай Чернявскій.

Отрадный примѣръ добрыхъ истинно-христіанскихъ отношеній прихожанъ къ своему пастырю.

Благочинный 3-го округа Зміевского уѣзда о. Николай Сергѣевъ пригласилъ 13 октября членовъ благочинническаго совѣта для провѣрки несовѣдныхъ книгъ церквей своего округа и рѣшенія другихъ текущихъ дѣлъ.

Пріѣхали о. члены часовъ въ 7 вечера. Занимались далеко за полночь. Но въ 6 часовъ утра о. благочинный былъ уже на ногахъ, и мы слышимъ звонъ церковнаго колокола. Спрашиваемъ, что значитъ, какой сегодня праздникъ? Отвѣчаетъ: „Я вчера служилъ вечерню, сегодня день моего рожденія и ангела (преподобнаго Николы святого). Посѣтили и мы въ храмъ.

Народу собралось—какъ въ праздникъ; клиросъ совершенно полный; поютъ все простое, но какъ-то особенно торжественно и умирительно. За утреней безъ перерыва слѣдуетъ Божественная литургія. Совершаетъ самъ о. имениникъ со слезами. Послѣ литургіи о.о. члены благочинническаго совѣта во главѣ съ о. имениникомъ среди церкви служатъ молебенъ преп. Николѣ.

Стройное, воодушевленное ихъ пѣніе приѣздовъ Святому повторяютъ всѣ клирошане и нѣкоторые изъ прихожанъ съ особеннымъ молитвеннымъ усердіемъ. Кончили молебенъ. О. имениникъ послѣ отпуска предложилъ для лобызанія Св. Крестъ о.о. членамъ благочинническаго совѣта и старшему изъ нихъ передалъ его для лобызанія народомъ. Принявъ крестъ, помощникъ благочиннаго обратился къ мѣстнымъ прихожанамъ съ сердечнымъ, прочувствованнымъ поздравленіемъ ихъ съ дорогимъ имениникомъ. Сравнилъ приходъ съ христіанскою семьєю, въ которой всѣ члены связаны искреннею любовію, гдѣ родители утѣшаются радостями дѣтей, а послѣдніе сочувствуютъ радостямъ родителей. Благодарилъ собравшихся въ храмѣ за примѣрное христіанское отношеніе къ своему пастырю, побудившее ихъ въ день его ангела помолиться за своего духовнаго отца въ храмѣ, несмотря на буденный день. Выразилъ имъ, что такія отношенія пасомыхъ къ пастырю благословляются Господомъ, что очевидно и для нихъ самихъ. Богъ благословилъ нашъ край въ прошломъ и семь году урожаемъ хлѣба; но въ с. Яковенковомъ въ оба эти года обильнѣе урожай, чѣмъ въ сосѣднихъ селахъ. Въ окружающихъ Яковенково селахъ въ послѣднее время свирѣпствуютъ различныя болѣзни: скарлатинъ, дифтеритъ, свинка и тифъ; село Яковенково благополучно отъ этихъ болѣзней. Все это свидѣтельствуешь

о благословеніи Божиємъ на васъ за дружную молитвенную вашу связь со своимъ духовнымъ отцомъ, который усердно молится за васъ, а вы, какъ въ настоящій день его ангела показали, молитесь за него. Далѣе проповѣдникъ пожелалъ имъ и въ будущемъ также свято сохранять сыновнія чувства къ своему пастырю.

При выходѣ изъ церкви и ограды всѣ бывшіе въ храмъ прихожане (исключительно простые крестьяне) наперерывъ подходили подъ благословеніе къ своему имениннику, спѣша каждый поздравить его съ днемъ ангела и густою толпою провожая его до калитки двора; послѣ чего вся площадь вокругъ храма огласилась отъ прихожанъ пѣніемъ многая лѣта имениннику.

Селенія Бригадировки, Зміевского уѣзда, Іоанно-Богословской церкви *священникъ Іоаннъ Торанскій.*

НЕКРОЛОГЪ.

2 ноября сего 1909 года на 74 году жизни своей тихо скончался въ г. Валкахъ, старѣйшій священнослужитель—штатный діаконъ Рождество-Богородичной церкви, о. Максимъ Аѳанасьевичъ Сорочинскій. Сынъ діакона г. Богодухова, М. А. родился 19 февраля 1836 года; обучался въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ. Службу свою почившій началъ въ 1853 году, когда архіепископомъ Филаретомъ былъ опредѣленъ пономаремъ къ Покровской церкви с. Каленикова, Валковскаго уѣзда; въ 1855 году М. А. перемѣщается къ Соборно-Преображенской церкви, г. Валокъ; въ 1865 г. назначается дьякомъ того же собора; въ 1885 г. рукополагается во діакона къ Рождество-Богородичной церкви, г. Валокъ; съ 1894 по 1898 г. состоялъ и. д. учителя мѣстной церковно-прих. школы. За свою долговременную, ревностную и безпорочно-усердную службу М. А. одновременно получилъ Архипастырское благословеніе, благодарность и орденъ св. Анны 3 степени.

Прихожане любили его. Онъ былъ примѣрнымъ, честнымъ священнослужителемъ, болѣе 50 лѣтъ непрерывно воспѣвавшимъ хвалу Богу. Онъ иѣлъ ее до самаго гроба... На немъ исполнились слова псалмопѣвца Давида: „Пою Богу моему, дондеже есмь“ (Псал. 103, 33).

Пишущему эти строки за нѣсколько дней до смерти высокочтимаго о. діакона пришлось служить съ нимъ въ Рождество-Богородичномъ храмѣ. То было послѣднее наше совмѣстное служеніе, прощальное служеніе... Я его не забуду никогда. Рано началось

оно. Сѣрѣло... Моросилъ осенній дождь... Я, занятый многими дѣлами, спѣшилъ въ чужой храмъ для молитвы и думалъ: никого въ немъ еще нѣтъ... И что же? Вѣрный рабъ Божій, достойный священнослужитель о. Максимъ уже горячо молился въ немъ „о всѣхъ и за вся“. Началось служеніе. Умиленно звучалъ его старческій голосъ: онъ дрожалъ и трогалъ сердце... По лицу его струились слезы,—слезы умиленія... О, священныя минуты... Я ихъ не забуду никогда—до гробовой доски. Да, съ нимъ можно было молиться...— По свидѣтельству мѣстнаго священника онъ всегда являлся за часъ до начала церковной службы и служилъ благоговѣнно, отложивъ всякое житейское попеченіе.—Покойный былъ доброй души человекомъ и истинный христіанинъ. Кто изъ знавшихъ его не помнитъ его кроткаго, всегда вѣжливаго обращенія, его добраго здравія, его желанія всѣмъ добра—даже врагамъ своимъ. Онъ помнилъ заповѣдь Спасителя, молившагося на крестѣ за враговъ Своихъ и вмѣстѣ съ возлюбленнымъ Апостоломъ Іего Іоанномъ часто говорилъ: „Дѣти, любите другъ друга“.

Погребеніе М. А. совершено 4 ноября послѣ заупокойной литургии, на которой въ обычное время свящ. Павломъ Курскимъ произнесено прощальное надгробное слово. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ говорилъ: о нашемъ земномъ странствованіи, о странствованіи покойнаго, о поучительныхъ чертахъ изъ его жизни и о молитвѣ за умершаго на основаніи св. Писанія. Съ большимъ трудомъ пришлось произносить это слово, такъ какъ вся церковь рыдала.

Чинъ погребенія совершилъ благочинный, протоіерей о. А. Новскій, въ сослуженіи 4 священниковъ и 2 діаконѣвъ; мѣстный священникъ Г. Оминъ сказалъ надгробную рѣчь.

Послѣ умершаго о. діакона осталась 70 лѣтняя больная старуха—жена, которая, видимо, скоро пойдетъ вслѣдъ за мужемъ своимъ.

А ты, добрый и вѣрный рабъ Христовъ, примѣрный труженникъ на нивѣ Божьей, войди въ радость Господа твоего! Да упокоитъ Онъ, Всеблагій, твою чистую душу въ селеніяхъ праведныхъ. И образъ твой да запечатлѣется на скрижаляхъ сердець священнослужителей, знавшихъ и любившихъ тебя, и да побуждаетъ онъ ихъ къ достойному прохожденію высокаго, но крайне тяжелаго званія своего...

Священникъ Павелъ Курскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Новый Экзархъ Грузіи.

На кафедре Экзарха Грузіи Высочайшимъ указомъ назначенъ Высокопреосвященный Иннокентій, епископъ Тамбовскій. Высокопреосвященный Иннокентій, въ мѣрѣ Іоаннъ Васильевичъ Бѣляевъ,—уроженецъ Владимірской губерніи. Въ 1885 г. онъ окончилъ курсъ Казанской академіи и въ томъ же году назначенъ учителемъ Тобольскаго епархіальнаго училища. Потерявъ жену и дѣтей, Іоаннъ В. Бѣляевъ въ 1895 г. принялъ монашескій постригъ, съ именемъ Иннокентія, и возведенъ былъ въ санъ архимандрита, съ назначеніемъ его ректоромъ Литовской семинаріи. Обнаруживъ замѣчательныя способности и выдающуюся эвергію, какъ педагогъ-администраторъ, архимандритъ Иннокентій не оставлялъ научныхъ занятій и въ 1899 г. защитилъ ученую работу на степень магистра богословія. Въ 1899 г. архим. Иннокентій возведенъ былъ въ санъ епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи. Сотрудничалъ въ журналѣ „В. и Р.“. 1901 г. — епископъ Нарвскій. Въ 1903 г. назначенъ былъ на самостоятельную кафедру еп. Тамбовскаго. Преосвященный Иннокентій Высочайше дважды вызывался къ присутствованію въ св. Синодѣ. Новый Экзархъ Грузіи имѣетъ орденъ: Анны 1 ст. и Владиміра 2 ст.; послѣ Саровскихъ торжествъ Высочайше пожалованъ панатей съ драгоценными украшеніями.

Опредѣленіе Полоцкой духовной Консисторіи.

Полоцкая духовная Консисторія опредѣлила и Его Преосвященство утвердилъ: обязать псаломщиковъ по должности своей организовать хоры при церквахъ, производить спѣвки и вообще руководить церковными хорами бесплатно, такъ какъ это входитъ въ кругъ ихъ прямыхъ обязанностей по должности псаломщика, нерадивыхъ же псаломщиковъ или малознающихъ въ семъ отношеніи, подвергать строгой отвѣтственности (перемѣщенію на худшія мѣста, отрѣшенію отъ мѣсть); при чемъ опредѣлять на мѣста псаломщиковъ только такихъ, кои не только способны пѣть и читать, но и руководить хорами могутъ. О чемъ и дать звать духовенству указами чрезъ благочинныхъ, коимъ вмѣнить въ обязанность о псаломщикахъ неисправныхъ или малознающихъ въ пѣніи и управленіи хоромъ доносить Епархіальному Начальству. При посредствѣ экзаменовъ лицъ, ищущихъ мѣсть на должность псаломщика, приглашать для производства

испытанія знаній по церковному иѣнью и умѣнью бытъ и управителемъ хоромъ, кого-либо изъ лицъ—спеціалистовъ сего дѣла, для испытанія же по чтенію и вообще знанію устава и навыка къ практическому отправленію богослуженія кандидатовъ на должность псаломщика посылать на два—три дня на испытаніе въ кафедральный соборъ, гдѣ они обязаны подъ наблюденіемъ причта на клиросѣ и показать свои познанія, и затѣмъ представить отзывъ очереднаго священника объ оказавшемся по испытаніи. Настоящее опредѣленіе объявляется къ свѣдѣнію и должному исполненію духовенства епархіи, а равно и къ свѣдѣнію ищущихъ должности псаломщика. („Полоцк. Еп. В.“ № 49).

Къ борьбѣ съ сектантствомъ.

23 септѣбри и. г. въ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія подъ предѣдательствомъ епископа гдовскаго Кирилла состоялось довольно многолюдное собраніе столичнаго духовенства, обсуждавшее вопросъ о приходской миссіи, въ виду усиленія сектантской пропаганды въ Петербургѣ. Присутствовало нѣсколько сотъ протоіереевъ, священниковъ, низшіе чины клира и нѣкоторые церковные старосты. Первымъ говорилъ предѣдатель миссіонерскаго совѣта, епископъ нарвскій Никандръ. Въ теченіе часа имъ весьма обстоятельно изложены свѣдѣнія о распространеніи сектантства, объ отношеніи къ новымъ религіознымъ вѣяніямъ въ народѣ духовенства и т. д. Пропаганда идетъ повсюду въ Россіи и особенно сильно въ Петербургѣ. Дворники, почтальоны, кондуктора сплошь являются активными сектантами.

Народъ весьма охотно идетъ къ евангельскимъ христіанамъ, баптистамъ и др., когда слышитъ отъ нихъ уккоризненныя рѣчи по адресу православнаго духовенства, берушаго платы за требы, и т. п. Іоаннитовъ также слѣдуетъ причислить къ сектантамъ, и весьма вреднымъ. Уккоризны по отношенію къ духовенству имѣютъ сильное основаніе: оно крайне недѣятельно, даже равнодушно къ исполненію долга пастырской совѣсти. Всѣ видятъ, что народъ ищетъ вѣры: народъ идетъ страшными массами туда, гдѣ ему участливо объясняютъ евангеліе, проповѣдуютъ, гдѣ ему благодворятъ. „Стѣны трещать“, какъ выразился епископъ Никандръ, отъ такихъ сборищъ. Истекшее лѣто петербургскіе батюшки проводили по дачамъ, такъ какъ не видѣли въ городѣ никакой работы, а въ то же время въ Чернышевскомъ переулкѣ происходило крещеніе баптистовъ, по 30 человекъ въ недѣлю. Устроенные недавно въ нѣсколькихъ пунктахъ

города миссіонерскіе курсы потеряли теперь всякую жизнеспособность, вслѣдствіе неопытности и невнимательности ихъ руководителей—приходскихъ священниковъ. Лишь на Выборгской сторонѣ антисектантская работа идетъ вполне успѣшно. Ближайшими мѣрами для борьбы съ сектантствомъ необходимо признать: рядъ систематическихъ проповѣдей въ будніе дни (церкви должны быть постоянно открыты, а не только во время богослуженій), организація общаго пѣнія, широкое распространеніе бесплатныхъ листовъ съ бесѣдами на религіозно-нравственныя темы (до сихъ поръ такихъ листовъ выпущено 500,000), наконецъ—устройство обществъ трезвости. Для общенароднаго пѣнія печатается особая книжечка, цѣной не дороже 2 коп. Въ заключеніе епископъ Никандръ отмѣтилъ антисектантскую дѣятельность уѣздныхъ священниковъ и указалъ, что миссіонерскому совѣту предстоитъ тяжелая задача найти средства для продолженія работы. Слѣдующій ораторъ, священникъ Дьяковъ, видитъ корень всѣхъ бѣдъ въ отсутствіи всякаго единенія между священниками и въ разобщенности духовенства и епископовъ. Много значить и то, что приходъ вовсе не занимается благотворительностью. Прот. Кондратьевъ опровергъ послѣднюю мысль, приведя нѣсколько цифръ. Сектантское движеніе, по его мнѣнію, оказало большую пользу православію, вызвавъ духовенство на активную работу. Прот. Ф. Н. Орнатскій предложилъ устроить въ ближайшіе праздники спеціальныя собесѣдованія съ народомъ о сектантствѣ и отслужить молебствія о возвратѣ отпавшихъ въ лоно Церкви. Остальные 2—3 оратора говорили вяло и безжизненно. По предложенію епископа Кирилла собраніе приняло къ исполненію тѣ предложенія, которыя сдѣланы епископомъ Никандромъ и прот. Ф. Н. Орнатскимъ.

„Совр. Лѣт.“.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Ученіе и развлеченія.

Министерство нар. просвѣщенія обратило вниманіе на тѣ стороны школьной жизни, которыя со временъ пресловутой реформы на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ оставались въ полномъ пренебреженіи.

Въ истекшемъ академическомъ году были подтверждены правила, касающіяся поведенія учащихся въ общественныхъ мѣстахъ. Къ началу нынѣшняго года опубликованы правила относительно

устройства ученическихъ спектаклей, концертовъ и танцевальныхъ вечеровъ, которые не будутъ разрѣшены впередъ подъ праздники и въ теченіе Великаго поста. Запрещенъ издавна практиковавшійся способъ сбыта билетовъ. Установленъ часъ, къ которому спектакли, концерты и балы должны заканчиваться. Ученики, желающіе участвовать въ качествѣ исполнителей, обязаны представить разрѣшеніе родителей или опекуновъ.

Нельзя сказать, чтобы этимъ все было сдѣлано. Но уже отрадно то, что министерство вступило на надлежащій путь и, конечно, его не покинетъ.

До сихъ поръ вопросъ о развлеченіяхъ для учащихся игнорировался педагогами-практиками, а педагоги-теоретики писали о немъ скучныя сочиненія, которыхъ публика не читала. Между тѣмъ правильная постановка его менѣе важна, чѣмъ постановка собственно учебнаго дѣла. Полезно, чтобы учащіеся въ мѣру развлекались, но у насъ выходитъ какъ-то такъ, что, развлекаясь, отвлекаются отъ учебныхъ занятій и забрасываютъ ихъ. Возьмите для примѣра ученическіе спектакли.

Сколько времени уходитъ на долбленіе ролей, считки и репетиціи у учениковъ. Вниманіе разсѣивается, ученіе становится скучнымъ, обременительнымъ. Только и разговоровъ, что о спектаклѣ. Въ результатѣ—„сверхемѣтные“ двойки и колы.

Не только ученическіе и домашніе спектакли вредны, но не особенно полезно и посѣщеніе театровъ.

Во-первыхъ, современный театръ съ его моднымъ репертуаромъ всего менѣе можетъ служить развитію здоровыхъ художественныхъ вкусовъ, во-вторыхъ, молодежь черезчуръ имъ увлекается и долго остается подъ властью впечатлѣній, мѣшающихъ сосредоточиться на учебныхъ занятіяхъ.

Недаромъ англійская школа, во многихъ отношеніяхъ образцовая, смотритъ на театры далеко не одобрительно. Поощряютъ и различные виды спорта и вообще физическія упражненія. Отъ время до времени для воспитанниковъ устраиваютъ состязанія, которыя проходятъ удивительно оживленно и весело, доставляя юношеству настоящее и вполне безвредное удовольствіе.

Намъ мечтать о чемъ-либо подобномъ еще рано. Для этого пришлось бы измѣнить укладъ и школьной и внѣшкольной жизни учащихся, а сразу подобныя метаморфозы не совершаются. Но если трудно теперь же организовать здоровыя и полезныя развлеченія, то необходимо до возможной степени обезвредить сомнительныя и

малополезныя. Къ послѣднимъ, кромѣ театра, надо отнести танцевальныя и костюмированныя вечера.

Отчего не потанцевать? Что въ этомъ дурного? Но посмотрите, во что это обращается: барышни еще задолго до бала погружаются въ заботы о туалетѣ. Сколько волненій, огорченій, слезъ. Дѣвушки изъ бѣдныхъ семей тянутся за богатыми и полны думой быть одѣтыми не хуже другихъ. Объ учебныхъ занятіяхъ забываютъ и думать.

За послѣднее время въ число развлеченій вошли кинематографы. Но очень мало кинематографовъ, которые можно бы было смотреть съ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторой пользой. Обыкновенно преподносятся пошлѣйшія „пьесы“, съ раздѣваніемъ, съ адюльтерами и т. п. Оно и понятно. Содержатели „электрическихъ театровъ“ рассчитываютъ исключительно на улицу, на толпу, требующую зрѣлищъ позабористѣе. И эти забористыя зрѣлища доступны юношамъ, подросткамъ, малышамъ.

Родители равнодушны къ тому, чѣмъ развлекаются дѣти. Вѣдь они сами не слишкомъ разборчивы и щепетильны по части развлеченій. Школа еще не чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы начать рѣшительную борьбу. Дай Богъ, чтобы она поскорѣе вошла въ силу, такъ какъ доброе желаніе у нея, повидимому, есть.

(„Колоколь“).

Калининъ.

Общество взаимности славянскихъ ученыхъ.

По инициативѣ проф. Бехтерева, при психо-неврологическомъ институтѣ, въ Петербургѣ, устраивается общество съ задачею: объединить ученыхъ всѣхъ славянскихъ народовъ. До сихъ поръ между славянскими учеными нѣтъ почти никакой связи; труды, напримеръ, знаменитыхъ чешскихъ, польскихъ, сербскихъ ученыхъ мало извѣстны русскимъ ученымъ и обратно. Объединенная славянская наука, между тѣмъ, будетъ представлять большую силу, съ которой придется другимъ народамъ серьезно считаться.

Очень интересная была лекція, которую прочиталъ проф. К. Ф. Жаковъ, въ организаціонномъ собраніи общества на тему „Идейно-культурное значеніе объединенной научной дѣятельности славянскихъ ученыхъ“.

Обращая взоръ на историческое и культурное прошлое всѣхъ великихъ народовъ, лекторъ находитъ ясныя доказательства своей основной мысли, что каждая раса, каждый народъ вноситъ свой личный вкладъ, свое особое участіе въ міровой прогрессъ. Русский

народъ съ остальными славянами готовится въ настоящее время къ исполненію этой своей міровой задачи.

Черезъ своихъ пророковъ, каковыми были Хомяковъ, Достоевскій, Пушкинъ, Соловьевъ, Толстой и другіе, проявлена та грядущая могучая сила славянской расы. Славянофилы, вѣрующіе въ особую міровую задачу славянства, въ основной мысли своей были совершенно правы. Сознвая все это, задача современныхъ славянскихъ ученыхъ—объединеніемъ создать всѣ благопріятныя условія для правильнаго проявленія и развитія славянскаго духа.

Послѣ лекціи, встрѣтившей горячее одобреніе, собраніемъ было разсмотрѣно уставъ общества. Проф. Жаковъ, д-ръ П. С. Шайковичъ и проф. Володиміровъ приняли на себя задачу окончательной редакціи устава.

Проф. Вехтеревымъ было сообщено, что В. П. Глѣбова пожертвовала обществу 6,000 рублей, проценты съ которыхъ будутъ выдаваться на разныя изданія сочиненій славянскихъ ученыхъ на русскомъ языкѣ.

Дальше, собраніемъ разсмотрѣно предложеніе проф. Погодина объ устройствѣ курсовъ по славяновѣдѣнію и предложеніе профессоровъ психо-неврологическаго института объ устройствѣ въ Петербургѣ съѣзда славянскихъ психомоговъ и неврологовъ.

Постановлено: устроить курсы по славяновѣдѣнію съ будущей осени, а съѣздъ созвать въ началѣ сентября 1910 года.

(„Свѣтъ“)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Свящ. *И. Браиловскій*. „Вѣчныя таблицы, показывающія, въ какомъ году и какого числа какіе приходятся: недѣли, гласъ и чтенія воскресныхъ евангелій и апостоловъ, съ измѣненіями, положенными церковнымъ уставомъ.“ Изданіе 2-е. Лебединъ 1909 г., стр. I—XX.

Привѣтствуя появленіе въ нашей литургической литературѣ изданной свящ. Браиловскимъ брошюры подъ указаннымъ выше названіемъ, мы признаемъ полную необходимость и своевременное появленіе такого практическаго руководства для священнослужителей.

Въ нашихъ духовныхъ школахъ, подготовляющихъ пастырей церкви и дающихъ имъ необходимыя практическія знанія, изученіе пасхалій и до послѣдняго времени не давало болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ,—въ послѣднее же время эта наука совершенно исключена изъ курса семинарскихъ наукъ. Въ связи съ этимъ пользованіе *зрячей пасхаліей* или таблицами, помѣщенными въ концѣ

Типикона является для священнослужителей особенно затруднительнымъ: навѣкъ въ подыскиваніи нужныхъ свѣдѣній о недѣлѣ, гласахъ и зачалахъ, пріобрѣтаютъ далеко не всѣ воспитанники семинаріи и можно сказать, что большинство изъ нихъ, при поступленіи на священно-служительскія мѣста, предпочитаютъ довѣряться календарю съ его частыми ошибками и неясными указаніями, а не руководствованнымъ указаніямъ Типикона.—Указанное руководство свящ. Браиловскаго дастъ возможность, послѣ внимательнаго знакомства съ составленными имъ таблицами и объясненіемъ къ нимъ, каждому священнослужителю довольно свободно находить нужныя для него свѣдѣнія.

При болѣе внимательномъ знакомствѣ съ указанной брошюрой не можемъ не отмѣтить въ ней нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ и недомолвокъ, которыя легко устранимы и отсутствіе которыхъ придавало-бы брошюру еще большую цѣнность. На первой же страницѣ брошюры встрѣчается названіе „индиктіонъ“. Желательно было бы, чтобы авторъ, употребивъ этотъ терминъ, сейчасъ же и сдѣлалъ объясненіе его, приблизительно въ такомъ родѣ: „Индиктіонъ есть періодъ времени съ 532 года. По прошествіи этого періода, круги солнечный и лунный начинаются опять вмѣстѣ, въ одно время, т. е. 1 марта бываетъ тогда и полнолуніе и пятница, а числа пасхи повторяются опять въ прежнемъ порядкѣ, какъ и въ предыдущемъ индиктіонѣ“. Не говоримъ уже о томъ, что этотъ терминъ, какъ и многіе другіе термины Типикона, мало и, можетъ быть, совсѣмъ непонятенъ многимъ, пользующимся брошюрою; безъ такого поясненія совершенно непонятнымъ становится, почему это авторъ начинаетъ свои таблицы съ 1409 года, а не ранѣе и не позже. Краткій намекъ на то, что разумѣется подъ индиктіономъ, мы встрѣчаемъ на страницѣ IV брошюры въ подстрочномъ примѣчаніи,—но это примѣчаніе, не давая полнаго понятія объ индиктіонѣ, только больше говоритъ о необходимости предварительнаго выясненія этого понятія. Далѣе, мы не находимъ объясненія, почему указатели чиселъ мѣсяцевъ въ таблицѣ на стр. V—XII иногда подраздѣляются на двѣ графы,—напр., А, составляетъ особую графу, и далѣе А и В составляютъ одну графу,—В и В—также одну графу и т. д. Для человека, знакомаго съ дѣломъ, ясно, что здѣсь имѣются въ виду високосные и невисокосные годы, но это требуетъ поясненія для лицъ, всецѣло довѣряющихся только даннымъ таблицамъ,—равно какъ непонятно, что означаютъ буквы, поставленныя внизу подъ таблицами на страницахъ 6, 8, 10 и 12.

Наконецъ,—не совѣмъ яснымъ представляется замѣчаніе на стр. XIII: „если триодъ, то чтеніе евангелія и апостола отмѣняется“. О какомъ евангеліи и апостолѣ здѣсь говорится? О томъ-ли, какое указано въ таблицахъ предыдущихъ рядовыхъ чтеній или о чтеніяхъ, упоминаемыхъ въ таблицѣ дополнительной?

Всѣ указанныя нами пропуски и неточности, конечно, легко устранимы и не умаляютъ значенія брошюры о. Браиловекаго. Въ заключеніе, приносимъ искреннюю благодарность свящ. Браиловекому за его кропотливый и тяжелый трудъ по составленію таблицы и весьма внимательное отношеніе къ вышней сторонѣ труда (брошюра издана очень тщательно, чисто и безошибочно), пожелаемъ ему успеха въ распространеніи этой брошюры среди не только мѣстнаго духовенства Харьковской епархіи, но и другихъ епархій, какъ брошюра очень полезной въ богослужебной практикѣ священнослужителей, путемъ возможно болѣе широкой публикаціи о ея выходѣ въ свѣтъ.

С. Ч.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Народное Образованіе

Изданіе Училищнаго Совета при Святейшемъ Синодѣ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

по вопросамъ народно-школьнаго образованія остается по-прежнему неизмѣнной. Мы не имѣемъ вѣры въ такъ называемую „свѣтскую“ (религіозно не обоснованную) школу, и, въ противоположность сторонникамъ такой школы, утверждаемъ, что религія неотдѣлима отъ школьнаго дѣла, и познаніе ея должно быть организовано и обезпечено въ народныхъ школахъ всѣхъ системъ. Девизомъ журнала „Народное Образованіе“, за всѣ годы его изданія, служилъ принципъ: „религія есть основа народнаго воспитанія и образованія“.

НАРОДНО-ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА ВЪ РОССІИ

при всѣхъ дальнѣйшихъ ея усовершенствованіяхъ и реформахъ должна необходимо заключать въ себѣ церковно-приходскія школы, въ которыхъ такъ много работало и работаетъ духовенство для просвѣщенія народа.

Журналь „Народное Образование“ всецѣло посвященъ разработкѣ вопросовъ школьнаго и вѣтшкольнаго образованія народа: задача его ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать практически разумной, прочно и методически обоснованной постановкѣ дѣла воспитанія и обученія въ церковной и вообще въ русской народной школѣ.

Въ 1910 году журналь будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ: 1. Очерки, рассказы, характеристика, воспоминанія изъ школьной жизни. 2. Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. 3. Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. 4. Обзорѣніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. 5. Изъ школьной практики (практическія указанія въ методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы: примѣрные уроки: планы занятій: замѣтки по училищевѣдѣнію). 6. Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). 7. Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. 8. Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. 9. Библиографическій листокъ. 10. Самообразование учителя (популярныя статьи по предметамъ общаго образованія).

Кромѣ книгъ журнала подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльныхъ приложеній: 1) Школьный календарь на 1910—1911 учебный годъ. 2) Книжки для учительской бібліотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и Книжки для ученической бібліотеки (дѣтскіе рассказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для классаго пѣнія. 4) Рисунки и снимки съ картинъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналь допущенъ въ народныя бібліотеки и читальни,—равно и въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

На международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ 1904 года журналь „Народное Образование“ удостоенъ золотой медали.

Подписная цѣна на журналь 3 руб. за годъ съ пересылкою.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (Кабинетская, 13).

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: С.-Петербургъ, Кабинетская ул., № 13, въ редакцію журнала „Народное Образование“.

Редакторъ *И. Мирносоцкій*.

ОБЪ ИЗДАНИИ МИССИОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

„Православный Благовѣстникъ“ въ 1910 г.

(Восемнадцатый годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ продолжается и въ 1910 году.

„Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, имѣетъ своею цѣлю, съ одной стороны, выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой — возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

Мы думаемъ, что свѣдѣнія о состояніи нашихъ миссій и апостольской дѣятельности нашихъ отечественныхъ миссіонеровъ (вѣропроповѣдниковъ) не могутъ не представлять живого интереса для всѣхъ, кому дороги успѣхи православной церкви и русской гражданственности. Сообщение же этихъ свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“.

Программа журнала слѣдующая:

I. **Отдѣлъ оффиціальныи.** Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества.

II. **Руководящія статьи** по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи.

III. **Современное поположеніе отечественныхъ миссій.** Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники — въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сблизенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ.

IV. **Очерки и рассказы** изъ исторіи первоначальнаго расироураченія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ.

V. **Миссіонерская дѣятельность на западѣ.** Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ.

VI. **Извѣстія и замѣтки:** краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и занимаемыя изъ газетъ, писемъ и пр.

VII. **Библиографія.** Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству.

VIII. **Извѣстія о пожертвованіяхъ,** поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій.

IX. **Объявленія.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць (15 и 30) книжками въ объемѣ четырехъ печатныхъ листовъ каждая. Цѣна изданія **четыре рубля 50 коп.** безъ пересылки и **пять рублей** съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Лиховъ пер. (близъ Каретнаго ряда), Епархіальный Домъ.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прежніе (съ 1893) годы могутъ быть высланы по три рубля.

Редакторъ Н. Комаровъ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1910 ГОДУ

На еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА

XXVI годъ изданія.

Въ теченіе года подписчики получаютъ: 50 №№ журнала, содержащихъ интересный и увлекательный матеріалъ для чтенія, всегда обильно иллюстрированный. Множество различныхъ отдѣловъ. Въ теченіе года—рядъ конкурсныхъ задачъ на цѣнные книжныя преміи.

Основные отдѣлы журнала: географія, путешествія, этнографія, естествознаніе.

14 книгъ великолѣпно иллюстрированныхъ современнаго итальянскаго писателя, талантливаго послѣдователя школы Жюль Верн **ЭМИЛІО САЛЬГАРИ**.

СОДЕРЖАНІЕ: Владыка морей. Картины жизни Индійскаго океана. Человѣкъ огня. Исторія появленія первыхъ европейцевъ въ Бразиліи и ихъ столкновенія съ туземцами.—Сокровище голубыхъ горъ. Морская жизнь и экзотическая природа.—Въ дебряхъ Атласа. Охота, приключенія и природа невѣдомаго уголка Сѣверной Африки.—На Дальнемъ Западѣ. Борьба бѣлыхъ съ краснокожими въ Сѣверной Америкѣ.—Капитанъ Ураганъ. Историческій романъ эпохи борьбы Венеціи съ турками.—Охотница за скальпами. Природа, охота и приключенія среди индѣйцевъ.

10 книгъ полнаго собранія сочиненій современнаго американскаго писателя, единственнаго въ своемъ родѣ художника-бытописателя животнаго міра, создавшаго цѣлый рядъ послѣдователей и подражателей **ЭРНЕСТА ТОМПСОНА-ЭТОНА**, обильно и прекрасно иллюстрированныхъ самимъ авторомъ.

Содержаніе: Юные дикари, жизнь двухъ подростковъ въ лѣсу. Мои дикіе знакомые, рассказы. Біографія серебряной лисицы. Животный-герои, рассказы. Біографія Гризли. По слѣдамъ оленя. Монархъ—большой талаксій медвѣдь. Изъ жизни гонимыхъ, рассказы и т. д.

Особое бесплатное приложеніе 1910 г. Полный практическій и общедоступный самоучитель и хрестоматія вспомогательнаго международнаго языка **Эксперанто**, изучить который можно въ 2—4 недѣли, и знаніе котораго можетъ замѣнить для людей, не властвующихъ иностранными, все языки міра, открывая возможность широкаго общенія съ огромной арміей эсперантистовъ во всехъ частяхъ свѣта.

Кромѣ того, съ принагою одного рубля подписчики получаютъ роскошную премію: 12 выпусковъ общедоступной зоологіи извѣстнаго англійскаго натуралиста Чарльса Коринтъ: **Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры** (птицы, рыбы, насѣкомыя и все низшія), содер-

жащей тексты и нѣсколько сотъ фотографій. Это въ высшей степени содержательное сочиненіе необходимо для каждой семьи и школы, для каждаго любителя природы.

Цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 5 рублей съ альбомомъ „Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры“. 4 руб. безъ альбома „Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры“.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 Января 2 р., 1 Юля 1 р.

Адресъ конторы журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“: Москва, Тверская улица, домъ Т-ва П. Д. Сытина, Изданіе Т-ва П. Д. Сытина.

Открыта подписка въ 1910 г.

НА ПРОПОВѢДНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ Годъ II-й.

„ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“

„Духовная Бесѣда“ будетъ выходить въ свѣтъ въ 1910 году ежемѣсячно по слѣдующей программѣ и въ такомъ объемѣ и составѣ:

12 выпусковъ избранныхъ и составленныхъ по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ словъ и поученій на праздники большіе, малые, дни воскресные, царскіе, поминальные и нѣкоторые будни.

12 выпусковъ „Поученій и Рѣчей“ на разные случаи, примѣнительно къ злобамъ дня и запросамъ времени, изъ практики настыря и жизни христіанина отъ рожденія до кончины его, дабы настырь-проповѣдникъ, имѣя подъ руками такое пособіе, могъ во всякое время легко и свободно дать отвѣтъ каждому „вопрошающему о нашемъ упованіи“.., обнимая собою всю дѣятельность приходскаго настыря, какъ проповѣдника, учителя и руководителя народа.

12 выпусковъ „Живого Слова“, въ которые войдутъ замѣтованные изъ жизни современныхъ христіанъ: темы, планы и подробные конспекты для импровизаціи, или изустнаго произнесенія поученій и замѣты книжной, сухой и холодной проповѣди, живымъ словомъ, живою рѣчью. На этотъ отдѣлъ будетъ обращено особое вниманіе.

6 выпусковъ „Проповѣдническаго Обзорнія“ куда войдутъ: мысли и замѣтки по проповѣдничеству, главнымъ образомъ относящіяся къ импровизаціи, статьи о церковномъ краснорѣчій; руководящія статьи и наставленія о „живомъ словѣ“; критико-библіографическіе отзывы о современной проповѣди, проповѣдникахъ, книгахъ и изданіяхъ вѣроучителей, нравоучителей и просвѣтительнаго характера.

3 выпуска Катехизическихъ поученій подъ заглавіемъ „Вѣра, Надежда и Любовь“.

3 выпуска Миссіонерскихъ поученій въ обличеніе прежнихъ сектанскихъ и новѣйшихъ лжеученій.

3 выпуска поученій инокамъ, подъ заглавіемъ „Не отъ міра сего“.

3 выпуска поученій воинамъ, подъ заглавіемъ „Христіюбивому воинству“.

1 календарь справочникъ, заключающій въ себѣ: святцы, апостольскія и евангельскія чтенія на весь годъ, особенности богослуженія, тексты и изреченія, темы поученій на приходскія требы и т. п. Необходимая настольная книга для каждаго проповѣдника Слова Божія.

„Духовная Бесѣда“ имѣетъ въ виду пополнить весьма существенный пробѣлъ въ нашей гомилетической литературѣ—отсутствіе спеціального проповѣдническаго періодическаго изданія, столь необходимаго и важнаго для постырей церкви, такъ что это будетъ единственный вѣропроповѣдническій журналъ.

„Духовная Бесѣда“ будетъ разсылаться подписчикамъ заблаго-

ОБЪЯВЛЕНІЯ

временно до того срока, на который проповѣди предназначены, поэтому для современнаго полученія журнала, слѣдуетъ подписываться на него тоже заблаговременно. Первый выпускъ „Духовной Бесѣды“ выйдетъ въ свѣтъ въ Декабрѣ.

Подписная цѣна: 2 р. въ годъ, за границу 3 руб.

Благочиннымъ, выписывающимъ на округъ 10 экземпляровъ 11-й безплатно.

Подписныя деньги и всякаго рода корреспонденціи просятъ направлять по адресу: ПАВОЛОЧЬ, Кіевской губерніи, въ редакцію „Духовной бесѣды“.

По тому же адресу можно выписывать слѣдующія книги

Священника Серапіона Брояковскаго:

Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни. Изд. 3-е, значит. дополненное, цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

Поученія и рѣчи на воскресн., праздничные дни и разные случаи изъ пастырской практики и церковно-приходскаго учительства. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Церковная лѣтопись. Практическое руководство для пастырей при описаніи прихода въ историческомъ, статистическомъ, религіозно-нравственномъ и друг. отношеніяхъ. Вып. I ц. 85 к. Вып. II ц. 1 р.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей по вопросамъ пастырскаго служенія. Вып. I цѣна 80 к., съ перес. 1 р.

За вѣру Христову. Сборникъ назидательныхъ бесѣдъ, разсказовъ и стихотвореній, цѣна 80 к. съ перес. 1 руб.

Очерки и разсказы для школьнаго, народнаго и вѣсело-служебнаго чтенія, цѣна 1 р. 75 к.

Для подписчиковъ „Дух. Бесѣды“ на 1910 г. всѣ книги уступаются за 6 р., а съ „Дух. Бесѣдой“ за 8 р. съ перес.

Весьма лестные одобрительные отзывы о книгахъ, какъ необходимой принадлежности каждой церковной, пастырской и школьной бібліотеки, помѣщены во многихъ періодическихъ изданіяхъ.

Паволочь, Кіевск. г. Редакторъ-издатель свящ. С. Брояковскій.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ТРЕЗВОСТИ“.

15 годъ изданія.

Журналъ посвященъ вопросамъ, какъ бороться съ пьянствомъ, какія мѣры принимать противъ этого зла въ жизни общественной и семейной, въ школахъ и въ войскахъ.

Съ 1909 г. въ журналъ помѣщаются рисунки.

„Вѣстникъ Трезвости“ допущенъ особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ бібліотекъ начальныхъ школъ, для ученическихъ бібліотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ и для безплатныхъ бібліотекъ и читаленъ, а равно и для народныхъ чтеній.

Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ рекомендованъ для приобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ семинарій, а равно и въ приходскія бібліотеки при городскихъ и сельскихъ церквахъ.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ допущенъ въ учительскія бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

О в ъ я в л е н і я

„Вѣстникъ Трезвости“ за прошлые годы съ 1895-1901 г. 1 р. за годъ; для подписчиковъ на 1910 г. за 75 коп.; журналъ за 1904-1909 гг. по 1 р. 25 к. за годъ; 1909 г. за 1 руб. высылается при получении въ редакціи подписки до 25 декабря 1909 г.

„Вѣстникъ Трезвости“ за 1902 и 1903 гг. распроданъ.

Подписная Цѣна за годъ **одинъ рубль**. За границу 1 р. 25 к.

Редакція: Спб., Гороховая, 32.

Подписка принимается въ конторѣ при типографіи П. П. Соѣлишна и въ большихъ книжныхъ магазинахъ г. Петербурга и Москвы.

Редакторъ-издатель д-ръ мед. Н. И. Григорьевъ.

Открыта подписка на 1910 годъ
На еженедѣльный иллюстрированный духовно-народный журналъ

„КОРМЧИЙ“

Изданія годъ 23-й.

Журналъ „КОРМЧИЙ“ одобренъ и рекомендованъ разн. вѣдомствами.

Цѣль журнала: дать каждой семьѣ православнаго русскаго народа благочестивое и понятное чтеніе.

За 4 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой подписчики получаютъ:

52 №№ иллюстрированато журнала разнообразнаго назидательнаго содержанія. Въ журналѣ, между прочимъ, будутъ продолжаться печатаніемъ возбуждившіе общій интересъ отвѣты на недоумѣнные вопросы, извѣстнаго духовнаго писателя Священника В. А. Черкесова и его же „отвѣты вопрошающимъ“ на личные запросы каждаго.

Къ журналу бесплатно прилагаются:

52 №№ еженедѣльнаго вѣстника подъ заглавіемъ Современное Обозрѣніе событій текущей жизни.

52 №№ Воскресныхъ и иллюстрированныхъ листковъ на современныя церковно-общественныя темы, по руководству воскресныхъ евангельскихъ чтеній. Для удобства пользованія, листки будутъ разосланы въ Январѣ, сразу на все первое полугодіе, а въ Июнѣ на второе полугодіе.

12 православно-миссіонерскихъ листковъ противъ современныхъ лжеученій и сектъ.

12 иллюстрированныхъ листковъ „на борьбу съ пьянствомъ“.

12 книжекъ назидательныхъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ: „народная бібліотека Кормчаго“.

1 книга „Пастырь-Проповѣдникъ“, сборникъ поученій на двенадцатые праздники, дни памяти великихъ и особо чтимыхъ святыхъ, царскіе дни и на разные случаи приходской жизни. Книга разоплется при 1 № журнала.

Въ видѣ особаго приложенія подписчики получаютъ книжку на хорошей глазированной бумагѣ, большого формата „Запросы Христіанской Жизни“ Священника В. А. Черкесова.

Книжка заключаетъ въ себѣ 300 отвѣтовъ простыхъ, ясныхъ, канонически православныхъ, обстоятельно составленныхъ на строгомъ обоснованіи Слова Божія, святоотеческой письменности, зрѣлаго житейскаго опыта на различные запросы пытливаго христіанскаго ума и въ такомъ видѣ является настольною книгою для каждаго пастыря церкви, для каждой христіанской семьи.

Выписывающіе 10 экзempl. годовыхъ получаютъ еще 1 экз. бесплатно.

Адресъ: Москва, Б. Ордынка, домъ Королева, редакція журнала „Кормчій“. Городская подписка принимается, кромѣ редакціи, въ конторѣ Печковской и друг.

За Редактора-Издатель Священникъ С. С. Ляпидевскій.

ОБЪ ИЗДАНИИ КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1910 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются: 1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта. 2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету. 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ. 5. Программы, конспекты и библиографическія указатели для учащихся. 6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческую ея отдѣлъ. 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета. 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета. 9. Годичные отчеты по Университету. 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями. 11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации. 12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей. 14. Ученые труды преподавателей и учащихся. 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроникѣ, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1910 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки 6 руб. 50 коп., а съ пересылкой 7 руб. Подписка и

заявленія объ обмѣнѣ изданиями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.: продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Г.г. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Гл. редакторъ В. Шконниковъ.

Ж У Р Н А Л Ъ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библіографіи, и современную дѣтскую учебнаго дѣла у насъ и за границей. Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (По Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію. Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копеекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію. При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу — 4 р.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизациі“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руфъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ повѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ гг. СОТРУДНИКОВЪ и ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ **удостоверенія мѣстной почтовой конторы** въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не **позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
{ Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.